

Уильям Ширер

ИСТОРИЯ

Rise and Fall of the Third Reich

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Третий Рейх пережил своего основателя ровно
на семь дней

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

История в одном томе

Уильям Ширер

Взлет и падение Третьего Рейха

«Издательство АСТ»

УДК 94(430)“1933/45”
ББК 63.3(4Гем)

Ширер У. Л.

Взлет и падение Третьего Рейха / У. Л. Ширер — «Издательство АСТ», — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-093819-3

Эту книгу «Нью-Йорк таймс» назвала «одной из важнейших работ в области новейшей истории». Эту книгу удостоили Национальной книжной премии, перевели практически на все языки, переиздавали уже более 30 раз – и она по-прежнему находит тысячи и тысячи новых читателей во всем мире. Что придает работе Уильяма Ширера такую ценность? Почему многие ученые считают ее «лучшим, что было написано о нацизме в Германии»? Автор не просто констатирует факты и описывает события, он подробно и объективно анализирует истоки появления национал-социализма. Ход германской истории и особенности немецкого национального менталитета, широкое распространение теории об «особом пути» Германии, политический и экономический тупик, в котором страна оказалась после Версальского договора, идеологические корни национал-социализма и даже подробности биографии Гитлера – все это Уильям Ширер сводит воедино и изучает в совокупности взаимовлияний. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(430)“1933/45”

ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-093819-3

© Ширер У. Л.
© Издательство АСТ

Содержание

К читателю	6
Книга первая	9
Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	48
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Уильям Ширер
Взлет и падение Третьего Рейха

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

К читателю

Хотя, живя и работая в Германии в первую половину недолгого существования Третьего Рейха, я имел возможность наблюдать, как Адольф Гитлер, диктатор великой и загадочной нации, консолидировал силы, а затем вверг страну в пучину войн, личный опыт не заставил бы меня взяться за перо и написать эту книгу, если бы в конце Второй мировой войны не произошло событие, не имеющее аналогов в истории.

Я имею в виду захват секретных государственных архивов Германии и всех их филиалов, включая архивы министерства иностранных дел, сухопутных войск и военно-морских сил, национал-социалистической партии и тайной полиции Генриха Гимmlера. Думаю, в истории не было прецедентов, когда столь ценные материалы попадали в руки современных исследователей. До сих пор архивы великих держав – даже после поражения в войне и революционного свержения правительства, как это имело место в России в 1917 году и в Германии в 1918 году, – охранялись государством. Полностью публиковались лишь те документы, которые служили интересам правительства, пришедшего к власти.

Стремительный крах Третьего Рейха весной 1945 года привел к тому, что в результате капитуляции были обнаружены не только многочисленные секретные документы, но и такие бесценные материалы, как личные дневники, строго засекреченные выступления, отчеты конференций, переписка и даже телефонные разговоры нацистских главарей, по распоряжению Германа Геринга записанные специальной службой, размещавшейся в министерстве военно-воздушных сил.

Генерал Франц Гальдер, например, вел дневник, делая стенографические записи по несколько раз на дню. Записи генерала – уникальный источник краткой информации за период с 14 августа 1939-го по 24 сентября 1942 года, когда он занимал пост начальника генерального штаба сухопутных войск и ежедневно встречался с Гитлером и другими главарями нацистской Германии. Среди дневников это наиболее показательные записи, но есть и другие, также представляющие большую ценность. Сюда относятся дневники доктора Йозефа Геббельса, министра пропаганды, близкого соратника Гитлера по партии, и генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного командования вооруженных сил (ОКВ). Существуют также записи самого ОКВ и штаба военно-морских сил. Действительно, в шестидесяти тысячах досье военно-морских архивов Германии, захваченных в замке Тамбах под Кобургом, приводятся практически все сигналы связи, судовые журналы, дневники, меморандумы и другие документы немецкого военно-морского флота, датированные апрелем 1945 года, когда они были найдены, и более ранние, начиная с 1868 года – года создания военно-морских сил Германии.

485 тонн материалов министерства иностранных дел Германии, захваченные 1-й американской армией в различных замках и шахтах Гарца в тот момент, когда по приказу из Берлина их должны были уничтожить, охватывают не только период Третьего Рейха, но и Веймарскую республику и начинаются со времени правления Бисмарка – Второго Рейха.

Долгие годы по окончании войны тонны нацистских документов лежали опечатанными на большом военном складе в американском городе Александрия, штат Виргиния. Правительство США не высказывало желания хотя бы вскрыть ящики и посмотреть, какие материалы представят интерес для историков. Наконец в 1955 году, десять лет спустя после того, как они были захвачены, по инициативе Американской исторической ассоциации и благодаря финансовой поддержке нескольких частных фондов материалы были открыты. Небольшая группа ученых, не располагавшая достаточным оборудованием, приступила к работе – анализу и фотографированию документов, прежде чем правительство поспешно передало их Германии, Материалы оказались настоящей находкой.

Большую ценность представляют и такие документы, как 51 частично застенографированное «выступление» фюрера о военном положении, которое ежедневно обсуждалось в ставке Гитлера, и полный текст бесед нацистского главара со старыми товарищами по партии и секретарями во время войны. Первые удалось обнаружить среди обугленных бумаг, оставшихся после Гитлера в Берхтесгадене, офицеру-разведчику 101-й воздушно-десантной дивизии США, вторые были найдены в материалах Мартина Бормана.

Сотни тысяч захваченных нацистских документов были спешно отправлены в Нюрнберг на судебный процесс и фигурировали в качестве улик против главных нацистских военных преступников. Освещая в газете первую половину Нюрнбергского процесса, я собрал кипу мимеографических копий, а позднее – опубликованные в сорока двух томах свидетельские показания и документы, дополненные десятью томами переводов важных материалов на английском языке. Тексты других документов, собранные в пятнадцатитомных сериях по материалам следующих двенадцати судебных процессов в Нюрнберге, также представляют определенную ценность, хотя многие свидетельские показания и факты не приведены.

И наконец, помимо этих объемистых материалов имелись подробные записи допросов немецких военных, партийных и государственных служащих, их свидетельские показания, данные под присягой на различных послевоенных судебных процессах, что обеспечивало исследователей информацией, на мой взгляд, ранее им неизвестной.

Естественно, я не мог прочесть документацию в полном объеме – это не по силам одному человеку, однако я тщательно проанализировал значительную часть материалов. Работа замедлялась из-за отсутствия подходящих ориентиров, как и у других исследователей, трудившихся над таким же обилием информации.

Весьма знаменательно, как мало находившиеся в Германии во времена нацизма журналисты и дипломаты знали о том, что происходило за фасадом Третьего Рейха. Тоталитарная диктатура в силу своей природы действовала в строжайшей тайне и умела оградить эту тайну от посторонних взглядов. Довольно просто было выделять и описывать неприкрашенные, волнующие и часто вызывающие отвращение события, происходившие в Третьем Рейхе: приход Гитлера к власти, поджог рейхстага, кровавую расправу над Ремом, аншлюс Австрии, капитуляцию Чемберлена в Мюнхене, оккупацию Чехословакии, нападение на Польшу, Скандинавию, Западную Европу, Балканы и Россию, ужасы нацистской оккупации и концентрационных лагерей, ликвидацию евреев.

Но втайне принятые роковые решения, интриги, измены, мотивы и заблуждения, приведшие к этому, сцены, сыгранные главными актерами за опущенным занавесом, размах осуществляемого ими террора и техника его организации – все это и многое другое в значительной степени было нам неведомо, пока не всплыли на свет секретные документы нацистской Германии.

Кое-кто, возможно, полагает, что слишком рано писать историю Третьего Рейха, что такую задачу надо оставить потомкам, у которых появится временная перспектива. Я обнаружил, что подобный взгляд особенно распространен во Франции, когда приехал туда, чтобы провести определенную исследовательскую работу. Мне говорили, что историку нужно заниматься эпохой Наполеона, но никак не более поздним периодом.

В таком подходе есть свои плюсы. Историки ждали пятьдесят, сто или больше лет, прежде чем описать какую-либо страну, империю или эпоху. Но не происходило ли это главным образом потому, что требовалось много времени, чтобы разыскать подходящие документы и представить подлинный материал? И, несмотря на все преимущества временной перспективы, не терялось ли что-то, поскольку у авторов отсутствовало личное знание эпохи, атмосферы того времени и исторических фигур, которых они описывали?

В случае с Третьим Рейхом – а он поистине уникален – в момент его падения имелись почти все документальные материалы, которые были дополнены свидетельскими показаниями

военных и государственных деятелей, оставшихся в живых или позднее понесших самое суровое наказание. Располагая уникальными источниками и хорошо помня жизнь в нацистской Германии, внешний облик, поведение и характер лиц, находившихся у власти, в первую очередь Гитлера, я решил, чего бы мне это ни стоило, изложить историю взлета и падения Третьего Рейха.

«Я прожил всю войну, – заметил Фукидид в «Истории Пелопонесской войны» – величайшем историческом труде, когда-либо написанном, – с годами постигая события и уделяя им внимание, чтобы познать их истинный смысл».

Мне было довольно трудно (и не всегда удавалось) познать истинный смысл событий, происходивших в гитлеровской Германии. Лавина фактического материала помогала в поисках истины, что, вероятно, было возможно и двадцать лет назад, но его обилие часто вводило в заблуждение. Во всех записях и свидетельских показаниях непременно встречались загадочные противоречия.

Несомненно, что мои собственные предубеждения, тесно связанные с личным жизненным опытом и поведением, время от времени проникают на страницы этой книги. Я в принципе не приемлю тоталитарную диктатуру, но стал испытывать еще большее отвращение к ней, живя в Германии и наблюдая, как гнусно оскорбляют человеческую личность. И все же в этой работе я постарался быть предельно объективным, заставляя говорить вместо себя факты и каждый раз ссылаясь на источники. В книге нет вымышленных ситуаций, сцен или цитат, все основано на документах, свидетельских показаниях или личных наблюдениях. Примерно в шести случаях, когда вместо фактов выдвигаются предположения, этому даются соответствующие объяснения.

Не сомневаюсь, что моя трактовка событий многими будет оспорена. Это неизбежно, поскольку ошибаться может каждый. Я решился изложить свои взгляды, чтобы сделать повествование более ясным и обоснованным, выбрав самое бесспорное из свидетельских показаний и используя собственный жизненный опыт и знания.

Книга первая

Приход Гитлера к власти

Глава 1

Рождение Третьего Рейха

В канун рождения Третьего Рейха Берлин лихорадило. Веймарской республике – это было ясно чуть ли не каждому, – пришел конец. Агония республики длилась уже более года. Генерала Курта фон Шлейхера, как и его предшественника Франца фон Палена, мало волновала судьба республики и еще меньше – судьба демократии. Генерал, как и фон Папен, назначенный президентским указом канцлером и руководивший страной, не согласовывая своих действий с парламентом, находился у власти уже пятьдесят семь дней.

28 января 1933 года, в субботу, он был внезапно смещен престарелым президентом республики фельдмаршалом фон Гинденбургом. Адольф Гитлер, глава национал-социалистической партии – самой крупной политической партии Германии, потребовал назначить его канцлером демократической республики, которую он поклялся уничтожить.

В те роковые дни в столице распространялись самые невероятные слухи. Поговаривали, что Шлейхер вместе с генералом Куртом фон Хаммерштейном, командующим сухопутными войсками, при поддержке Потсдамского гарнизона готовят путч и собираются арестовать президента и установить военную диктатуру. Не исключали также вероятности нацистского путча. Берлинские штурмовики при содействии полицейских, симпатизировавших нацистам, намеревались захватить Вильгельмштрассе, где находились президентский дворец и большинство государственных учреждений.

Поговаривали и о всеобщей забастовке. В воскресенье 29 января около ста тысяч рабочих собрались в Лустгартене в центре Берлина, чтобы протестовать, если Гитлера назначат главой нового правительства. Однажды, во времена Капповского путча в 1920 году, посредством всеобщей забастовки удалось спасти республику, когда правительство бежало из столицы.

Большую часть ночи с воскресенья на понедельник Гитлер не спал, прохаживаясь взад-вперед по номеру отеля «Кайзерхоф», расположенного на Рейхсканцлерплац, неподалеку от резиденции канцлера. Несмотря на некоторую нервозность, он был абсолютно уверен, что его час пробил. Почти месяц он вел секретные переговоры с Папеном и другими лидерами правого крыла консерваторов. Пришлось идти на компромисс. Ему бы не позволили сформировать правительство, состоящее только из нацистов. Но он мог стать главой коалиционного правительства, члены которого (восемь из одиннадцати не принадлежали к национал-социалистической партии) разделяли бы его взгляды о необходимости ликвидировать демократический веймарский режим. Лишь старый упрямый президент, похоже, стоял на его пути. 26 января, за два дня до решающих событий, убежденный сединами фельдмаршал заявил генералу фон Хаммерштейну, что «не намерен назначать этого австрийского капрала ни министром обороны, ни рейхсканцлером».

Тем не менее под давлением сына, майора Оскара фон Гинденбурга, статс-секретаря президента Отто фон Мейснера, Папена и других членов придворной клики президент в конце концов сдался. Ему было восемьдесят шесть лет, и возраст давал о себе знать. В воскресенье 29 января, после обеда, когда Гитлер с Геббельсом и другими товарищами сидели за чашкой кофе, в комнату ворвался Герман Геринг, председатель рейхстага и второй человек после Гитлера в нацистской партии, и решительно заявил, что утром Гитлер будет назначен канцлером.

В понедельник 30 января 1933 года, около полудня, Гитлер отправился в рейхсканцелярию на беседу с Гинденбургом, которая имела роковые последствия для самого Гитлера, для Германии и для всего человечества. Из окон «Кайзерхофа» Геббельс, Рем и другие нацистские главари с нетерпением наблюдали за дверями канцелярии, откуда вскоре должен был появиться фюрер. «По его лицу мы узнаем, удалось добиться успеха или нет», – заметил Геббельс. Даже тогда они не были до конца уверены в успехе. «Сердца наши переполняли сомнения, надежды, радость, уныние... – записал впоследствии в своем дневнике Геббельс. – Мы так часто разочаровывались, что непросто было всей душой уверовать, что великое чудо свершилось».

Несколько минут спустя они стали свидетелями этого чуда. Человек с усиками Чарли Чаплина, бедствовавший в юности, никому не известный солдат Первой мировой войны, всеми покинутый в Мюнхене в суровые послевоенные дни, чудаковатый главарь «пивного путча», оратор, мастерски владеющий аудиторией, австриец, а не немец по происхождению, которому исполнилось лишь сорок три года, был только что приведен к присяге в должности рейхсканцлера Германии.

Проехав сотню метров до «Кайзерхофа», он оказался в компании своих закадычных друзей – Геббельса, Геринга, Рема и других «коричневых», которые помогли ему расчистить тернистый путь к власти. «Он ничего не сказал, и никто из нас ничего не произнес, – отметил Геббельс, – но глаза его были полны слез».

До поздней ночи штурмовые отряды нацистов иступленно маршировали с факелами, празднуя победу. Четко разбившись на колонны, они появились из глубины Тиргартена и прошествовали под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот вниз по Вильгельмштрассе. Духовые оркестры громко трубили военные марши под оглушающий бой барабанов, нацисты распевали новый гимн «Хорст Вессель» и старинные немецкие песни, энергично отбивая каблуками ритм по мостовой. Факелы, которые они держали высоко над головами, напоминали в темноте огненную ленту, и это вызывало восторженные возгласы людей, толпившихся на тротуарах.

Гинденбург наблюдал за марширующими из окна дворца, тростью отбивая ритм, явно довольный тем, что наконец-то нашел на пост канцлера человека, способного пробудить в народе истинно немецкие чувства. Вряд ли он подозревал, какого зверя спустил сегодня с цепи.

Чуть дальше по Вильгельмштрассе у открытого окна рейхсканцелярии стоял радостный и возбужденный Адольф Гитлер, он пританцовывал, периодически выбрасывая руку в нацистском приветствии и весело смеялся, пока на глаза вновь не навернулись слезы.

Происходящие в тот вечер события вызвали у одного иностранного наблюдателя иные чувства. «Факельное шествие проплыло мимо французского посольства, – писал посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсе, – и я смотрел вслед ему с тяжелым сердцем и тревогой».

Усталый, но счастливый Геббельс вернулся домой в три часа ночи. Прежде чем отойти ко сну, он записал в дневнике: «Похоже на сон... на сказку... рождение нового рейха. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась!»

«Третий Рейх, рождение которому было положено 30 января 1933 года, – хвастался Гитлер, – просуществует тысячу лет». И впредь нацистская пропаганда будет часто называть его «тысячелетним» рейхом. Он просуществует двенадцать лет и четыре месяца, но за этот мимолетный с точки зрения истории период вызовет на земле потрясения более мощные и разрушительные, чем любая из существовавших ранее империй, вознеся немцев к таким высотам власти, какие им были неведомы более тысячи лет, сделав их хозяевами Европы от Атлантики до Волги, от Северного моря до Средиземноморья и свергнув в пучину разрухи и отчаяния в конце Второй мировой войны, которую хладнокровно спровоцировала немецкая нация и в ходе которой на оккупированных территориях царил террор и страх, по масштабам истребления народов и уничтожения человеческой личности превзошедшие самые дикие тирании предшествующих веков. Человек, создавший Третий Рейх, правивший страной с необычайной

жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением. Верно, что он обнаружил в немцах (хотя таинственное провидение и вековой жизненный опыт уже сформировали их к тому времени) то, что послужило материалом для достижения его собственных зловещих целей. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей нестигаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жестокостью, незаурядным умом, пылким воображением и – вплоть до окончания войны, когда в упоении властью и успехом он зашел слишком далеко, – удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и Третьего Рейха.

Как заметил выдающийся немецкий историк Фридрих Майнеке: «Это один из известных примеров необычной силы личности в истории».

Некоторым немцам и, безусловно, многим иностранцам казалось, что в Берлине к власти пришел какой-то фигляр и шарлатан. Большинство же немцев считали Гитлера (или вскоре стали считать) по-настоящему обаятельным лидером. Они слепо шли за ним в течение двенадцати последующих лет, словно он обладал неким пророческим даром.

Зная его происхождение и юность, трудно представить более неподходящую кандидатуру на роль продолжателя дела Бисмарка, династии Гогенцоллернов и президента Гинденбурга, чем этот странный мужлан-австрияк, родившийся в половине седьмого вечера 20 апреля 1889 года в скромной гостинице «Цум Поммер» в городе Браунау-ам-Инн, расположенном на границе с Баварией.

Месту рождения на австро-германской границе придавалось большое значение, поскольку в юности Гитлер был одержим идеей, согласно которой два германоязычных народа принадлежат одному рейху и не могут быть разделены границей. Его чувства были настолько сильны и глубоки, что в тридцать пять лет, сидя в немецкой тюрьме и диктуя книгу, которая стала для Третьего Рейха руководством к действию, Гитлер в первой же строке подчеркнул, что видит определенную символику в том, что родился именно там:

«То, что судьба выбрала Браунау-ам-Инн местом моего рождения, кажется мне сейчас знаком Божиим. Этот маленький городок находится на границе двух немецких государств, объединению которых мы, более молодое поколение, решили посвятить свою жизнь, чего бы это нам ни стоило... Небольшой городок видится мне символом высокого предназначения».

Адольф Гитлер был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, незаконнорожденного, до тридцати девяти лет носившего фамилию своей матери Шикльгрубер. Фамилия Гитлер встречалась как по материнской, так и по отцовской линии. И бабушка Гитлера по матери, и дед его по отцу носили фамилию Гитлер или ее варианты – Гидлер, Гютлер, Гютлер. Мать Адольфа доводилась его отцу двоюродной сестрой, и на брак потребовалось разрешение епископа.

Предки будущего немецкого фюрера на протяжении поколений обитали в Вальдфиртеле – районе Нижней Австрии, расположенном между Дунаем, Богемией и Моравией. Направляясь из Вены в Прагу или Германию, я неоднократно проезжал мимо этого места. Холмистое, лесное, с крестьянскими деревеньками и небольшими фермами, находящееся от Вены в каких-нибудь пятидесяти километрах, оно казалось убогим и заброшенным, словно события австрийской истории не коснулись его. Жители отличались суровым нравом, как и чешские крестьяне, проживавшие чуть севернее. Родственные браки были делом привычным, как в случае с родителями Гитлера, и дети, рожденные вне брака, не были редким явлением.

Быт родственников по материнской линии отличался стабильностью. Четыре поколения семьи Клары Пёльцль жили в деревне Шпиталь, в доме под номером тридцать семь. История предков Гитлера по отцовской линии совершенно иная. Как мы заметили, произношение фамилии менялось, менялось и местожительство семьи. Гитлерам было свойственно непостоянство, вечная тяга к переездам из деревни в деревню. Они брались то за одну работу, то

за другую, не желая связывать себя прочными узами, проявляли по отношению к женщинам некоторое легкомыслие.

Иоганн Георг Гидлер, дед Адольфа, был бродячим мельником, подрабатывая то в одной, то в другой деревушке Нижней Австрии. В 1824 году через пять месяцев после свадьбы у него родился сын, но жена с ребенком умерли. Он женился вторично восемнадцать лет спустя в Дюрентале на сорокасемилетней крестьянке Марии Анне Шикльгрубер из деревни Штронес. За пять лет до замужества, 7 июня 1837 года, она родила внебрачного сына, будущего отца Адольфа Гитлера, которого назвала Алоисом. Вполне вероятно, что Иоганн Гидлер приходился ребенку отцом, но данных, подтверждающих это, нет. Во всяком случае, Иоганн в конце концов женился на ней, однако усыновить после свадьбы мальчика не удосужился, и ребенку дали фамилию матери Шикльгрубер.

Мария умерла в 1847 году. После ее кончины Иоганн Гидлер исчез, и о нем ничего не было слышно в течение тридцати лет. В возрасте восьмидесяти четырех лет он объявился в городе Вейтра в Вальдфиртеле, заменив в своей фамилии букву «д» на «т» (Гитлер), чтобы заверить у нотариуса в присутствии трех свидетелей, что он – отец Алоиса Шикльгрубера. Почему старику потребовалось столько времени, чтобы сделать этот шаг, и почему он его в конце концов сделал, из имеющихся источников неясно. Согласно версии Хайдена, Алоис впоследствии признался приятелю, что это было необходимо для получения наследства от дяди – брата мельника, вырастившего юношу в своей семье. Запоздалое признание отцовства было, таким образом, зафиксировано 6 июня 1876 года, а 23 ноября приходский священник в Дёллершейме, получив письменное извещение нотариуса, зачеркнул в церковной книге фамилию Шикльгрубер и записал: «Гитлер».

С этого момента отец Адольфа на законном основании носил фамилию Гитлер, которая, естественно, перешла к его сыну. Лишь в 30-е годы предприимчивые журналисты, порывшись в архивах приходской церкви, раскопали факты происхождения Гитлера и, несмотря на запоздалое признание старым Иоганном Георгом Гидлером своего внебрачного сына, пытались называть нацистского фюрера Адольфом Шикльгрубером.

В странной жизни Адольфа Гитлера, полной необъяснимых превратностей судьбы, этот случай, имевший место за тринадцать лет до его рождения, кажется самым необъяснимым. Если бы восьмидесятичетырехлетний бродячий мельник не объявился, чтобы признать свое отцовство по отношению к тридцатидевятилетнему сыну спустя тридцать лет после смерти его матери, Адольфа Гитлера звали бы Адольфом Шикльгрубером.

Факт сам по себе, может быть, малозначачий, однако я слышал, как немцы строили догадки по поводу того, удалось бы Гитлеру стать хозяином Германии, если бы он остался Шикльгрубером. Есть что-то смешное в том, как эту фамилию произносят немцы на юге страны. Разве можно представить толпу, неистово выкрикивающую: «Хайль! Хайль, Шикльгрубер!»? «Хайль, Гитлер!» не только напоминало вагнеровскую музыку, воспевающую языческий дух древнегерманских саг и соответствующую мистическому настрою массовых нацистских сборищ, но и использовалось во времена Третьего Рейха как обязательная форма приветствия, заменявшее даже привычное «алло». «Хайль, Шикльгрубер!» – это представить гораздо труднее¹.

Очевидно, родители Алоиса никогда не жили вместе и после свадьбы, и будущий отец Адольфа Гитлера рос в семье своего дяди, который, приходясь Иоганну Георгу Гидлеру братом, произносил свою фамилию на иной лад и был известен как Иоганн фон Непомук Гютлер. Принимая во внимание оголтелую с ранней молодости ненависть нацистского фюрера к

¹ Гитлер, очевидно, и сам понимал это. В юности он признался своему единственному другу Августу Кубичеку, что ничто его так не обрадовало, как перемена фамилии отцом. Он заявлял, что фамилия Шикльгрубер кажется ему «какой-то грубой, топорной, не говоря уже о том, что она громоздка и неудобна. Фамилию Гидлер он находил... слишком мягкой, а вот Гитлер звучит славно и легко запоминается».

чехам – нации, которую он впоследствии полностью лишил независимости, следует сказать, что Непомук был национальным святым чешского народа, и некоторые историки усматривают в этом наличие чешской крови в его роду.

Алоис Шикльгрубер вначале изучал сапожное дело в деревне Шпиталь, но, будучи, как и его отец, натурой беспокойной, вскоре отправился на заработки в Вену. В восемнадцать лет он вступил в пограничную полицию австрийской таможенной службы, через девять лет получил повышение и женился на Анне Гласл-Хёерер, приемной дочери таможенного чиновника. За невесту дали небольшое приданое, и социальный статус Алоиса повысился – обычное явление в среде австро-венгерского чиновничества низшего звена. Но брак этот оказался несчастливым. Анна была на четырнадцать лет старше мужа, слаба здоровьем и не могла иметь детей. Прожив шестнадцать лет, они расстались, и через три года, в 1883 году, она умерла.

До разрыва с женой Алоис, теперь уже на законном основании именованный Гитлером, сошелся с молодой кухаркой при гостинице Франциской Матцельсбергер, которая в 1882 году родила от него сына, тоже Алоиса. Через месяц после смерти жены он женился на кухарке, а через три месяца она родила ему дочь Ангелу. И второй брак Алоиса оказался недолговечным. Год спустя Франциска скончалась от туберкулеза. А через шесть месяцев Алоис Гитлер женился в третий – и последний – раз.

Новой невесте Кларе Пёльцль, которая в скором времени станет матерью Адольфа Гитлера, было двадцать пять, ее мужу – сорок восемь, и они давно знали друг друга. Клара была родом из Шпиталя – деревни, в которой проживали многочисленные родственники Гитлеров. Иоганн фон Непомук Гютлер, в семье которого вырос племянник Алоис Шикльгрубер-Гитлер, приходился ей дедушкой. Таким образом, Алоис доводился Кларе двоюродным братом, и на их брак, как мы уже знаем, потребовалось разрешение епископа.

Это был союз, о котором таможенный чиновник подумывал задолго до момента, когда Клара вошла в его первую семью, где не было детей, в качестве приемной дочери. Девочка прожила с Шикльгруберами в Браунау несколько лет. Первая жена Алоиса часто болела, и у него, по-видимому, возникла мысль жениться на Кларе, как только он станет вдовцом. Отцовское признание и получение Алоисом наследства совпали с шестнадцатилетием девушки, когда она по закону уже могла выйти замуж. Но, как известно, первая жена после разрыва прожила еще несколько лет, а Алоис тем временем связался с кухаркой, и Клара в двадцать лет, покинув родную деревню, уехала в Вену, где нанялась служанкой.

Вернулась она через четыре года, чтобы вести хозяйство в доме двоюродного брата, – Франциска в последние месяцы жизни тоже жила отдельно от мужа. Алоис Гитлер и Клара Пёльцль поженились 7 января 1885 года, а через четыре месяца и десять дней у них родился первенец Густав. Он умер во младенчестве, как и дочь Ида, родившаяся в 1886 году.

Адольф Гитлер был их третьим ребенком. Младший брат Эдмунд, родившийся в 1894 году, прожил всего шесть лет. Пятый, и последний, ребенок – дочь Паула родилась в 1896 году и пережила своего брата.

Сводный брат Адольфа Алоис и сводная сестра Ангела – дети Франциски Матцельсбергер – выросли и стали взрослыми. Ангела, хорошенькая молодая женщина, вышла замуж за служащего налогового управления по фамилии Раубал, после его смерти работала в Вене экономкой, а одно время, если верить сведениям Хайдена, кухаркой в еврейской благотворительной общине. В 1928 году она переехала к Гитлеру в Берхтесгаден для ведения хозяйства, и в нацистских кругах много говорили о вкусной венской сдобе и сладких блюдах на десерт, приготовленных Ангелой, которые Гитлер поглощал с волчьим аппетитом. Она уехала от него в 1936 году, чтобы выйти замуж за профессора архитектуры в Дрездене, и Гитлер, будучи уже рейхсканцлером и диктатором, не простил ей этого и даже отказался сделать свадебный подарок. Она была единственной родственницей, с кем Гитлер в зрелом возрасте поддерживал тесные отношения. А впрочем, было еще одно исключение. У Ангелы была дочь – тоже Ангела

(Гели) Раубал, красивая блондинка, к которой Гитлер, как мы убедимся, питал по-настоящему глубокое чувство.

Адольфу Гитлеру не нравилось, когда при нем упоминали имя сводного брата. Алоис Матцельсбергер, в дальнейшем по праву именовавшийся Алоисом Гитлером, стал официантом и на протяжении долгих лет был не в ладах с законом. В восемнадцать лет его приговорили за кражу к пяти месяцам тюрьмы, а в двадцать (тоже за кражу) – к восьми месяцам. В конце концов он переехал в Германию, но тут же впутался в новую историю. В 1924 году, когда Адольф Гитлер томился в тюрьме за организацию бунта в Мюнхене, гамбургский суд приговорил Алоиса Гитлера к шестимесячному заключению за двоеженство. Затем, как рассказывает Хайден, он поселился в Англии, женился, но вскоре бросил семью.

С приходом к власти национал-социалистов для Алоиса Гитлера настали счастливые времена. Он открыл небольшую пивную в предместье Берлина, а незадолго до окончания войны перенес ее на Витгенбергерплац, в фешенебельный квартал на западе столицы. Пивную часто посещали нацисты, и в первые годы войны, когда с продуктами было плохо, в ней всегда царил изобилие. В те дни я тоже иногда заглядывал туда. Шестидесятилетний Алоис, тучный, простоватый и добродушный, внешне мало походил на знаменитого сводного брата и ничем не отличался от многочисленных владельцев небольших питейных заведений, разбросанных по Германии и Австрии. Дела у него шли хорошо, и он, предав забвению небезупречное прошлое, наслаждался обеспеченной жизнью.

Боялся он лишь одного – чтобы сводный брат в припадке раздражения не отнял лицензию. В пивной поговаривали, что фюрер сожалел о существовании сводного брата, напоминая ему о скромном происхождении их семьи. Помнится, Алоис отказывался участвовать в каких бы то ни было разговорах о сводном брате, – разумная мера предосторожности, правда, разочаровавшая тех, кто пытался узнать как можно больше о прошлом человека, уже к тому времени приступившего к завоеванию Европы.

За исключением «Майн кампф», на страницах которой дается скудный биографический материал, что нередко вводит исследователей в заблуждение, и имеются большие временные пробелы, Гитлер не обсуждал и не позволял обсуждать в его присутствии свою родословную, детские и юношеские годы. С прошлым семьи мы познакомились. Какими же были детство и юность фюрера?

Детские и юношеские годы Адольфа Гитлера

В тот год, когда отец в возрасте пятидесяти восьми лет оставил службу в таможне и вышел на пенсию, шестилетний Адольф начал ходить в школу в деревне Фишльхам неподалеку от Линца. Это произошло в 1895 году. Затем в течение четырех-пяти лет беспокойный пенсионер несколько раз переезжал из одной деревни в другую в окрестностях Линца. К тому времени, когда сыну исполнилось пятнадцать лет, семья сменила семь раз местожительство, а мальчик пять школ. Два года он посещал занятия в монастыре бенедиктинцев в Ламбахе, по соседству с которым отец приобрел ферму. Там юный Гитлер пел в хоре и, по его собственным словам, мечтал о духовном сане. В конце концов вышедший на пенсию таможенный чиновник прочно обосновался в деревушке Леондинг, к югу от Линца, где семья занимала скромный дом с садом.

Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он стал посещать среднюю школу в Линце. Для отца это было связано с определенными финансовыми издержками, но свидетельствовало о его честолюбии – сын должен пойти по стопам отца и стать государственным служащим. Юноша же меньше всего стремился к этому. «Мне едва исполнилось одиннадцать, – рассказывал впоследствии Гитлер, – когда я впервые был вынужден сказать «нет» собственному отцу... Я не хотел быть чиновником».

Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, деспотичным отцом – один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных Гитлером в «Майн кампф».

Этот конфликт стал по существу первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела его так далеко и, несмотря на казавшиеся непреодолимыми препятствия и трудности, сокрушила всех, кто стоял у него на пути, наложила неизгладимую печать на судьбы Германии и Европы.

«Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект. Меня... тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению бумажных формуляров...

В один прекрасный день я понял, что стану художником... Отец мой лишился дара речи. Художником?

Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял. Когда же отец выяснил, о чем идет речь, и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать...

– Художником? Нет! Никогда, пока я жив!..

Отец долго повторял свое «никогда». А я тем не менее настаивал...» Ссора привела к тому, что мальчик бросил школу. «Я подумал, – объяснял Гитлер, – что, как только отец убедится, насколько неблагоприятно обстоят мои дела в школе, он позволит мне осуществить свою мечту, независимо от того, по душе это ему или нет».

Эти слова, написанные тридцать четыре года спустя, в какой-то мере могут служить оправданием школьных неудач Гитлера. Его оценки в начальной школе были в целом хорошими. Но в средней школе в Линце Гитлер учился весьма посредственно и в итоге, не получив аттестата, вынужден был перевестись в школу в Штейре. Там он занимался недолго и, не доучившись, бросил школу.

Школьные неудачи не давали покоя Гитлеру и в более зрелом возрасте, когда он всячески высмеивал ученых мужей, их степени, дипломы, тщеславие и высокомерие. Даже последние три-четыре года своей жизни, находясь в ставке верховного главнокомандования и вдаваясь в тонкости военной тактики, стратегии и командования, он иногда откладывал все дела и вместе со старыми друзьями по партии предавался воспоминаниям о недалекости учителей, преподававших ему в юности. Некоторые высказывания этого безумного гения, в то время верховного главнокомандующего, лично руководившего огромными армиями на пространствах от Волги до Ла-Манша, дошли до наших дней.

«3 марта 1942 года

Вспоминая своих учителей, я понимаю, что у большинства из них было не все в порядке с психикой. Те же, кого можно считать хорошими преподавателями, являлись исключением. Печально думать, что такие люди способны были преградить молодому человеку дорогу в жизнь.

12 апреля 1942 года

Самые неприятные воспоминания остались у меня об учителях, преподававших в школе. Внешний вид говорил об их нечистоплотности, воротнички всегда казались несвежими... Они были порождением пролетариата, лишенного способности мыслить самостоятельно, их отличало крайнее невежество, и они прекрасно подходили для того, чтобы стать винтиками деградирующей системы правления, которая – слава Богу! – теперь уже в прошлом.

29 августа 1942 года

Вспоминая своих школьных учителей, я сознаю, что половина из них были людьми ненормальными... Мы, ученики старой Австрии, воспитывались в духе уважения к старикам и женщинам. Однако мы были безжалостны по отношению к нашим преподавателям, они являлись для нас настоящими врагами. Большинство были умственно неполноценными, и многие к концу жизни превратились в настоящих безумцев... Особенно не везло с учителями мне. Совершенно не проявились мои способности к иностранным языкам, хотя все могло сложиться иначе, не будь преподаватель полным идиотом. Я просто не выносил его.

7 сентября 1942 года

Наши учителя были настоящими тиранами. К молодежи они не испытывали никакой симпатии. Их единственная цель состояла в том, чтобы вбить нам в голову разную чепуху и превратить в таких же ученых обезьян, какими были они сами. Стоило кому-то проявить малейшие признаки самостоятельного мышления, его начинали систематически преследовать. А примерные ученики, которых мне довелось знать, во взрослой жизни оказались неудачниками».

Совершенно очевидно, что до последних дней своей жизни Гитлер не забывал о преподавателях, ставивших ему когда-то плохие оценки, и постарался представить прошлые события в виде фарса.

Впечатления преподавателей о молодом Гитлере были записаны после того, как он стал известен всему миру. Одним из немногих учителей, которого, похоже, жаловал Гитлер, был Теодор Гиссингер, пытавшийся привить ему любовь к естественным наукам. Гиссингер впоследствии вспоминал: «Лично у меня от Гитлера в Линце не осталось никакого впечатления – ни хорошего, ни плохого. Его ни в коей мере нельзя было назвать лидером класса. Худощавый, державшийся прямо юноша, с бледным, вытянутым, как у чахоточного, лицом... Открытый взгляд... Глаза блестят».

Эдуард Хюмер, принадлежавший, очевидно, к числу тех «полных идиотов», о которых высказывался Гитлер, поскольку преподавал французский язык, приезжал в 1923 году в Мюнхен давать свидетельские показания по делу своего бывшего ученика, обвиненного в измене за участие в «пивном путче». Разделяя взгляды Гитлера, он заявил, что от всей души желает осуществления его идей, и набросал портрет своего бывшего ученика: «Гитлер, безусловно, был способным учеником, хотя способности его проявлялись лишь по отдельным предметам. Ему не хватало самоконтроля, поэтому, мягко говоря, его считали спорщиком, деспотичным, самонадеянным, невыдержанным, не подчиняющимся школьной дисциплине. Усердием он также не отличался, иначе добился бы лучших результатов, принимая во внимание его способности».

Один из учителей средней школы в Линце оказал сильное и, как выяснилось, роковое влияние на молодого Адольфа Гитлера. Это был преподаватель истории доктор Леопольд Пётч – выходец с юга, где проходила граница с южными славянами. Региональные конфликты на расовой почве превратили Пётча в фанатичного немецкого националиста. До приезда в Линц он преподавал в Марбурге, который позднее, когда эта область после Первой мировой войны отошла к Югославии, был переименован в Марибор.

Несмотря на то что доктор Пётч ставил своему ученику лишь «удовлетворительно», он единственный из учителей, о ком фюрер тепло отозвался в «Майн кампф».

«Для всей моей последующей жизни определяющим моментом, пожалуй, явилось то, что судьба ниспослала мне такого преподавателя истории, который, как никто другой, понимал принцип... сохранения главного и отбрасывания в сторону всего несущественного... В моем учителе средней школы в Линце докторе Леопольде Пётче это требование сочеталось идеальным образом. Пожилой человек, добрый и одновременно твердый, он умел не только привле-

кать наше внимание своим поразительным красноречием, но и вести за собой. Даже теперь я с трепетом вспоминаю этого седого человека, который своей страстной речью иногда заставлял нас забывать настоящее, который словно по мановению волшебной палочки переносил нас в прошлое и превращал сухие исторические факты вековой давности в живую реальность. Мы внимали, зачастую обуреваемые энтузиазмом, растроганные до слез... Он использовал зарождавшийся в нас национальный фанатизм как средство воспитания, нередко обращаясь к чувству нашего национального достоинства. Благодаря стараниям педагога история стала моим любимым предметом.

И действительно, хотя у него и не было такого намерения, именно тогда я сделался молодым революционером».

Тридцать пять лет спустя, в 1938 году, в ходе триумфального визита в Австрию после ее присоединения к Третьему Рейху рейхсканцлер Гитлер ненадолго остановился в Клагенфурте, чтобы навестить своего старого учителя, уже вышедшего на пенсию. Он с удовлетворением узнал, что Пётч являлся членом нацистской организации СС, которая в независимой Австрии была запрещена.

Гитлер беседовал с ним наедине в течение часа и позднее признался товарищам по партии: «Вы представить себе не можете, как я обязан этому старому человеку».

Алоис Гитлер умер от легочного кровотечения 3 января 1903 года в возрасте шестидесяти пяти лет. Приступ застал его во время утреннего моциона, и он скончался в расположенной поблизости гостинице на руках у соседа. Когда тринадцатилетний сын увидел тело отца, он не выдержал и разрыдался.

Его мать, которой было тогда сорок два года, переехала в скромную квартирку в Урфаре – пригороде Линца, где вместе с двумя оставшимися в живых детьми, Адольфом и Паулой, перебивалась на скромные сбережения и выделенную ей пенсию. Она считала себя обязанной, как заметил Гитлер в «Майн кампф», согласно воле отца заботиться о его дальнейшем образовании. «Другими словами, заставить меня учиться на государственного служащего».

Хотя молодая вдова потворствовала прихотям сына и он, похоже, тоже искренне любил ее, мальчик «более, чем когда-либо, был уверен, что не станет чиновником». Таким образом, несмотря на нежные чувства матери и сына, между ними возникли трения, потому что Адольф по-прежнему пренебрегал занятиями в школе.

«Неожиданно мне помогла болезнь, несколько недель определили мое будущее и положили конец извечным домашним ссорам».

Когда Гитлеру было почти шестнадцать, обнаружили, что он болен легочным заболеванием, и юноша вынужден был прервать учебу по крайней мере на год. На какое-то время его отослали в деревушку Шпиталь к родственникам. В доме у тетки по матери, крестьянки Терезы Шмидт, Адольф быстро поправился. После выздоровления он ненадолго вернулся в среднюю школу. В последнем отчете об успеваемости от 16 сентября 1905 года Гитлеру выставлены оценки «хорошо» по немецкому языку, химии, физике, геометрии. По географии и истории он имел «удовлетворительно», а по рисованию на свободные темы «отлично». Его настолько воодушевила перспектива навсегда распрощаться со школой, что он напился в первый и последний раз в жизни. Позднее он вспоминал, что на рассвете где-то на проселочной дороге под Штейром его подобрала молочница и помогла добраться до города. И он тогда же поклялся, что такое больше не повторится. В данном случае Гитлер сдержал слово – он стал трезвенником, воздерживался от курения, был вегетарианцем сначала в силу обстоятельств, когда без гроша в кармане бродяжничал в Вене и Мюнхене, потом – по убеждению.

Последующие два-три года Гитлер считал самыми счастливыми в своей жизни. Несмотря на просьбу матери и настойчивые призывы родственников пойти работать и приобрести профессию, он довольствовался мечтами о том, что в будущем станет художником, и предавался

развлечениям на берегах Дуная. Гитлеру навсегда запомнилась безоблачная пора юности, когда он, будучи любимцем матери, наслаждался «прелестями праздной жизни».

Хотя болезненной вдове было нелегко сводить концы с концами, располагая довольно скудными средствами, молодой Адольф категорически не желал искать работу, чтобы помочь семье. Сама мысль о необходимости зарабатывать себе на хлеб уже тогда претила ему, и он не изменил своего отношения к этому на протяжении всей жизни.

Последние годы юности перед вступлением во взрослую жизнь Гитлер считал счастливыми, очевидно, потому, что был свободен, мог строить любые планы на будущее, мечтать и проводить дни в шатании по городу или деревне, втолковывая приятелю, что мир устроен несправедливо и это надо исправить. Вечерами он мог уткнуться в книгу либо, проникнув с черного хода в оперный театр Линца или Вены, восхищенно вслушиваться в таинственные мелодии Рихарда Вагнера.

Позднее один из друзей детства отзывался о Гитлере как о болезненном, бледном и худощавом юноше, обычно робком и скрытном, с которым мог внезапно случиться истерический припадок, если кто-либо с ним не соглашался. Четыре года Адольфу казалось, что он по-настоящему влюблен в хорошенькую блондинку по имени Штефания. Часто провожая ее влюбленным взглядом, когда она вместе с матерью прогуливалась по Ландштрассе в Линце, Гитлер ни разу не попытался познакомиться с девушкой, предпочитая, чтобы она, как и многие другие объекты его почитания, оставалась в скрытом от посторонних мире его буйных фантазий. Действительно, во многих лирических стихах, посвященных Штефании (одно из стихотворений называлось «Гимн любимой»), которые он упорно читал своему терпеливому другу Августу Кубичеку², она представлялась ему девой из «Валькирии», облаченной в темно-синюю развевающуюся бархатную мантию и скачущей на белом коне по цветущим полям.

Хотя Гитлер намеревался посвятить себя искусству – стать художником или по крайней мере архитектором, в возрасте шестнадцати лет его уже захватила политика.

К тому моменту он пропитался яркой ненавистью к Габсбургской монархии и всем ненецким народностям многонациональной Австро-Венгерской империи, которой они правили, и столь же пылкой любовью ко всему немецкому. В шестнадцать лет Гитлер стал тем, кем оставался всю жизнь вплоть до последнего вздоха – фанатичным немецким националистом. Вероятно, он не так легкомысленно воспринимал происходящее, как можно было ожидать от празднующегося. Мировые проблемы уже тогда давили на него тяжким грузом. Кубичек впоследствии вспоминал: «Повсюду он замечал одни лишь препятствия и враждебность... Он вечно против чего-то возражал и был недоволен окружающим... Я замечал, что он воспринимал происходящее очень серьезно...»

Именно в то время молодого человека, который терпеть не мог школу, обуяла страсть к чтению. Он записывается в публичную библиотеку в Линце и вступает в музейное общество, где берет книги в большом количестве. Знакомый Гитлера тех лет вспоминает, что его всегда окружали книги, любимыми же являлись книги по истории Германии и немецкой мифологии.

Линц был провинциальным городом, и вскоре внимание юноши, которого переполняли амбиции и фантазии, привлекла Вена – блистательная столица империи, славившаяся архитектурой барокко. В 1906 году, как только ему исполнилось семнадцать, Гитлер, взяв денег у матери и родственников, отправился на два месяца в столицу. Хотя именно здесь позднее

² Кубичек, очевидно, единственный друг Гитлера в юности, находившийся рядом с ним четыре года, пока в возрасте девятнадцати лет тот не отправился бродяжничать в Вену, в книге «Каким я знал Гитлера в юности» нарисовал интересный портрет своего приятеля, портрет, позволяющий не только заполнить пробелы в биографии германского фюрера, но и до некоторой степени скорректировать бытовавшее ранее представление о характере молодого Гитлера. Кубичек был полной ему противоположностью. Он происходил из хорошей семьи, выучился, как отец, на драпировщика и с удовольствием занимался этим ремеслом, одновременно обучаясь музыке. Позднее он с отличием закончил Венскую консерваторию и, вероятно, сделал бы блестящую карьеру дирижера и композитора, если бы не грянула Первая мировая война.

пройдут самые мрачные годы его жизни, когда ему в буквальном смысле придется нищенствовать, во время первой встречи Вена очаровала его. Адольф целыми днями бродил по улицам, с восхищением рассматривая фасады домов на Ринге, постоянно пребывая в состоянии возбуждения от того, что видел в музеях, слышал в опере.

Юноша навел справки относительно поступления в Венскую академию изящных искусств и через год, в октябре 1907-го, вновь вернулся в столицу. Первым практическим шагом в осуществлении мечты стать художником явились вступительные экзамены. Тогда, в восемнадцать лет, он был полон надежд, но они не сбылись. Подробно об этом рассказывает запись в экзаменационном протоколе академии:

«В ходе экзаменов следующие лица не добрали баллов и не были приняты... Адольф Гитлер, уроженец Браунау-ам-Инн, родился 20 апреля 1889 года, немец, католик, отец – государственный служащий, окончил четыре класса средней школы. Несколько рисунков головы оценены неудовлетворительно».

На следующий год Гитлер предпринял еще одну попытку поступить в академию, но на этот раз его рисунки оказались настолько плохи, что его не допустили до экзаменов. На молодого человека с большими амбициями, как писал он впоследствии, неудача обрушилась как гром среди ясного неба. Он был твердо уверен, что добьется успеха. Описывая этот эпизод в «Майн кампф», Гитлер упоминает, что потребовал объяснения от ректора академии.

«Этот господин заверил меня в том, что представленные работы со всей очевидностью свидетельствуют, что у меня нет склонности к рисованию и мне лучше попробовать себя в архитектуре. Он заявил, что о моем поступлении в художественную школу академии и речи быть не может и мне надо учиться в архитектурном институте».

Молодой Адольф хотел было последовать этому совету, но вскоре с горечью понял, что отсутствие аттестата не позволит ему поступить в архитектурный институт.

Тем временем его мать умирала от рака груди, и Адольф вынужден был вернуться в Линц. После того как он бросил школу, Клара Гитлер и ее родственники помогали молодому человеку в течение трех лет, однако результатов не видели. 21 декабря 1908 года, когда город оделся в рождественский наряд, мать скончалась. Два дня спустя ее похоронили на кладбище в Леондинге рядом с отцом.

Для девятнадцатилетнего юноши это был страшный удар.

«...Я уважал отца и любил мать... Ее внезапная кончина положила конец всем моим далеко идущим планам... Бедность и суровая действительность вынудили меня незамедлительно принять решение... Я столкнулся с проблемой как-нибудь зарабатывать себе на жизнь».

«Как-нибудь!» У него не было профессии. Он с презрением относился к физическому труду и никогда не пытался что-либо заработать. Но трудности не пугали Гитлера. Прощаясь с родственниками, он громко заявил, что не вернется сюда, пока не устроит свою судьбу.

«С набитым чемоданом и непоколебимой верой в сердце я отправился в Вену. Я, как и мой отец пятьдесят лет назад, надеялся, что судьба мне улыбнется и я стану кем-то, но только не государственным служащим».

Самый мрачный период жизни Гитлера

1909–1913 годы ознаменованы полной нищетой и крушением надежд тщеславного молодого человека из Линца. В эти последние годы процветания династии Габсбургов, предшествовавшие ее краху, после чего город уже перестал быть столицей пятидесятидвухмиллионной империи, расположенной в самом сердце Европы, в Вене царил атмосфера веселья и очарования, которая всегда выделяла ее среди других столиц мира. Ни один из городов Запада не мог сравниться с ней не только своим архитектурным богатством, но и добродушием, весельем и утонченностью жителей, воспитанных на барокко и рококо.

Место, расположенное на берегу голубого Дуная, в окрестностях Венского леса, среди холмов, покрытых золотисто-зелеными виноградниками, представлялось чудом природы, захватывало воображение приезжих, а венцев заставляло поверить в то, что Всевышний к ним особенно благосклонен. Отовсюду лилась изумительная по проникновенности музыка Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта – гениальнейших композиторов, которых когда-либо знала Европа, а последние годы в разгар бабьего лета постоянно звучали пленительные вальсы любимца Вены Иоганна Штрауса.

Людам, которым выпало счастье с детских лет любоваться пышным барокко, сама жизнь представлялась неким сном. Жители Вены дни и ночи беззаботно кружились в вальсе и потягивали вино, мило болтали в уютных кафе, слушая музыку и пребывая в мире грез, посещали драмтеатр, оперу, оперетту, предавались любви – другими словами, большую часть своей жизни посвящали удовольствиям и мечтам о них.

Конечно, кому-то надо было управлять империей, руководить армией и флотом, прокладывать коммуникации, заниматься бизнесом и просто трудиться. Однако немногие из венцев работали сверхурочно и даже полный рабочий день.

Безусловно, и здесь существовала так называемая изнанка жизни. В Вене, как и в других городах, имелись бедняки, которые жили в трущобах, недоедали и плохо одевались. Однако, будучи самым крупным промышленным городом Центральной Европы и столицей Австро-Венгерской империи, Вена процветала, и жители в полной мере пользовались благами этого процветания. Политическую жизнь города контролировала большей частью мелкая буржуазия; рабочие создали не только свои профсоюзы, но и мощную политическую партию – социал-демократическую. Население города, насчитывавшее в то время два миллиона человек, начинало проявлять активность.

Демократия приходила на смену существовавшему веку самодержавию Габсбургов, народные массы получали доступ к образованию и культуре. К тому времени, когда Гитлер, молодой человек без гроша за душой, перебрался в Вену, перед ним открылась перспектива получить высшее образование либо довольно прилично зарабатывать себе на жизнь, влившись в миллионную армию тружеников, и наслаждаться благами цивилизации, которые столица предоставляла своим жителям. Ведь не кто иной, как его единственный друг Кубичек, такой же бедный и неизвестный, как сам Гитлер, уже успел заявить о себе в музыкальной академии.

Но молодой Адольф решил не поступать в архитектурный институт, хотя такая возможность, несмотря на отсутствие аттестата об окончании средней школы, у него была, поскольку молодых людей, отличавшихся «особым талантом», принимали и без него. Однако, насколько известно, он не подавал заявления о приеме. Его мало заботило и то, что надо приобрести какую-то профессию или поступить на постоянную работу.

Гитлер предпочел перебиваться случайными заработками: убирал снег, выбивал ковры, служил носильщиком на Западном вокзале, а иногда нанимался на несколько дней строительным рабочим. В ноябре 1909 года, почти год спустя после приезда в Вену «в надежде на лучшую судьбу», он был вынужден съехать из меблированной комнаты, которую снимал по Симон-Денк-гассе, и четыре года обитал в ночлежках или в таких убогих местах, как мужское общежитие в доме номер двадцать семь по Мельдемманн-штрассе в двадцатом районе Вены, на берегу Дуная. Голод он утолял похлебкой, которую раздавали в городе благотворительные кухни.

Неудивительно, что почти два десятилетия спустя Гитлер писал:

«С Веной – городом, который для многих является воплощением беспечных радостей, излюбленным местом развлечений, у меня, к сожалению, связаны воспоминания о самом печальном периоде моей жизни.

Даже сегодня этот город не вызывает у меня ничего, кроме мрачных мыслей. Вена ассоциируется в моем воображении с пятью годами невзгод и лишений. Пять лет я был вынужден

зарабатывать себе на жизнь сначала в качестве поденного рабочего, затем – скромного художника; скудного заработка не хватало даже на то, чтобы каждый день утолять голод».

Рассказывая о том периоде своей жизни, Гитлер подчеркивал, что постоянно недоедал:

«Голод в те годы был со мной неразлучен, словно преданный охранник, ни на минуту не оставляя меня и поглощая все, что у меня было... Жизнь представляла собой вечную борьбу с этим безжалостным другом».

Голод, однако, не заставил его искать постоянное место работы. В «Майн кампф» Гитлер поясняет, что им владел мучительный страх мелкого буржуа скатиться до уровня пролетария, выполняющего физическую работу. Впоследствии при создании национал-социалистической партии Гитлер использовал этот страх, опираясь в основном на плохо оплачиваемый, неприкаянный, не имеющий своего лидера класс «белых воротничков», миллионы представителей которого питали иллюзии, что в социальном отношении они в любом случае стоят выше рабочих.

Хотя Гитлер и говорит, что кое-как перебивался, работая «скромным художником», в своей автобиографии он подробно на этом не останавливается, а лишь упоминает: в 1909–1910 годах его материальное положение настолько улучшилось, что ему уже не надо было трудиться простым рабочим. «В то время, – пишет он, – я был независимым скромным чертежником и рисовал акварели».

Утверждение это отчасти вводит в заблуждение, как и многое из того, что связано с биографией фюрера, изложенной в «Майн кампф». Хотя высказывания тех, кто знал Гитлера в те годы, не намного достовернее, все-таки удалось воссоздать более точную и наверняка более полную картину.

То, что Адольф Гитлер никогда не рисовал дома, в чем язвительно упрекали его политические оппоненты, совершенно очевидно. По крайней мере, нет никаких фактов, подтверждающих, что он этим занимался. Он рисовал маленькие картинки с видами Вены, известные всем достопримечательности столицы, такие, как собор святого Стефана, оперу, Бургтеатр, дворец в Шёнбрунне или римские развалины в парке Шёнбрунна. Знакомые уверяли, что Адольф копировал виды с картин старых мастеров, с натуры он, по-видимому, рисовать не умел. Рисунки его ходульны и безжизненны, словно черновые наброски начинающего архитектора, а человеческие фигуры, которые он иногда изображал на фоне зданий, настолько плохи, что напоминают персонажи комиксов.

Гитлер, возможно, продал сотни таких картинок мелким торговцам для украшения стен, продавцам для заполнения рам на выставках, мебельщикам, которые, следуя моде тех дней, иногда прибавляли их гвоздиками к спинкам дешевых диванов и кресел. Гитлер не пренебрегал и чисто коммерческими заказами, часто рисовал рекламные плакаты для лавочников. На одном из плакатов Дед Мороз продавал ярко раскрашенные свечки, очевидно, чтобы немного заработать на Рождество, на другом – готический шпиль собора святого Стефана, который Гитлер не уставал копировать, возвышался над грудой кусков мыла.

В годы своей скитальческой жизни в Вене он ходил на человека богемы. Те, кто знал в то время Гитлера, впоследствии вспоминали, что он носил длинное, до пят, потертое пальто черного цвета, похожее на кафтан, подаренное ему венгерским евреем, торговавшим подержанными вещами, вместе с которым Гитлер влачил тоскливые дни в мужском общежитии. Рассказывали, что Адольф круглый год не снимал с головы черную же грязную жокейскую кепочку. Спутанные волосы, зачесанные на лоб, как в более поздние годы, лохмами спадали сзади на несвежий воротничок. Гитлер, очевидно, редко стригся и брился, поэтому черная щетина проступала обычно на щеках и подбородке. Если верить Ханишу, «внешне Гитлер выглядел довольно неординарно».

В отличие от окружавших его отчаявшихся молодых людей Гитлер не был подвержен порокам юности. Он не курил и не употреблял спиртного, женщинами не увлекался – не из-за какой-то аномалии, как утверждали, а просто из-за врожденной робости.

«Мне кажется, – заметил Гитлер впоследствии в «Майн кампф» с известной долей юмора, проблески которого были у него столь редки, – что мои знакомые того времени считали меня эксцентричным». Как и его учителя, они запомнили у Гитлера вызывающе пристальный взгляд, выражающий нечто присущее сильной личности и никак не вязавшийся с жалким обликом немывтого бродяги. Они вспоминали, что молодой человек, несмотря на всю свою леность, когда дело касалось физического труда, был ненасытным книгочеем и проводил за чтением большую часть времени.

«В то время я читал много и основательно. Все свободное от работы время я отдавал этому занятию. Таким образом, за несколько лет я накопил основательные знания, которыми пользуюсь и сегодня».

В «Майн кампф» подробно обсуждается искусство чтения:

«Под «чтением», правда, я подразумеваю нечто иное, нежели средний представитель нашей так называемой интеллигенции. Я знаю тех, кто «читает» очень много... но я с трудом мог бы назвать их людьми «начитанными». Естественно, они накопили массу информации, однако их способности не позволяют надлежащим образом расположить и зафиксировать получаемый материал... С другой стороны, человек, владеющий искусством правильного чтения... тотчас же подсознательно отбирает все, что, по его мнению, заслуживает твердого запоминания, поскольку это либо соответствует его цели, либо содержит полезные сведения... Искусство чтения, так же как и самого процесса обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть все лишнее...»

Лишь такое чтение можно считать осмысленным и целесообразным... С этой точки зрения мой венский период особенно плодотворен и ценен».

Ценен для чего? Гитлер отвечает, что, вращаясь среди бедных и бесправных обитателей Вены, он посредством чтения приобрел все те знания, которые потребовались ему в дальнейшей жизни.

«Вена была и остается для меня самой трудной и одновременно самой основательной школой жизни. Я вступил в этот город почти ребенком, а покинул его взрослым человеком, молчаливым и угрюмым.

Именно в ту пору сформировалось мое мироощущение и философия, которые послужили краеугольным камнем для всех моих будущих действий. И впоследствии мне не надо было учиться многому, что-либо менять коренным образом в дополнение к тому, что я создал».

Какие же знания приобрел Гитлер во время тяжелых испытаний, столь щедро выпадавших на его долю в Вене? Каковы те идеи, которые он почерпнул из книг и выработал на основании собственного опыта и которым, по его же словам, следовал практически до конца дней своих? Даже при самом поверхностном рассмотрении ясно, что идеи эти не отличались глубиной и всесторонностью, зачастую носили гротесковый и нелепый характер и явно окрашены предрассудками. Однако столь же очевидно, что анализ этих идей весьма важен для данного исторического исследования, как и для мировой истории в целом, поскольку они сыграли не последнюю роль в формировании основ Третьего Рейха, которые вскоре предстояло заложить этому начитанному бродяге.

Идейные воззрения Адольфа Гитлера

Эти воззрения, за малым исключением, не отличались особой оригинальностью и были почерпнуты из бурлящего водоворота австрийской политической жизни начала двадцатого

века. Дунайская монархия разваливалась под бременем собственных противоречий. Германо-австрийское меньшинство на протяжении столетий правило многоязычной империей, в состав которой входило более десятка разных национальностей, навязывая им свой язык и свою культуру. Но с 1848 года позиции монархии пошатнулись. Образно выражаясь, Австрия перестала быть котлом, переваривающим противоречия национальных меньшинств. В 1960-е годы прошлого столетия от империи откололась Италия, а в 1867 году венгры добились равенства с немцами в рамках так называемой двуединой монархии.

Теперь же, в начале двадцатого века, потребовали равенства или по крайней мере национальной самостоятельности славянские народы – чехи, словаки, сербы, хорваты и другие. В политической жизни Австрии доминирующее место заняла острая национальная борьба.

Но это было еще не все. Назревал также социальный протест, зачастую превосходивший по своим масштабам расовые волнения. Низшие классы, лишённые избирательного права, добивались участия в выборах, а рабочие боролись за право создавать профсоюзы и проводить забастовки, выдвигая требования не только о повышении заработной платы и улучшении условий труда, но и о предоставлении политических свобод. И действительно, всеобщая забастовка в итоге привела к предоставлению избирательного права мужчинам, что по существу положило конец политическому доминированию германо-австрийцев, составлявших треть населения австрийской части империи.

Гитлер, этот молодой германо-австрийский националист из Линца, был ярким противником подобных перемен. Он считал, что империя стала скатываться в «зловонное болото». Спасти ее можно лишь при условии, если высшая раса – немцы – сохранят за собой абсолютную власть.

Негерманские расы, особенно славяне, а прежде всего чехи, считались низшими. И поэтому ими должны править немцы железной рукой. Следовало распустить парламент и вообще покончить со всякой демократической ерундой.

Хотя Гитлер не занимался политикой, он живо интересовался деятельностью трех основных политических партий старой Австрии: социал-демократической, христианско-социалистической и пангерманских националистов. И вот У этого неопрытного завсегда благотворительных кухонь проклюнулись первые ростки политической проницательности, позволившие ему с удивительной ясностью увидеть всю силу и слабость современных политических течений. Дальнейшее развитие этого качества способствовало его превращению в ведущего политического деятеля.

Гитлер с первого взгляда лютой ненавистью возненавидел социал-демократическую партию. «Наибольшую неприязнь во мне, – заявлял он, – вызывало их враждебное отношение к борьбе за сохранение германизма и постыдное заигрывание с «товарищами» славянами... За несколько месяцев я получил то, на что в другие времена требовались десятилетия: понимание заразной шлюхи³, прикрывающейся общественной добродетелью и братской любовью».

И все же он был достаточно умен и погасил в себе чувство ненависти, которое испытывал к партии рабочего класса, чтобы внимательно изучить причины ее популярности. Он пришел к выводу, что таких мотивов несколько, и спустя годы припомнил их и использовал при создании национал-социалистической партии Германии.

Однажды, говорится в «Майн кампф», он явился свидетелем массовой демонстрации венских рабочих. «Почти два часа я стоял и, затаив дыхание, наблюдал, как огромная грозная толпа проплывала мимо. Затем в подавленном состоянии я не спеша направился домой».

Дома он занялся чтением социал-демократической прессы, изучением речей их лидеров и самой организации, анализом психологии и политических методов и подведением итогов. Гитлер пришел к выводу, что социал-демократы добились успехов, во-первых, потому, что

³ Во втором и всех последующих изданиях «Майн кампф» это слово было заменено выражением «заразных больных»

знали, как сделать движение массовым, без чего существование любой политической партии не имеет смысла; во-вторых, потому, что научились вести пропагандистскую работу в массах; в-третьих, потому, что хорошо понимали силу «внутреннего и физического страха».

Третий вывод, хотя и основывался на ошибочных представлениях и предубеждениях самого Гитлера, заинтересовал его. Через десять лет он использовал этот принцип в собственных целях.

«Я понял, какой постыдный внутренний страх это движение наводит, в частности, на буржуазию, которая ни морально, ни психически не готова к подобным нападкам; в заданный момент самая настоящая лавина оскорблений и лжи может обрушиться на любого противника, который представляется наиболее опасным, пока у лиц, подвергающихся нападкам, не сдадут нервы... Подобная тактика основывается на точном учете всех человеческих слабостей, и с ее помощью почти с математической точностью можно добиться успеха... Я пришел также к пониманию того, что такое значение физический страх имеет как в отношении отдельного человека, так и масс в целом... В то время как в рядах сторонников этого движения достигнутые успехи рассматриваются как подтверждение правильности выбранного ими пути, противник, потерпевший поражение, в большинстве случаев понимает всю бессмысленность какого-либо дальнейшего сопротивления».

Более точного анализа нацистской тактики, разработкой которой впоследствии занимался Гитлер, никто никогда не давал.

Пристальное внимание начинающего осознавать себя в Вене Гитлера привлекли две политические партии. Деятельность обеих он подверг беспристрастному скрупулезному анализу. Поначалу, как указывал Гитлер, его симпатии принадлежали пангерманской националистической партии, созданной Георгом Риттером фон Шёнерером, выходцем из Нижней Австрии, как и семья Гитлера.

В то время пангерманская партия вела непримиримую борьбу за германское превосходство в многонациональной империи. И хотя Гитлер считал Шёнерера «глубоким мыслителем» и с энтузиазмом поддерживал его основополагающую программу воинствующего национализма, антисемитизма, антисоциализма, союза с Германией, оппозиции Габсбургам и Ватикану, он вскоре понял причины неудач этой партии.

«Пангерманское движение в недостаточной мере оценило важность социальных проблем, и это стоило ему того, что оно потеряло поддержку по-настоящему активных народных масс. Участие партии в парламенте лишило движение мощной притягательной силы и одновременно выявило изъяны, свойственные ему. Борьба против католической церкви... оттолкнула от движения многих передовых людей, которые составляют гордость нации».

Хотя Гитлер забыл об этом, придя к власти в Германии, одним из уроков, извлеченных им в венский период жизни, о котором фюрер довольно подробно пишет в «Майн кампф», явилось понимание тщетности усилий любой политической партии противопоставить себя церкви.

«Независимо от того, насколько вескими были основания для критики того или иного направления, – пишет Гитлер, объясняя, почему тезис Шёнерера «отдельно от Рима» был тактической ошибкой, – политическая партия ни на минуту не должна упускать из вида тот факт, что за всю предшествующую историю партия, преследующая чисто политические цели, ни разу не добилась успеха в проведении реформации церкви».

Однако Гитлер полагал, что самой большой ошибкой пангерманской партии оказалась ее неспособность вести за собой массы, ее нежелание попытаться понять психологию простого народа. По оценке Гитлером идей, которые начали у него формироваться, едва ему исполнился двадцать один год, очевидно, что такую позицию пангерманистов он считал в корне ошибочной. Гитлер был не намерен повторять подобных просчетов, создавая свое собственное политическое движение.

Не имел он права и на другую ошибку, допущенную пангерманской партией. Пангерманцам не удалось добиться поддержки от мощных институтов страны – церкви, военных, кабинета министров или главы правительства. До тех пор пока политическое движение не заручится подобной поддержкой, по мысли молодого Гитлера, ему будет трудно, а то и невозможно прийти к власти. В решающие дни января 1933 года Гитлеру удалось изловчиться и получить в Берлине такую поддержку, что и позволило ему и национал-социалистической партии прийти к власти.

В бытность Гитлера в Вене один политический лидер хорошо понимал это, а также необходимость создания партии, опирающейся на массы. Это был доктор Карл Люгер, бургомистр Вены и лидер христианско-социалистической партии, который в большей, чем кто-либо другой, степени являлся политическим наставником Гитлера, хотя они ни разу не встречались. Гитлер всегда считал его «величайшим германским мэром всех времен... государственным деятелем более важным, чем все так называемые дипломаты того времени... Если бы доктор Карл Люгер проживал в Германии, его с полным основанием можно было бы отнести к великим представителям нашего народа».

Правда, надо заметить, что между Гитлером, каким он потом станет, и Люгером, этим добродушным кумиром мелкой венской буржуазии, было мало общего. Люгер действительно слыл самым влиятельным политическим деятелем Австрии, будучи председателем партии, состоящей из представителей недовольной мелкой буржуазии, нажив политический капитал, как позднее и сам Гитлер, на яром антисемитизме.

Однако Люгер, который не отличался знатным происхождением, учился в университете и был человеком высокообразованным. Даже его оппоненты, включая евреев, соглашались с тем, что он был порядочным, галантным, по-рыцарски щедрым и вполне терпимым. Стефан Цвейг, известный австрийский писатель, еврей по национальности, живший тогда в Вене, подтвердил, что официальный антисемитизм никогда не мешал Люгеру помогать евреям и проявлять дружеские чувства к ним. «При нем, – вспоминает Цвейг, – городом управляли довольно справедливо и даже в типично демократической манере... Евреи, которых привела в ужас победа антисемитской партии, как и раньше, пользовались теми же правами и уважением». Это не нравилось молодому Гитлеру. Он считал, что Люгер был слишком терпим и не понимал всей значимости расовой проблемы евреев. Гитлер возмущался неудачными попытками бургомистра принять пангерманизм, скептически воспринимал его католический клерикализм и лояльность по отношению к Габсбургам. Разве не престарелый император Франц Иосиф дважды отказывался санкционировать избрание Люгера на пост бургомистра?

Однако в конце концов Гитлер был вынужден признать гениальность этого человека, человека, который знал, каким образом можно добиться поддержки масс, хорошо разбирался в современных социальных проблемах и понимал, какое значение пропаганда и ораторское искусство имеют для воздействия на сознание масс. Гитлер не мог не восхищаться тем, как Люгер контактировал с влиятельной церковью: «политику он проводил с большой пронительностью». И наконец, тот же Люгер «умел эффективно использовать все имеющиеся средства для завоевания поддержки традиционных институтов власти, с тем чтобы получать максимальные преимущества для своей партии со стороны этих влиятельных сил».

Таковы вкратце идеи и методы, которыми позже воспользовался Гитлер для создания своей собственной политической партии и завоевания этой партией власти в Германии. Исключительная изобретательность Гитлера состояла в том, что он оказался единственным правым политическим деятелем, который применил эти идеи и методы в Германии после окончания Первой мировой войны. Именно в тот период нацистскому движению – единственному среди прочих националистических и консервативных партий – удалось привлечь на свою сторону широкие массы и благодаря этому добиться поддержки армии, президента республики и представителей большого бизнеса – другими словами, трех традиционных институтов верховной

власти, которые помогли Гитлеру найти пути к посту рейхсканцлера Германии. Уроки, полученные в Вене, действительно не прошли даром.

Доктор Карл Люгер был блестящим оратором, а пан-германская партия испытывала недостаток в людях, умеющих хорошо говорить. Гитлер обратил на это внимание и впоследствии в «Майн кампф» не преминул порассуждать о значении ораторского искусства в политике.

«Истоки той силы, которая с незапамятных времен лежала в основе крупнейших религиозных и политических преобразований, скрываются в магическом притяжении сказанного слова, и в нем одном.

Недаром массы можно всколыхнуть лишь силой слова. Все крупные движения – это популярные движения, сгусток человеческих страстей и эмоциональных всплесков, подогретых либо жестокой богиней горя и лишений, либо зажигательными призывами, произнесенными перед массами; такие движения нельзя взрастить слащавыми речами литературных эстетов и салонных героев».

Несмотря на то, что молодой Гитлер воздерживался от непосредственного участия в политической жизни Австрии, он уже тогда начал совершенствовать свое ораторское искусство в общедоступных аудиториях Вены, выступая то в ночлежках, то в благотворительных кухнях, то на углу улицы. Позднее он развил эти данные, что я могу подтвердить лично, поскольку присутствовал на его наиболее важных выступлениях. Мало кто из политических деятелей Германии периода между двумя мировыми войнами мог сравниться по ораторскому таланту с фюрером, именно это мастерство в значительной степени содействовало его поразительному успеху.

И наконец, Гитлером были накоплены в Вене определенные знания по еврейскому вопросу. В Линце, как позднее вспоминал он, проживало немного евреев.

«Я не помню, чтобы дома отец когда-либо говорил о них. В средней школе учился один еврейский мальчик, но мы не придавали этому никакого значения... Я даже принимал их (евреев) за немцев».

Однако друг юности Гитлера писал впоследствии, что это не соответствовало действительности. «Когда я впервые встретился с Адольфом Гитлером, – отмечал Август Кубичек, вспоминая о днях, проведенных вместе с ним в Линце, – у него уже тогда были заметны антисемитские настроения... Гитлер отправился в Вену убежденным антисемитом. И хотя жизненный опыт, накопленный им в Вене, мог усугубить эти чувства, они зародились в юноше задолго до этого».

«Затем я переехал в Вену. Растерявшись от обилия впечатлений... собственной неустроенности, я первое время еще не осознавал всего многообразия социального расслоения обитателей этого огромного города. Несмотря на то, что в двухмиллионной Вене еврейское население составляло около двухсот тысяч, я не обращал на них никакого внимания... В ту пору еврей по-прежнему казался мне не кем иным, как человеком другого вероисповедания, поэтому просто из человеческой терпимости я в данном случае, как и во всех других, оставался противником каких-либо религиозных нападок. Стало быть, тональность антисемитской прессы Вены казалась мне недостойной культурных традиций великой державы».

Однажды Гитлер отправился погулять в центр города. «Я вдруг увидел мужчину в черном кафтане и с темными пейсами. «Это, наверное, еврей», – подумал вдруг я. Но в Линце они выглядели совсем иначе. Исподтишка я стал пристально наблюдать за незнакомцем, и, чем внимательнее я всматривался в лицо этого человека, изучал его черты, тем назойливее терзала меня мысль: «И это немец?»

Нетрудно догадаться, к какому выводу пришел Гитлер. Однако сам он утверждает, что прежде он решил, чтобы попытаться рассеять свои сомнения, поискать ответа в книгах. Он с головой ушел в изучение антисемитской литературы, которая в те времена довольно широко

продавалась в Вене. Затем перенес свои наблюдения на улицы города, чтобы непосредственно проследить за этим «феноменом».

«Куда бы я ни шел, я везде теперь встречал евреев, и, чем чаще я их видел, тем более четко выделял среди остальной части населения... Позднее мне нередко становилось дурно до тошноты от одного только запаха, исходившего от людей, облаченных в кафтаны».

Впоследствии Гитлер писал, что понял «всю моральную нечистоплотность этих «избранников божьих»... Разве порок или разврат, особенно в сфере культурной жизни, не встречаются там, где действует хотя бы один еврей? Если вы более внимательно попытаете подойти к рассмотрению подобных порочных явлений, то обнаружите, что и тут, стоит только направить свет на разлагающийся труп, который гложут черви, имеется еврей!»

Евреи в значительной степени, по убеждению Гитлера, были ответственны за расцвет проституции и работоторговлю белыми людьми.

«Когда впервые, – говорит в этой связи Гитлер, – я до конца осознал суть евреев как хладнокровных, бесстыжих и расчетливых организаторов, этих отвратительных поставщиков разврата среди отребья большого города, меня в буквальном смысле холодный пот прошиб».

В пространных высказываниях Гитлера по поводу евреев просматривается явно болезненная сексуальность. Это было характерно для антисемитской прессы Вены того времени, впрочем, как впоследствии и для сомнительного еженедельника «Дер штюрмер», издававшегося в Нюрнберге одним из любимцев фюрера Юлиусом Штрейхером, нацистским вождем Франконии, известным извращенцем, прославившимся в Третьем Рейхе своей дурной репутацией.

«Майн кампф» изобилует намеками на нечистоплотных евреев, которые соблазняют невинных христианских девушек, что самым неблагоприятным образом сказывается на последующих поколениях. Гитлер часто пишет о том, что «представлял себе кошмарные сцены соращения сотен тысяч девушек отвратительными кривоногими евреями-ублюдками».

Как указывает Рудольф Олден, антисемитизм Гитлера мог быть порожден его болезненным воображением. Хотя Адольфу к тому моменту, когда он проживал в Вене, уже исполнилось двадцать лет, он, насколько известно, не состоял в каких-либо отношениях с женщинами.

«Так постепенно, – констатирует Гитлер, – я возненавидел их... Именно тогда наступил период высочайшего духовного подъема, когда-либо испытанного мною. Я покончил с малодушным космополитизмом и стал антисемитом».

Таким слепым и ярым фанатиком Гитлер оставался до конца своих дней. В последнем завещании, написанном за несколько часов до смерти, Гитлер не удержался от того, чтобы снова не обрушиться на евреев, ответственных за войну, которую сам развязал и которая теперь должна была покончить с ним и созданным им Третьим Рейхом. Лютая ненависть, поразившая столь многих немцев в рейхе, в конечном счете привела к массовому уничтожению народов и оставила страшный след в истории цивилизации, который сохранится до тех пор, пока на земле будет существовать человечество.

Весной 1913 года Гитлер решил распрощаться с Веной и переехать в Германию, которой, как он писал, всегда принадлежало его сердце. Молодому человеку было двадцать четыре года, и всем, не считая, разумеется, его самого, он казался полным неудачником. Он не стал ни художником, ни архитектором. Для многих он был не кем иным, как бродягой, правда довольно эксцентричным и начитанным. У Гитлера не было ни друзей, ни семьи, ни работы, ни дома. Тем не менее его отличала непоколебимая уверенность в себе и своем предназначении.

Не следует исключать, что Гитлер покинул Австрию, чтобы избежать военной службы⁴.

⁴ Начиная с 1910 года, по исполнении двадцати одного года, Гитлер вступил в призывной возраст. Как вспоминает Хайден, австрийские власти не могли добраться до него, пока он жил в Вене. Им удалось разыскать его лишь в Мюнхене, и молодому человеку было предписано явиться для освидетельствования в Линц. Иозеф Грейнер в книге «Конец гитлеровского мифа» приводит некоторые эпизоды переписки Гитлера с австрийскими военными властями, из которых явствует, что он отверг

Но так произошло не из-за трусости Гитлера. Просто он и мысли не допускал о том, чтобы служить бок о бок с евреями, славянами и представителями других национальных меньшинств, населявших империю. В «Майн кампф» Гитлер указывает, что переехал в Мюнхен весной 1912 года, однако сведения эти не соответствуют действительности. В документах венской полиции значится, что он проживал в Вене по май 1913 года.

Собственное объяснение Гитлером причин его отъезда из Австрии звучит довольно высокопарно:

«Постепенно во мне нарастало внутреннее неприятие государства Габсбургов... конгломерата различных этнических рас, заполнивших столицу... Меня выворачивало наизнанку это смешение чехов, поляков, венгров, русинов, сербов, хорватов, и везде было полно этих выскочек – евреев. Огромный город стал для меня олицетворением расового осквернения... Чем дольше я жил в этом городе, тем сильнее крепла во мне ненависть к чужеродному смешению людей, из-за него стал разлагаться древний центр германской культуры... Все это пробудило во мне жгучее желание отправиться наконец туда, куда с самого детства меня влекли тайные устремления и скрытая любовь».

Судьба Гитлера в стране, которая была ему столь дорога, сложилась так, как не представлялось даже в самом безумном сне. Живя в германском рейхе, Гитлер формально был иностранцем, австрийцем, и оставался им вплоть до своего назначения на пост канцлера. Чтобы понять его до конца, необходимо подходить к нему как к австрийцу, который достиг совершеннолетия незадолго до краха империи Габсбургов, но не смог пустить корни в просвещенной столице этого государства. Он впитал в себя все самые нелепые предрассудки и ненависть, распространенные в ту пору среди германо-язычных экстремистов, но не понял, что большинство окружавших его были людьми порядочными, честными и благородными независимо от их национальности и социального положения, то есть будь они чехи, евреи или немцы, бедные или богатые, художники или ремесленники. Сомневаюсь, чтобы какой-либо немец, проживающий на севере страны или на западе, в Рейнской области, в Восточной Пруссии или в Баварии, мог сочетать в себе, опираясь на имеющийся жизненный опыт, такие качества, которые выдвинули Адольфа Гитлера на те высоты, которых ему в итоге удалось достичь. Правда, сюда следует добавить ярко выраженную непредсказуемость гения.

Однако весной 1913 года его гениальность еще не проявилась. В Мюнхене, как и в Вене, Гитлер жил без средств, без друзей и постоянной работы. Летом 1914 года началась война, взявшая его вместе с миллионами других людей в свои безжалостные тиски. 3 августа Гитлер подал прошение королю Баварии Людвигу III разрешить ему вступить добровольцем в полк, сформировавшийся в Баварии, и его просьба была удовлетворена.

Гитлеру представилась благоприятная возможность. Теперь молодой бродяга мог не только удовлетворить свое желание служить вновь обретенному отечеству, что, по словам Гитлера, выливалось в борьбу за будущее Германии, когда встал вопрос «быть или не быть», но и избежать неудач и неприятностей в личной жизни.

«Эти несколько часов, – писал Гитлер в «Майн кампф», – будто освободили меня от бремени, висевшего надо мной на протяжении всей моей юности. Мне вовсе не стыдно при-

обвинение в том, что перебрался в Германию, чтобы избежать военной службы. Ссылаясь на отсутствие достаточных средств, он попросил разрешения пройти освидетельствование в Зальцбурге, который находился недалеко от Мюнхена. Он прошел освидетельствование 5 февраля 1914 года, и его признали негодным к строевой и даже вспомогательной службе по причине слабого здоровья – видимо, было не все в порядке с легкими. Тот факт, что он не стал призывником до тех пор, пока власти в конце концов не установили его местопребывание, а ему к тому времени исполнилось двадцать четыре года, очевидно, беспокоил Гитлера, когда взойшла его звезда в Германии. Грейнер подтверждает слух, ходивший в антинацистских кругах, когда я работал в Берлине, относительно того, что после оккупации Австрии в 1938 году немецкими войсками Гитлер отдал распоряжение гестапо найти официальные документы, касающиеся его призыва на военную службу. Попытки обнаружить эти бумаги в Линце не увенчались успехом, отчего Гитлер пришел в бешеную ярость. Документы эти были изъяты одним из членов местного управления, который после войны показал их Грейнеру.

знать в том, что меня охватил восторг и, упав на колени, я от всего сердца возблагодарил Всевышнего за то, что он ниспослал мне великое счастье жить в такое время... Для меня, как и для всех немцев, начался самый памятный период жизни. На фоне событий той гигантской борьбы все мое прошлое кануло в небытие».

Таким образом, прошлому Гитлера со всеми его разочарованиями, убогостью и одиночеством суждено было остаться в тени, хотя именно прошлое сформировало сознание и характер фюрера. Война, принесшая смерть многим миллионам, для Гитлера, которому тогда было двадцать пять лет, знаменовала начало новой жизни.

Глава 2

Рождение нацистской партии

10 ноября 1918 года, в пасмурное осеннее воскресенье, Адольф Гитлер пережил событие, которое, пребывая в состоянии озлобленности и отчаяния, назвал величайшим злодеянием века⁵. Это невероятное известие раненым солдатам, находящимся на излечении в военном госпитале в Пасевалке, небольшом городке Померании, расположенном к северо-востоку от Берлина, принес пастор. Гитлер поправлялся в госпитале после временной потери зрения, явившейся следствием контузии, полученной во время газовой атаки, предпринятой англичанами под Ипром месяц назад.

Пастор сообщил им, что кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию. За день до этого в Берлине была провозглашена республика. На рассвете 11 ноября во Франции, в местечке Компьен, должно состояться подписание мирного договора. Война проиграна. Германии остается уповать на милость победивших союзников. Пастор всхлипывал.

«Я не мог этого вынести, – пишет Гитлер, вспоминая тот день. – Снова все потемнело и поплыло перед глазами. Шатаюсь и спотыкаясь, я добрался до палаты, упал на койку и уткнулся в подушку... Голова раскалывалась. Итак, все оказалось напрасно. Напрасны все эти жертвы и страдания... когда, преодолевая смертельный страх в душе, мы, несмотря ни на что, выполняли свой долг... Напрасна гибель двух миллионов человек... Разве за это они отдали свои жизни?.. Неужели это было нужно лишь для того, чтобы горстка презренных преступников смогла прибрать к рукам наше отечество?»

Впервые после того как он стоял у могилы матери, Гитлер, по его словам, не выдержал и разрыдался: «Я не мог ничего с собой поделать». Подобно миллионам соотечественников, он в тот момент не мог признать и никогда не признавал очевидный ошеломляющий факт, что Германия потерпела поражение на поле битвы.

Как миллионы других немцев, Гитлер был храбрым и отважным солдатом. Позднее кое-кто из политических противников фюрера станет обвинять его в трусости, проявленной во время боя, но, если говорить честно, никаких порочащих его доказательств нет. После трехмесячной подготовки Гитлер в конце октября 1914 года попал на фронт в качестве связного первой роты 16-го баварского резервного пехотного полка, а через четыре дня тяжелых боев его часть понесла серьезные потери в первом сражении под Ипром, где англичанам удалось приостановить продвижение немцев к Ла-Маншу. Хозяину дома, у которого Гитлер проживал в Мюнхене, портному по фамилии Попп, он писал, что за эти четыре дня численный состав полка сократился с трех с половиной тысяч до шестисот человек, что в живых осталось только тридцать офицеров, а четыре роты пришлось расформировать.

На войне Гитлер был дважды ранен. Первый раз, 7 октября 1916 года, в битве на Сомме его ранило в ногу. После госпитализации он в марте 1917 года возвращается в полк Листа, названный так по фамилии первого командира. Гитлера повысили в звании – теперь он уже ефрейтор и летом участвует в битве за французский город Аррас и в третьем сражении под Ипром. Полк, в котором он служил, оказался в центре последнего, отчаянного наступления германской армии весной и летом 1918 года. В ночь на 13 октября в ходе сражения под Ипром Гитлер стал жертвой массивной газовой атаки англичан в районе южнее Вервика.

«Я попятился назад, чувствуя, как обожгло глаза, – пишет он, – запоминая последнюю картину войны. Через несколько часов мои глаза превратились в пылающие угли и окружающее померкло».

⁵ Гитлер использовал это выражение в первом издании «Майн кампф» в Германии, однако в последующих изданиях слово «злодеяние» было заменено словом «революция».

Гитлера дважды награждали за храбрость: в декабре 1914 года – Железным крестом второй степени, а в августе 1918 года – Железным крестом первой степени, которым редко награждали простых солдат в имперской армии. Один из бывших друзей по военной службе заверяет, что Гитлер удостоился этой желанной награды за то, что взял в плен пятнадцать англичан, другой утверждает, что это были французы. В официальных же архивах полка Листа по поводу его геройского поступка ничего не сказано, там вообще нет каких-либо сведений о том, за что присуждались награды. Как бы то ни было, несомненно одно – ефрейтор Гитлер получил Железный крест первой степени и с гордостью носил его до конца жизни.

Однако, с точки зрения рядовых солдат, Гитлер был странным типом. Это отмечают многие его сослуживцы. Он не получал, как другие, ни писем, ни подарков из дома. Никогда не просился в увольнение и в отличие от других военнослужащих не проявлял интереса к женщинам. Никогда не сетовал на грязь, на вшей, на смрад и слякоть передовой, был равнодушен к невзгодам, с предельной серьезностью воспринимал суть войны и судьбу, уготованную Германии.

«Мы все ругали его и считали невыносимым, – вспоминал впоследствии один из его боевых товарищей. – Он был среди нас белой вороной и отмалчивался, когда все проклинали войну». Другой описывает, что Гитлер любил сидеть «в углу солдатской кухни, глубоко задумавшись и обхватив голову руками. Он мог вдруг вскочить и, возбужденно бегая, заговорить о том, что, несмотря на нашу тяжелую артиллерию, нам не дадут одержать победу, поскольку невидимые враги немецкого народа намного страшнее самых мощных его орудий».

Время от времени Гитлер яростно обрушивался на этих «невидимых врагов» – евреев и марксистов. Разве не усвоил он еще в Вене, что именно они являются источником всех бед?

И действительно, разве Гитлер не убедился в этом, находясь в родной Германии после ранения в ногу? Выписавшись из госпиталя, расположенного в Беелитце под Берлином, он какое-то время провел в столице, а затем отправился в Мюнхен. Везде он сталкивался с тем, что всякие «негодяи» всюю склоняли войну и хотели, чтобы она поскорее закончилась. Повсюду было полно бездельников, а кто они, как не евреи?

«Конторы, – писал Гитлер, – переполнены евреями. Почти все служащие были евреями и почти все евреи – служащими... В период с 1916 по 1917 год все производство контролировалось еврейскими финансовыми кругами... Евреи обкрадывали целую нацию и подчиняли ее себе... С ужасом наблюдал я за тем, как надвигается катастрофа...» Гитлер не мог вынести этого и был рад, по его словам, вернуться на фронт.

Еще более нетерпимо отнесся он к бедствию, которое постигло любимое отечество в ноябре 1918 года. Ему, как и большинству немцев, это представлялось ужасным и несправедливым. Германская армия потерпела поражение не на поле боя. Удар в спину нанесли предатели, находившиеся дома, в тылу.

Гитлер так же, как и многие немцы, поверил в миф об «ударе в спину», который больше, чем что-либо другое, подрывал авторитет Веймарской республики и прокладывал путь к его собственному триумфу, хотя миф на поверку оказался несостоятельным.

Генерал Людендорф, фактически возглавлявший штаб верховного командования, 28 сентября 1918 года настаивал на немедленном перемирии, а его номинальный начальник, фельдмаршал фон Гинденбург, поддерживал действия генерала. На состоявшемся 2 октября в Берлине заседании имперского совета, на котором председательствовал кайзер Вильгельм II, Гинденбург повторил требование штаба верховного командования о немедленном перемирии. «Армия, – говорил он, – не может ждать сорок восемь часов».

В письме, написанном в тот же день, Гинденбург прямо заявил, что военное положение настоятельно требует «прекращения военных действий». Об «ударе в спину» не было сказано ни слова. Лишь позднее знаменитый герой войны подписался под мифом. Выступая в слушаниях перед следственным комитетом Национального собрания 18 ноября 1919 года, через год

после окончания войны, Гинденбург сказал: «Как справедливо заметил один английский генерал, германской армии нанесли удар в спину».

Гражданское правительство, возглавляемое принцем Баденским Максом, не было информировано об ухудшении военного положения штабом верховного командования вплоть до конца сентября 1918 года и на протяжении нескольких недель отклоняло требование Людендорфа о перемирии.

Надо было жить в Германии в период между двумя войнами, чтобы до конца понять, насколько широко этот миф распространился среди немецкого населения. Убедительные факты опровергали этот миф, однако правые старались их не замечать. Они по-прежнему разглагольствовали о том, что виновниками всему были «преступники Ноября». Гитлер настойчиво вдалбливал данный тезис в сознание масс. При этом предавалось забвению то обстоятельство, что именно германская армия ловко подвела республиканское правительство к подписанию перемирия, на котором настаивали немецкие военачальники, а впоследствии рекомендовала правительству принять условия Версальского мирного договора.

Сбрасывался со счетов и тот факт, что социал-демократическая партия без особого энтузиазма пришла к власти в 1918 году лишь для того, чтобы уберечь страну от хаоса и угрозы большевизма. Она не несла ответственности за крах Германии. Вина за это лежит на прежнем правительстве, находившемся у власти.

Однако миллионы немцев не желали согласиться с такой постановкой вопроса. Нужно было найти козлов отпущения, повинных в поражении Германии, в унижении и лишениях, которые ей пришлось испытать. Поэтому они легко дали убедить себя в том, что во всем виноваты «преступники Ноября», которые подписали капитуляцию и сформировали демократическое правительство, свергнув старую монархию. В «Майн кампф» Гитлер довольно часто упоминает о легковерии немцев. В самое ближайшее время ему с максимальной для себя выгодой удастся воспользоваться этой чертой своего народа.

Когда вечером 10 ноября 1918 года пастор ушел из военного госпиталя в Пасевалке, для Адольфа Гитлера «наступили страшные дни и еще более страшные ночи».

«Я знал, – писал он, – что все потеряно. Лишь глупцы, лжецы и преступники могли надеяться на снисходительность противника. В эти ночи во мне пробудилась ненависть, ненависть к тем, кто был ответствен за все это... Жалкие и ничтожные преступники! Чем более четко я пытался представить себе весь ужас происшедшего, тем сильнее нарастало во мне чувство возмущения и стыда. Могла ли физическая боль в глазах сравниться с этим стыдом?»

Затем следовали такие строки: «И тогда я понял, чему должен посвятить себя. Я решил заняться политикой».

Это решение, как известно, стало роковым как для самого Гитлера, так и для всего мира.

Образование нацистской партии

Перспективы сделать политическую карьеру в Германии для тридцатидвухлетнего австрийца без средств, без друзей, не имеющего ни специальной подготовки, ни профессии, ни постоянной работы, не имеющего какого-либо опыта политической деятельности, были малоутешительными, и поначалу Гитлер, казалось, понимал это.

«Цельными днями, – писал он, – я думал, что мне делать. Но все мои размышления неизбежно сводились к тому, что, будучи никому не известен, я не располагал какой-либо серьезной базой для занятий полезной деятельностью».

В конце ноября 1918 года Гитлер вернулся в Мюнхен. Он с трудом узнал этот ставший для него родным город. Здесь также произошла революция. Король отрекся от престола. Баварией управляли социал-демократы, которые создали баварское «народное государство». Его возглавил Курт Эйснер, популярный еврейский писатель, родившийся в Берлине.

7 ноября коренастый Эйснер, привлекавший внимание мюнхенцев импозантной седой бородой, пенсне и огромной черной шляпой, проследовал по улицам города в сопровождении нескольких сот жителей, без единого выстрела занял здание парламента и правительства и провозгласил республику. Три месяца спустя он был убит молодым офицером, придерживавшимся правых взглядов, графом Антоном Арко-Валле.

Рабочие создали советскую республику, которая, однако, просуществовала недолго. 1 мая 1919 года войска регулярной армии из Берлина вместе с баварскими добровольцами, так называемым добровольческим корпусом, вошли в Мюнхен и свергли коммунистическое правительство. Они убили несколько сот человек, многие из которых не являлись членами коммунистической партии, мстя за то, что с ведома предыдущего правительства было расстреляно более десяти заложников. Несмотря на то, что на время была формально восстановлена власть умеренных социал-демократов и правительство возглавил Иоганнес Хофман, бразды правления в Баварии практически перешли к правым.

Что же представляли собой правые Баварии в это смутное время? К ним принадлежали кадровые военные рейхсвера, монархисты, мечтавшие о возвращении династии Виттельсбахов. Сюда же примыкали консерваторы, которые ненавидели демократическую республику, образованную в Берлине. Со временем ряды правых пополнила армия демобилизованных солдат, для которых 1918 год стал провозвестником краха надежд; будучи вырванными из мирной жизни в 1914 году, они не могли найти работу и место в современном обществе, война закалила и в то же время ожесточила их, но невозможно было избавиться от укоренившихся привычек и изменить себя. К числу таких людей одно время принадлежал и Гитлер. «Они, – как впоследствии напишет он, – стали революционерами, которые по-своему приветствовали революцию и стремились к тому, чтобы революция сделалась условием их существования».

Вооруженные отряды добровольческого корпуса возникали по всей Германии и тайно вооружались рейхсвером. Поначалу они использовались главным образом для усмирения поляков и прибалтов в районе спорных пограничных восточных территорий, однако вскоре их начали привлекать к участию в заговорах, направленных на свержение республиканского строя. В марте 1920 года один из таких отрядов, возглавляемый капитаном Эрхардтом, – печально известная бригада Эрхардта – занял Берлин и содействовал провозглашению канцлером доктора Вольфганга Каппа, придерживавшегося крайне правых взглядов. Войска регулярной армии под командованием генерала фон Секта были приведены в состояние боевой готовности, а тем временем президент республики и правительство поспешно бежали в западную часть Германии. Лишь благодаря всеобщей забастовке, организованной профсоюзами, удалось восстановить власть республиканского правительства.

Одновременно произошел военный переворот в Мюнхене, который оказался более удачным. 14 марта 1920 года при содействии рейхсвера было низложено социалистическое правительство Хофмана и власть захватили правые во главе с Густавом фон Каром. Баварская столица словно магнит притягивала теперь к себе все существующие в Германии силы, не признававшие условий Версальского договора и стремившиеся покончить с республикой и восстановить авторитарную власть.

Нередко здесь находили прибежище и теплый прием кондотьеры свободного корпуса, включая тех, кто входил в бригаду Эрхардта. Генерал Людендорф также обосновался здесь вместе с горсткой бывших офицеров, недовольных своей судьбой⁶. В Мюнхене замыслились

⁶ В конце войны Людендорф бежал в Швецию, изменив внешность: он наклеил фальшивые усы и надел темные очки. Генерал вернулся в Германию в феврале 1919 года, предварительно прислав жене следующее письмо: «Революционеры делают самую большую глупость, если оставят нас в живых. Поскольку, если мне удастся когда-либо вновь прийти к власти, я буду к ним беспощаден Я с легкой совестью повесил бы тогда Эберта, Шейдемана и компанию и смотрел бы, как они болтаются на виселице». Эберт был первым президентом Веймарской республики, Шейдеман – ее первым канцлером. Людендорф, хотя и подчинялся Гинденбургу, фактически являлся диктатором Германии в последние два года войны.

политические убийства, в том числе убийство Маттиаса Эрцбергера, умеренного политического деятеля, католика, у которого хватило мужества подписать от имени Германии перемирие, когда генералы уклонились от этого, а также покушение на Вальтера Ратенау, блестяще образованного министра иностранных дел, которого экстремисты ненавидели, поскольку он был евреем и, проводя политику германского правительства, старался выполнить некоторые условия Версальского договора.

Именно здесь, на благодатной почве Мюнхена, Адольф Гитлер стал развивать активную деятельность.

Когда Гитлер в конце ноября 1918 года вернулся в Мюнхен, он узнал, что его батальоном заправляют советы солдатских уполномоченных. Это его так возмутило, что он решил «уехать сразу же и как можно быстрее». Зимой Гитлер провел в лагере для военнопленных в Траунштейне, недалеко от австрийской границы. В Мюнхен он вернулся весной.

В «Майн кампф» он вспоминает, что своим поведением вызвал недовольство левого правительства, и утверждает, будто ему удалось избежать ареста только благодаря тому, что у него хватило смелости наставить карабин на трех «негодяев», которые пришли брать его. Сразу после свержения власти коммунистов Гитлер стал, как он сам об этом пишет, «впервые в большей или меньшей степени приобщаться к политической деятельности». Деятельность эта, по существу, сводилась к тому, что он информировал следственную комиссию, созданную во 2-м пехотном полку для рассмотрения дел тех, кто нес ответственность за непродолжительное пребывание у власти в Мюнхене советов народных уполномоченных.

По всей вероятности, услуги, оказанные Гитлером, сочли весьма ценными, и армейское руководство подыскало для него новую работу. Его определили на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования армии. Германская армия вопреки традициям в то время активно участвовала в политической жизни страны, особенно в Баварии, где военным удалось наконец привести к власти угодное им правительство.

В целях пропаганды консервативных взглядов для солдат были организованы курсы «политического инструктажа», которые, в частности, прилежно посещал Адольф Гитлер. Однажды, как явствует из его рассказов, он тоже выступил на занятии, когда кто-то из присутствовавших хорошо отозвался о евреях. Разглагольствования Гитлера, очевидно, настолько понравились начальству, что вскоре он был назначен в один из полков, дислоцированных в Мюнхене, офицером по общеобразовательной подготовке. Основной задачей указанной подготовки являлась борьба с опасными идеями: пацифизмом, социализмом, демократией – так военные представляли себе свою роль в демократической республике, которой присягнули на верность.

Это назначение стало в жизни Гитлера важным событием, первым признанием его заслуг на политическом поприще, где ему так хотелось отличиться. Прежде всего появилась возможность опробовать свои ораторские способности, которые, как он всегда подчеркивал, служили главной предпосылкой успешной политической карьеры.

«Так мне предоставили возможность, – пишет Гитлер, – выступать перед более многочисленной аудиторией. И ощущение собственной силы, которое подспудно давно зрело во мне, получило теперь практическое подтверждение: я мог говорить».

Это открытие очень льстило Гитлеру, хотя и было воспринято как само собой разумеющееся. Он опасался, как бы не сел голос в результате многочисленных газовых атак на фронте. Однако теперь убедился, что голос окреп и его слышно «по меньшей мере во всех углах казармы». Гитлер стал развивать в себе ораторские способности, благодаря чему сравнительно легко превратился в самого красноречивого оратора Германии, который, выступая по радио, магической силой голоса был в состоянии всколыхнуть миллионы людей.

Однажды, в сентябре 1919 года, Гитлер получил приказ политического отдела армии приглядеться к деятельности небольшой политической группы, которая именовала себя рабо-

чей партией Германии. Военные подозрительно относились к рабочим партиям, поскольку они придерживались в основном социалистической либо коммунистической ориентации, но эта группа, по их мнению, была иной. Гитлер заметил, что «совершенно ничего не слышал о ней». И все же он знал одного из тех, кто должен был выступить на собрании партии, в деятельности которой ему поручили разобраться.

За несколько недель до этого на одном из занятий по общеобразовательной подготовке Гитлер прослушал лекцию Готфрида Федера, инженера-строителя, фанатично увлекавшегося экономикой. Лектор был одержим идеей, что большинство экономических проблем Германии коренится в так называемом «спекулятивном» капитале в противовес «созидательному и продуктивному» капиталу. Федер ратовал за устранение капитала первого типа и с этой целью создал в 1917 году организацию «Германская лига борцов за искоренение процентного рабства». На Гитлера, не разбиравшегося в экономике, выступление инженера произвело сильное впечатление. В требовании Федера «искоренить процентное рабство» Гитлер узрел «важную предпосылку создания новой партии... и ощутил мощный призыв к предстоящей борьбе».

Тем не менее вначале он не придавал особого значения деятельности рабочей партии Германии. Он пошел на собрание, выполняя приказ. Собрание, по его мнению, было скучным – в темноватом зале пивного бара «Штернекерброй» сидело человек двадцать пять.

«В то время многие, кого не удовлетворяло происходящее, считали, что надо создать новую партию, – писал Гитлер. – Повсюду, как грибы, стали расти новые организации, чтобы по прошествии какого-то времени незаметно исчезнуть. Именно так я и подходил тогда к рабочей партии Германии».

Когда Федер закончил выступление и Гитлер хотел было уйти, вскочил некий профессор и стал оспаривать аргументы Федера, ратуя за то, чтобы Бавария отделилась от Пруссии и вместе с Австрией образовала новое Южно-Германское государство. Подобные идеи были тогда популярны в Мюнхене, но высказанное предложение взбесило Гитлера и он взял слово, чтобы изложить свою точку зрения. Гитлер говорил, вероятно, так резко, что профессор покинул собрание «мокрый, как пудель», а присутствующие с удивлением разглядывали незнакомого молодого оратора. Кто-то – Гитлер не запомнил фамилии, – прихрамывая, подошел к нему и сунул в руки небольшую брошюру.

Это был Антон Дрекслер, слесарь по специальности, которого, пожалуй, можно считать основателем национал-социализма. Болезненный и неказистый Дрекслер, не получивший надлежащего образования, имеющий пусть неглубокие и противоречивые, однако самостоятельные суждения, плохой писатель и никудышный оратор, работал в ту пору в железнодорожных мастерских Мюнхена.

7 марта 1918 года он создал «комитет независимых рабочих» для борьбы с марксизмом свободных профсоюзов и агитации за «справедливый» мир для Германии. Комитет фактически был ответвлением более широкого движения, возникшего на севере Германии под названием «Ассоциация по поддержанию мира среди рабочих». (В Германии вплоть до 1933 года существовало очень много инициативных групп, имевших весьма претенциозные названия.)

Дрекслер никогда не собирал под свои знамена более сорока человек, поэтому в январе 1919 года он объединил комитет с аналогичной группой – политическим кружком рабочих, который возглавлял журналист Карл Харрер. Новая организация, насчитывавшая менее ста членов, именовала себя рабочей партией Германии. Первым ее председателем стал Харрер. В «Майн кампф» Гитлер мало говорит о своих бывших соратниках, однако воздает должное Харреру, называя его «честным и, несомненно, широко образованным» человеком, сожалея, правда, что тот не обладал ораторским искусством.

На следующее утро Гитлер внимательно изучил брошюру, которую всучил ему Дрекслер. Этот эпизод он подробно описывает в «Майн кампф».

Было пять часов утра. Гитлер проснулся и, как обычно, чуть приподнявшись на койке в казарме 2-го пехотного полка, наблюдал за тем, как мыши подбирали крошки хлеба, специально разбросанные им по полу накануне. «Мне в своей жизни довелось испытать такую нищету, – замечает Гитлер, – что я хорошо представлял себе голод и то удовольствие, которое получали эти маленькие создания». Он вспомнил о брошюре и принялся за чтение. Брошюра называлась «Мое политическое пробуждение». К немалому удивлению Гитлера, в ней содержались идеи, над которыми он задумывался в последние годы.

Главную задачу Дрекслер видел в создании такой политической партии, которая опиралась бы на широкие массы рабочего класса, но в отличие от социал-демократов носила бы националистический характер. В свое время он являлся членом Патриотического отечественного фронта, однако вскоре мелкобуржуазные настроения, преобладавшие в партии, которая, по-видимому, вообще не имела связи с народными массами, разочаровали его. В Вене, как мы уже отмечали ранее, Гитлер стал с презрением относиться к буржуазии по той же причине – из-за ее полного безразличия к интересам рабочего класса и их семей и социальным проблемам. Таким образом, идеи Дрекслера определенно привлекли внимание Гитлера.

В тот же день он получил почтовую открытку, из которой с удивлением узнал, что принят в рабочую партию Германии. «Я не знал, смеяться мне или сердиться, – вспоминал позднее Гитлер. – У меня не было никакого желания вступать в уже существующую партию, поскольку я хотел создать свою собственную. Поэтому это предложение я расценил как самоуверенное и неподходящее».

Гитлер собрался было ответить письменным отказом, но «любопытство взяло верх» и он решил пойти на заседание комитета, куда его пригласили, и лично объяснить причины, почему он не хочет вступать в эту нелепую малочисленную организацию.

«Пивная, где должно было проходить собрание, носившая название «Цумальтен-розенбад», находилась на Херренштрассе и представляла собой крайне запущенное заведение... Я миновал плохо освещенный зал, в котором не было ни души, и, открыв дверь в конце зала, очутился лицом к лицу с членами комитета. За столом при слабом свете газовой лампы сидели четыре молодых человека. Среди них находился автор брошюры, который самым радушным образом поздоровался со мной и поздравил с принятием в члены рабочей партии Германии.

Я был действительно несколько обескуражен. Затем зачитали протокол последнего собрания и выразили секретарю вотум доверия, заслушали отчет казначея – в общей сложности ассоциация располагала суммой в семь марок пятьдесят пфеннигов – и утвердили его. Все соответствующим образом было занесено в протокол. Первый председатель партии ознакомил собравшихся с ответами на письма из Киля, Дюссельдорфа и Берлина, которые были одобрены единогласно. Потом сделали сообщение о поступившей почте... Какой ужас! Клуб самого низкого пошиба... Стоило ли вступать в эту организацию?»

И все же эти потрепанные жизнью, жалкие люди, собравшиеся в плохо освещенной комнате, чем-то привлекли Гитлера – «желанием создать новое движение, более мощное, чем партия в привычном смысле этого слова».

В тот вечер Гитлер вернулся в казарму, размышляя «над труднейшим вопросом своей жизни: «Следует ли вступать в партию?» Разум подсказывал ему, что лучше отклонить предложение, но в то же время... Даже незначительная организация в состоянии предоставить молодому человеку, полному энергии и идей, возможность «по-настоящему проявить свою активность». Гитлер задумался над тем, что он может сделать «для достижения данной цели»:

«Меньше всего меня смущало то, что я беден и не имею средств к существованию, больше беспокоило, что я принадлежал к безымянной толпе, был одним из миллиона, чья жизнь или смерть оставляет совершенно равнодушными даже их ближайших соседей. Помимо всего неизбежно возникали проблемы, связанные с отсутствием надлежащего образования.

После двух дней волнений и размышлений я в конце концов пришел к выводу, что мне надо сделать этот шаг.

Это было самое важное решение, которое я принял в своей жизни. С этого момента для меня не было и не могло быть пути назад». Адольфа Гитлера тут же приняли седьмым членом комитета рабочей партии Германии.

Следует здесь упомянуть о двух членах данной малочисленной партии, которые сыграли важную роль в становлении Гитлера. Капитан Эрнст Рем, служивший в штабе 7-го окружного командования армии в Мюнхене, вступил в партию раньше Гитлера. Коренастый, с бычьей шеей и маленькими глазками, со шрамами на лице, типичными для кадрового офицера, – часть носа ему оторвало пулей в 1914 году, – Рем увлекался политикой и от природы был неплохим организатором. Как и Гитлер, он испытывал жгучую ненависть к демократической республике и «преступникам Ноября», приложившим руку к ее провозглашению.

Рем мечтал восстановить сильную националистическую Германию и, как Гитлер, считал, что это в состоянии сделать только партия, опирающаяся на поддержку низших классов, выходцем из которых (в отличие от большинства офицеров) он был. Этот решительный, неистовый гомосексуалист сформировал первый нацистский взвод головорезов, вскоре превратившийся в армию штурмовиков, которой он и командовал вплоть до 1934 года, когда был расстрелян с санкции Гитлера.

Рем не только привел в быстро растущую партию многих бывших военных и добровольцев свободного корпуса, которые образовали костяк организации в первые годы ее существования, но и, находясь на действительной службе, обеспечивал защиту Гитлеру и его движению, а иногда и поддержку властей. Без содействия Рема Гитлеру вряд ли удалось бы развернуть широкую кампанию по подстрекательству населения к свержению республиканского режима. Гитлер, безусловно, не смог бы столь безнаказанно прибегать к террору и запугиванию, если бы не терпимость баварского правительства и полиции.

Дитриха Экарта, который на двадцать один год был старше Гитлера, часто называли духовным отцом национал-социализма. Остроумный журналист, посредственный поэт и драматург, он перевел «Пер Гюнта» Ибсена на немецкий язык и написал несколько пьес, которым не суждено было увидеть света рампы. Экарт в Берлине, подобно Гитлеру в Вене, вел богемный образ жизни и пристрастился к спиртному и морфию. Какое-то время он находился в психиатрической лечебнице, где ему удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержащихся там больных.

В конце войны Экарт вернулся в Баварию. Там, в винном погребе «Бреннесель», расположенном в Швабинге, артистическом квартале Мюнхена, он во всеуслышание разглагольствовал о превосходстве арийцев и призывал к уничтожению евреев и свержению «свиней», правящих в Берлине.

Хайден, работавший в ту пору журналистом в Мюнхене, приводит высказывание Экарта, с пафосом обратившегося к завсегдатаям винного погреба «Бреннесель» в 1919 году: «Возглавить нашу организацию должен человек, который бы не испугался пулеметной очереди. Надо нагнать страха на всю эту чернь. Нам не следует использовать военных, поскольку народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы какой-нибудь рабочий, умеющий говорить... Он не должен быть слишком умным... Лучше, если это будет холостяк, тогда нам легче подыскать ему женщин».

Вполне естественно, что поэт и большой любитель спиртного нашел в лице Адольфа Гитлера именно того человека, которого искал. Экарт стал близким другом и советчиком Гитлера, снабжал его книгами, помогал улучшить как стиль письма, так и разговорный немецкий. Он ввел его в круг своих знакомых, в число которых входили не только состоятельные люди, с готовностью вносившие деньги в фонды партии и материально поддерживавшие самого Гитлера, но и такие будущие помощники фюрера как Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. Гит-

лер сохранил уважение к Экарту, который умер от белой горячки в декабре 1923 года, и в последних словах «Майн кампф» выразил признательность своему эксцентричному наставнику, назвав «одним из лучших, кто посвятил жизнь пробуждению нашего народа своим творчеством, помыслами и, наконец, своими делами».

Так выглядело странное собрание людей, стоявших у истоков национал-социализма, создавших, не отдавая себе в том отчета, движение, которое за тринадцать лет охватит самую мощную страну в Европе и приведет к установлению в Германии Третьего Рейха.

Недалекий слесарь Дрекслер заложил основы движения, пьяный поэт Экарт развил определенные «духовные» ценности, чудаковатый экономист Федер сформировал то, что считалось идеологией, гомосексуалист Рем обеспечил движению поддержку военных и ветеранов войны.

Однако задачу по превращению скромного дискуссионного клуба в то, что вскоре станет мощной политической партией, взял на себя на данном этапе не кто иной, как бывший бомж Адольф Гитлер, которому в то время было тридцать лет и которого еще никто не знал. Все идеи, которые Гитлер вынашивал со времени голодного одиночества в Вене, теперь можно было осуществить на практике, и внутренняя энергия, скрытая от посторонних глаз, прорвалась наружу. Он подтолкнул свой скромный комитет к организации многочисленных митингов. Гитлер сам печатал на машинке и распространял приглашения. Впоследствии он вспоминал, как однажды, раздав восемьдесят таких приглашений, они «сидели и ждали приглашенных». Через час «председатель» должен был открыть «митинг». Нас снова было семеро, семеро старых друзей».

Но Гитлер не терял надежды. Он увеличил количество приглашений, печатая их на ротаторе, и, чтобы собрать средства, дал объявление в местной газете. Успех, по его словам, был просто поразительный – на митинг пришло сто одиннадцать человек. Гитлер впервые должен был выступить публично после приветствия «мюнхенского профессора». Харрер, который в то время формально возглавлял партию, возражал.

«Этот господин, в честности которого в принципе нет оснований сомневаться, – писал позднее Гитлер, – был твердо уверен, что я в состоянии выполнять отдельные поручения, но никоим образом не выступать с речами. Я говорил в течение получаса, и то, что я раньше лишь интуитивно ощущал в себе, сейчас воплотилось в реальность: я действительно мог выступать».

По утверждению Гитлера, аудитория была буквально наэлектризована его пламенной речью, энтузиазм присутствовавших вылился в жертвования в размере трехсот марок, которые на какое-то время помогли решить финансовые проблемы партии.

В начале 1920 года Гитлер занялся пропагандистской работой, то есть деятельностью, о которой подумывал еще в Вене, осознав всю ее важность для социалистической и христианско-социальной партий. Гитлер сразу же приступил к организации крупнейшего митинга, о котором столь малочисленная партия раньше и не мечтала. Он должен был состояться 24 февраля 1920 года в известном пивном заведении «Хофбройхаус», имевшем две тысячи посадочных мест. Коллеги Гитлера по партии сочли его сумасшедшим. Харрер в знак протеста сложил с себя полномочия председателя и был заменен Дрекслером, который довольно скептически отнесся к планам Гитлера.

Впоследствии Гитлер подчеркивал, что руководил подготовкой митинга лично. И действительно, это событие так много значило для него, что первый том «Майн кампф» он закончил подробным описанием митинга, поскольку именно тогда «партия, выйдя за рамки небольшого клуба, впервые оказала определяющее влияние на самый существенный фактор нашего времени – общественное мнение».

Гитлер не был даже запланирован в программе митинга в качестве основного докладчика. Эта роль была уготована некоему доктору Иоганнесу Дингфельдеру, врачу-гомеопату, известному пустозвону. Аудитория на его выступление не отреагировала. Затем слово взял Гитлер. Вот как он сам пишет об этом:

«В зале стоял шум, то тут, то там вспыхивали потасовки. Группа наиболее верных боевых товарищей и наших сторонников пыталась урезонить хулиганствующие элементы... коммунистов и социалистов... Потребовалось время, пока в зале навели порядок. Тогда только я начал говорить. Через полчаса аплодисменты заглушили отдельные вопли и крики... Когда четыре часа спустя зал опустел, я осознал, что теперь основные цели нашего движения уже не останутся без внимания, поскольку они завладели умами немецкого народа».

В ходе выступления Гитлер впервые огласил двадцать пять пунктов программы рабочей партии Германии. Программа эта была на скорую руку составлена Дрекслером, Федером и Гитлером. Большинство каверзных вопросов, которые задавали Гитлеру, в действительности были направлены против отдельных положений программы, но сам Гитлер считал, что ее приняли полностью. С 1 апреля 1920 года она стала официальной программой теперь уже национал-социалистической рабочей партии Германии.

Это, безусловно, сборная солянка, приготовленная для рабочих, мелкой буржуазии и крестьян. Большинство положений к моменту прихода партии к власти были забыты. Многие авторы, пишущие о Германии, насмеялись над этим, и нацистский вождь впоследствии приходил в смущение, когда ему напоминали о некоторых положениях программы. И все же, как в случае с основными принципами, изложенными в «Майн кампф», наиболее важные ее положения в Третьем Рейхе были выполнены, что имело страшные последствия для миллионов людей как в самой Германии, так и за ее пределами. В первом же пункте программы содержится требование об объединении всех немцев в единую великую Германию. Разве не на этом настаивал рейхсканцлер Гитлер, когда присоединил Австрию с шестью миллионами немцев и захватил Судеты, где проживало три миллиона немцев? И разве не требование фюрера вернуть Германии Данциг и другие области Польши, в которых большую часть населения составляли немцы, привело к нападению на нее и развязыванию Второй мировой войны? И разве не кроется одна из причин мировой трагедии в том, что в период между войнами многие либо игнорировали, либо высмеивали нацистские цели, которые пытался изложить в программе Гитлер?

Безусловно, антисемитские положения программы, обнародованной 24 февраля 1920 года в мюнхенской пивной, явились довольно тревожным сигналом. Евреев нельзя принимать на службу, допускать в прессу, надо отказывать им в получении гражданства. Приехавшие в Германию после 2 августа 1914 года должны были покинуть страну.

Многие пункты партийной программы своей демагогической направленностью, несомненно, отвечали настроениям низших классов, в тяжелые для них времена с симпатией относившихся к радикальным и даже социалистическим лозунгам. Одиннадцатый пункт, например, предусматривал отмену нетрудовых доходов; двенадцатый пункт – национализацию трестов; тринадцатый – дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством; четырнадцатый – ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей. В восемнадцатом пункте содержалось требование карать смертью изменников, ростовщиков и спекулянтов. Шестнадцатый пункт, призывая к сохранению «здоровой буржуазии», настаивал на передаче универмагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене.

Данные требования были включены в программу по настоянию Дрекслера и Федерера, которые, очевидно, по-настоящему верили в «социализм» национал-социалистической партии. Именно эти идеи приводили Гитлера в замешательство, когда крупные промышленники и землевладельцы начали довольно основательно пополнять партийную кассу, в результате чего ни одно из этих требований, естественно, не было осуществлено.

Наконец, следует отметить два положения программы, которые Гитлер выполнил, как только стал канцлером. Второй пункт содержал требование отменить Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры, а последний, двадцать пятый пункт предусматривал «создание сильной централизованной государственной власти». Эти положения так же, как пункты, требующие объединения всех немцев в рейхе, были включены в программу партии по настоянию

Гитлера и свидетельствуют о том, что даже тогда, когда партия была едва известна за пределами Мюнхена, Гитлер смотрел далеко вперед.

В тот период сепаратистские настроения в Баварии были очень сильны, и баварцы, постоянно конфликтовавшие с центральным правительством в Берлине, выступали за меньшую, а не за большую централизацию, требуя предоставления Баварии самостоятельности.

На практике все так и выглядело: указания из Берлина не имели на местах почти никакой силы. В перспективе Гитлер хотел прийти к власти не только в Баварии, но и во всем рейхе и придать этой власти характер диктатуры, необходимой, судя по его предыдущим высказываниям, сильному централизованному органу управления, способному покончить с полуавтономией земель, которые во времена Веймарской республики и империи Гогенцоллернов имели собственные парламенты и правительства.

Одним из первых демаршей Гитлера после прихода к власти 30 января 1933 года явилась незамедлительная реализация вышеупомянутого положения программы партии, замеченного и всерьез воспринятого в свое время немногими. И никто уже не смог обвинить Гитлера в том, что он заранее не поставил об этом в известность общественность.

Зажигательных речей, а также радикальной программы при всей их важности для партии, делавшей свои первые шаги, было бы недостаточно, чтобы привлечь внимание и обеспечить поддержку широких масс. Поэтому Гитлер направил усилия на достижение большего, гораздо большего. Именно тогда начали проявляться его незаурядные способности. Он считал, что массам нужны не только идеи – несколько простых идей, которые можно внушать им постоянно, – но и символы, которые всколыхнули бы их веру. Нарядность и красочность должны были привлечь массы, как и акты насилия и террора, которые в случае успешной реализации способствовали бы пополнению партийных рядов (разве не сила всегда импонировала немцам?) и вселяли в них уверенность в своем превосходстве над слабыми.

В Вене Гитлера привлекал, по его собственному выражению, «постыдный внутренний и физический страх», который использовали, по его мнению, социал-демократы в борьбе со своими политическими противниками. Теперь этим страхом он решил воспользоваться для укрепления позиций собственной партии. Поначалу на митинги приглашали бывших военных, чтобы они следили за порядком и в случае необходимости выставляли крикунов за дверь.

Летом 1920 года, вскоре после того как к названию «рабочая партия Германии» добавили «национал-социалистическая» и она стала именоваться национал-социалистической рабочей партией Германии (сокращенно НСДАП), Гитлер сколотил из числа отъявленных головорезов и ветеранов войны «группы порядка», которые возглавил часовщик Эмиль Морис, в прошлом судимый. Чтобы избежать репрессий со стороны берлинского правительства, группы какое-то время скрывали свою деятельность под вывеской «гимнастической и спортивной секции» партии.

5 октября 1921 года они официально были переименованы в штурмовые отряды. Штурмовиков, одетых в коричневую униформу, набирали в основном из числа преступных элементов добровольческого корпуса. Командование штурмовыми отрядами вверили Иоганну Ульриху Клинциху, подручному пресловутого капитана Эрхардта, который привлекался по делу об убийстве Эрцбергера и лишь недавно был освобожден из тюрьмы.

Эти отъявленные негодяи в униформе, не довольствуясь поддержанием порядка на митингах нацистской партии, начали разгонять митинги, организуемые другими партиями. Однажды в 1921 году штурмовики, возглавляемые Гитлером, пришли на митинг, где должен был выступать баварский федералист по фамилии Баллерштедт, и избili его. По приговору суда Гитлер провел месяц в заключении. Выйдя из тюрьмы, он предстал перед согражданами в ореоле мученика, пострадавшего за общее дело, и приобретает еще большую популярность.

«Прекрасно, – хвастался Гитлер перед полицейскими. – Мы добились того, чего хотели: Баллерштедт так и не получил слова».

За несколько месяцев до случившегося Гитлер, выступая в одной из аудиторий, сказал: «Национал-социалистическое движение будет и впредь безжалостно пресекать – в случае необходимости силой – попытки провести митинги или выступления, которые могут неблагоприятно повлиять на сознание наших соотечественников».

Летом 1920 года Гитлер, в прошлом неудавшийся художник, а теперь набирающий силу пропагандист, выдвинул идею, которую можно назвать гениальной. По его мнению, партии не хватало эмблемы, флага, символа, то есть того, что четко отражало бы цели новой организации и завладело воображением масс. Массам, считал Гитлер, нужно некое развевающееся знамя, чтобы, устремляясь за ним, сражаться под его сенью. После длительных раздумий и бесчисленных прикидок он остановил свой выбор на флаге красного цвета с белым кругом посередине, на фоне которого была вытеснена черная свастика. Кресту с загнутыми под прямым углом концами, заимствованному из древности, суждено было стать устрашающим символом нацистской партии и в конечном счете нацистской Германии. Каким образом у него возникла идея использовать данный символ для флага и для эмблемы партии – Гитлер обходит в «Майн кампф» молчанием.

Крест с загнутыми концами – явление не новое, он встречается с момента появления человека на земле. Его изображение находили во время раскопок на развалинах Трои, Египта, Китая. Я лично видел его в древних индуистских и буддистских храмах. В период новой истории символ служил официальной эмблемой таких прибалтийских государств, как Эстония и Финляндия, где встречался немцам, воевавшим в добровольческом корпусе в 1918–1919 годах. Крест изображался и на железных касках бойцов бригады Эрхардта, вошедших в Берлин во время Капповского путча в 1920 году. Не подлежит сомнению, что Гитлер встречал его в Австрии на эмблемах некоторых антисемитских партий и на касках солдат бригады Эрхардта, вступивших в Мюнхен⁷.

Гитлер отмечал, что среди многочисленных проектов, предложенных ему членами партии, практически везде присутствовала свастика, а некий зубной врач из Штернберга представил эскиз флага, который «был весьма недурен и довольно близок к моему собственному». Что касается цвета флага, то Гитлер, естественно, отверг черный с красным и золотым, символизирующие независимую Веймарскую республику. Он отклонил также предложение об использовании старого имперского флага, где сочетались красный, белый и черный цвета. Но само цветовое сочетание Гитлеру нравилось – не только потому, что «это была самая лучшая из существующих гармоний», но и потому, что это были цвета Германии, за которую он воевал. Однако необходимы были какие-то изменения, поэтому и появилась свастика.

Гитлер упивался своим «уникальным творением». В «Майн кампф» он провозглашал:

«Это был настоящий символ! Красный цвет олицетворял социальную идею движения, белый – националистическую, свастика – цель борьбы за победу арийской расы».

Вскоре штурмовики и члены партии стали носить на рукаве повязку с изображением свастики. Через два года появилось знамя нацистской партии, которое несли во время публичных шествий и которое украшало трибуны во время массовых митингов. Эмблема, заимствованная у древних римлян, состояла из черной металлической свастики, обрамленной серебряным венком, над которым возвышался орел, а внизу фигурировало сокращенное название партии – НСДДА на металлической прямоугольной основе, украшенной бахромой и кистями, и флаг со свастикой, на котором красовался лозунг: «Германия, пробудись!»

Эти символы, возможно, и не принадлежали к атрибутам высокого искусства, однако отменно служили целям пропаганды. Нацисты имели теперь символ, которого не было ни у одной партии. Крест с загнутыми прямоугольными концами, похоже, сам по себе обладал

⁷ Этот перечень легко продолжить: на банкнотах Временного правительства России, на обложке поэтического сборника Константина Бальмонта... – *Изд.*

некой мистической силой, он как бы побуждал действовать мелкую буржуазию, еще недавно пребывавшую в неуверенности и неопределенности. Мелкая буржуазия начала сплываться под знаменем этой партии.

Восхождение «фюрера»

Летом 1921 года молодой многообещающий активист партии, проявивший свои удивительные способности не только как оратор, но и как организатор и пропагандист, стал бесспорным лидером партии.

В начале лета Гитлер отправился в Берлин, чтобы установить связи с националистскими элементами на севере Германии и выступить в клубе, являвшемся духовным центром националистов: хотел выяснить возможности распространения нацистского движения за пределами Баварии.

Его отсутствие члены комитета нацистской партии сочли вполне подходящим для смены руководства. Стиль работы Гитлера был, по их мнению, диктаторским. Они предлагали объединиться с аналогично настроенными группами на юге Германии, в частности с социалистической партией Германии, которую создавал в Нюрнберге Юлиус Штрейхер, печально известный гонимый на евреев, смертельный враг и соперник Гитлера. Члены комитета считали, что, если удастся объединить эти возглавляемые честолюбивыми лидерами группы с нацистской партией, влияние Гитлера ослабнет.

Почувствовав угрозу своему положению в партии, Гитлер поспешил вернуться в Мюнхен, чтобы расстроить интриги этих «глупых безумцев», как он назвал их в «Майн кампф». Он заявил, что готов выйти из партии. Но этого, как быстро сообразили члены комитета, не могла себе позволить партия. Гитлер был не только наиболее сильным оратором, но и ее лучшим организатором и пропагандистом. Кроме того, именно ему удавалось собрать для организации значительные финансовые средства. Члены комитета полагали, что, если Гитлер выйдет из партии, набирающая силу нацистская партия распадется. Поэтому отставка его не была принята. Гитлер же, убедившись в прочности занимаемых им позиций, добился полной капитуляции остальных главарей партии. Он потребовал предоставления ему диктаторских полномочий, претендуя на роль единственного лидера партии, настаивал на роспуске самого комитета и прекращении заигрываний с группой Штрейхера.

По мнению членов комитета, Гитлер зашел слишком далеко. Подстрекаемые основателем партии Антоном Дрекслером, они составили обличительный документ против Гитлера и распространили его. В нем содержались самые страшные обвинения, когда-либо предъявленные Гитлеру его товарищами по партии – теми, кто хорошо его знал.

«Жажда власти и личные амбиции заставили господина Адольфа Гитлера вернуться и занять свой прежний пост после шестинедельного пребывания в Берлине, цель которого до сих пор не ясна. Он считал, что пришло время внести в наши ряды сумятицу и раскол, опираясь на смутьянов, стоящих за его спиной, и играя тем самым на руку евреям и их друзьям. С каждым днем становилось все более очевидно, что цель его проста – использовать национал-социалистическую партию как трамплин для достижения собственных сомнительных целей...

Особенно наглядно свидетельствует об этом ультиматум, посланный руководителям партии несколько дней назад, в котором Гитлер среди прочего требует сделать его единственным лидером партии и распустить членов комитета, включая слесаря Антона Дрекслера, ее основателя и вождя...

А как он вел себя во время этой кампании? По-еврейски! Искажал и извращая факты... Национал-социалисты, задумайтесь! Не совершайте непоправимых ошибок! Гитлер – самый настоящий демагог... Он считает, что сможет и впредь предлагать вам всякого рода истории, в которых есть все что угодно, кроме правды».

Хотя выдвинутые обвинения несколько ослаблены глупым антисемитизмом (Гитлер вел себя «по-еврейски!»), в целом они справедливы. Однако публикация документа не дала противникам Гитлера желаемых результатов. Он сразу подал в суд, обвинив авторов в клевете, и Дрекслер вынужден был публично отказаться от обвинений. На двух специальных собраниях партии Гитлер выдвинул условия перемирия: в устав партии необходимо внести изменения о роспуске комитета и предоставлении ему диктаторских полномочий председателя.

Оскорбленного Дрекслера сделали почетным председателем, и вскоре он перестал интересоваться делами партии. «То была победа рыцаря над круглоголовыми», – писал позднее Хайден. Но это было нечто большее. Тогда же, в июле 1921 года, провозгласили «принцип вождя», который вначале был узаконен в нацистской партии, а затем и в Третьем Рейхе. На германской сцене появился «фюрер».

«Фюрер» приступил к реорганизации партии. От полутемного пивного зала «Штернекер-брой», который, по словам Гитлера, больше походил на мрачный склеп, пришлось отказаться. Партия заняла более светлое и просторное помещение на Корнелиусштрассе. В рассрочку купили подержанную пишущую машинку «Адлер», приобрели сейф, шкафы для картотеки, мебель, установили телефон и наняли постоянного секретаря.

В партию начали поступать средства. Почти год назад, в декабре 1920 года, партия приобрела малотиражную газету «Фёлькишер беобахтер». Газета безнадежно увязла в долгах, выходила два раза в неделю и публиковала светскую хронику антисемитского содержания. Откуда поступили шестьдесят тысяч марок для покупки газеты, Гитлер держал в тайне, однако доподлинно известно, что Экарт и Рем убедили генерал-майора Риттера фон Эппа, члена нацистской партии и начальника Рема в рейхсвере, раздобыть денег. Вполне вероятно, что средства поступили из засекреченных военных фондов. С начала 1923 года «Фёлькишер беобахтер» стала выходить ежедневно, проповедуя идеи и взгляды партии. Но чтобы ежедневно выпускать политическую газету, требовались дополнительные ассигнования, и они поступали из довольно странных источников, как считал кое-кто из «грубых, неотесанных членов партии пролетарского происхождения». Например, от фрау Елены Бехштайн, жены состоятельного фабриканта музыкальных инструментов. Бехштайн с первой встречи понравился молодой смутьян, и она приглашала Гитлера останавливаться в их доме, когда он наведывался в Берлин, устраивала приемы, на которых он мог встретить богачей, и выделяла большие суммы на развитие движения. Часть денег, необходимых для финансирования новой ежедневной газеты, поступала от фрау Гертруды фон Зайдлиц, уроженки Прибалтики, которая владела несколькими процветающими бумажными фабриками в Финляндии. В марте 1923 года выпускник Гарвардского университета Эрнст (Путци) Ханфштенгль, американец по матери, чья образованная и состоятельная семья владела в Мюнхене издательством, выпускающим книги по искусству, дал партии взаймы тысячу долларов для погашения закладной на «Фёлькишер беобахтер».

В период инфляции это была в переводе на марки огромная сумма. И партия, и ее газета получили колоссальную финансовую поддержку. Однако дружеское расположение семьи Ханфштенгль выходило за рамки предоставления финансовой помощи. Это было одно из первых состоятельных семейств Мюнхена, которое открыло двери своего дома молодому политику. Путци стал приятелем Гитлера и со временем при содействии фюрера возглавил управление зарубежной информации нацистской партии.

Большинство тех, кому было суждено стать ближайшими сподвижниками Гитлера, в то время уже являлись членами партии или вскоре вступят в нее. Рудольф Гесс состоял в партии с 1920 года. Сын немецкого оптового торговца, проживавшего в Египте, Гесс провел там первые четырнадцать лет своей жизни, а затем переехал в Рейнскую область, чтобы продолжить учебу. В годы войны он некоторое время служил вместе с Гитлером в полку Листа, хотя тогда они еще не были знакомы, а после второго ранения стал летчиком. По окончании войны Гесс поступил в Мюнхенский университет на экономический факультет, однако большую часть времени тратил

на распространение антисемитских листовок и участие в стычках с разными вооруженными бандами, которых было в тот период в Баварии предостаточно. Гесс оказался в самой гуще перестрелки, когда 1 мая 1919 года в Мюнхене свергли советское правительство; его даже ранило в ногу.

В один из вечеров год спустя Гесс отправился на митинг, где выступал Гитлер, увлекся его красноречием и решил вступить в нацистскую партию. Вскоре он стал близким другом Гитлера, его преданным последователем и секретарем. Именно Гесс познакомил Гитлера с геополитическими взглядами генерала Карла Хаусхофера, в ту пору профессора геополитики Мюнхенского университета.

Гитлера взволновало эссе Гесса на тему «Что должен представлять собой человек, которому суждено вернуть Германии ее прошлое величие?», отмеченное премией.

«Когда от бывшего правительства не останется и следа, новую власть сможет установить лишь человек, вышедший из недр народа...»

Чем глубже корни диктатора в широких массах, тем лучше он понимает, как обходиться с ними в психологическом плане. Чем больше будут доверять ему рабочие, тем больше сторонников завоюет он среди этих наиболее энергичных слоев населения. Сам же он с массами ничего общего иметь не будет, поскольку, как любой великий деятель, он – прежде всего личность... В случае необходимости он не содрогнется перед кровопролитием. Серьезные вопросы всегда решаются кровью и железом... Для достижения своей цели он готов пожертвовать самыми близкими друзьями... Законодатель обязан обладать неумолимой решительностью и твердостью... Если понадобится, он должен топтать их... солдатскими сапогами...»

Это был словесный портрет лидера, каким Гитлер в тот момент еще не являлся, однако хотел стать и стал. Вполне естественно, что он заинтересовался молодым человеком. При всей своей серьезности и усердии Гесс был заурядным исполнителем, с готовностью и фанатизмом воспринимавшим любые безумные идеи. До самых последних дней он оставался одним из наиболее лояльных последователей Гитлера и принадлежал к числу тех немногих, кого не снесли личные амбиции.

Альфред Розенберг, хотя его зачастую называли «интеллектуальным вождем» нацистской партии и «философом», также был человеком весьма средних способностей. С некоторым основанием его можно считать русским. Подобно многим русским интеллектуалам, он был выходцем из Прибалтики. Родился Розенберг в семье башмачника 12 января 1893 года в Эстонии, которая с 1721 года входила в состав Российской империи, в Ревеле (ныне Таллин). Он предпочел продолжить учебу не в Германии, а в России и получил диплом архитектора, окончив в 1917 году Московский университет. Розенберг жил в Москве, когда большевики совершили революцию, и не исключено, как впоследствии заявляли его противники по нацистской партии, что он подумывал стать молодым революционером-большевиком. Однако в феврале 1918 года Розенберг вернулся в Ревель и хотел вступить добровольцем в германскую армию, когда немцы заняли город. Но в армию его не взяли как «русского», и в конце 1918 года Розенберг перебрался в Мюнхен, где первое время, вращаясь в кругах белых эмигрантов, проявлял большую активность.

В тот период Розенберг познакомился с Дитрихом Экартом, а через него с Гитлером и в конце 1919 года вступил в партию. Совершенно очевидно, что человек, имеющий диплом архитектора, мог произвести впечатление на того, кому не удалось даже поступить в архитектурный институт. Эрудиция Розенберга также поразила Гитлера, и ему понравилась в молодом человеке ненависть, которую тот питал по отношению к евреям и большевикам. Незадолго до смерти Экарта, в конце 1923 года, Гитлер назначил Розенберга редактором «Фёлькишер беобахтер» и в течение многих лет продолжал поддерживать этого мнимого философа, сделав его идеологом нацистского движения и одним из главных авторитетов в области внешней политики.

Как и Рудольф Гесс, Герман Геринг приехал в Мюнхен по окончании войны, чтобы изучать экономику в университете, и подпал под влияние Адольфа Гитлера. Один из национальных героев, последний командир прославленной истребительной эскадрильи «Рихтхофен», Герман Геринг труднее, чем другие ветераны войны, приспособивался к будням мирной жизни.

Какое-то время он работал пилотом на транспортных самолетах в Дании, потом в Швеции. Однажды Геринг перевозил графа Эрика фон Розена в его поместье, расположенное под Стокгольмом, и, остановившись там в качестве гостя, влюбился в сестру графа Карин фон Кантцов, урожденную баронессу Фок, признанную красавицу Швеции. Однако возникли кое-какие осложнения. Карин страдала эпилепсией, была замужем и имела восьмилетнего сына. Тем не менее ей удалось расторгнуть брак и выйти замуж за галантного молодого летчика. Весьма состоятельная особа вместе с новым супругом перебралась в Мюнхен, где они жили ни в чем себе не отказывая и где Геринг начал посещать занятия в университете.

Это продолжалось недолго. В 1921 году Геринг встретился с Гитлером и вступил в нацистскую партию. Он делал щедрые взносы в казну партии, субсидировал самого Гитлера, энергично помогал Рему организовывать штурмовые отряды, а через год стал руководить ими. Множество менее известных лиц, в большинстве своем с весьма сомнительной репутацией, объединились вокруг партийного диктатора. Макс Аманн, в прошлом унтер-офицер и начальник Гитлера, когда тот служил в полку Листа, несмотря на неотесанность и дубоватость, оказался довольно способным организатором. Его назначили управляющим делами партии и газеты «Фёлькишер беобахтер», и Аманну довольно быстро удалось навести порядок в финансовых средствах партии и газеты.

Своим личным телохранителем Гитлер выбрал Ульриха Графа, борца-любителя, ученика мясника и известного дебошира. Придворным фотографом, который на протяжении долгих лет один снимал фюрера, Гитлер сделал хромого Генриха Гофмана, по-собачьи преданного ему, благодаря чему Гофман стал миллионером.

Другим приближенным Гитлера был скандалист Кристиан Вебер, торговец лошадьми, в прошлом вышибала в одном из дешевых мюнхенских ресторанов, большой любитель пива и спиртного. В те дни близким к Гитлеру человеком считался и Герман Эссер, который, как и фюрер, славился ораторским искусством и антисемитскими статьями, занимавшими видное место на страницах «Фёлькишер беобахтер». Эссер не делал секрета из того, что какое-то время жил на средства своих любовниц. Пресловутый мастер шантажа, он прибегал к угрозам «разоблачения» даже по отношению к товарищам по партии, которые в чем-то перешли ему дорогу. Некоторые более порядочные члены партии настолько не переносили Эссера, что потребовали его исключения.

«Я знаю, что Эссер негодяй, – публично заявил Гитлер. – Однако я буду держать его до тех пор, пока он мне нужен». Так относился Гитлер почти ко всем своим соратникам, независимо от того, каким бы темным ни было их прошлое, да и настоящее. Для Гитлера не имело значения, являлись ли они убийцами, сутенерами, извращенцами, наркоманами или просто дебоширами, пока они служили достижению его целей.

Так, например, Гитлер почти до самого конца держал при себе Юлиуса Штрейхера. Этому развращенному садисту, в прошлом преподавателю начальной школы, в период с 1922 по 1939 год, когда наконец закатилась его звезда, сопутствовала дурная слава среди окружения фюрера.

Известный развратник, похвалявшийся любовными похождениями и шантажировавший даже мужей своих бывших любовниц, прославился и разбогател на том, что был отъявленным фанатиком-антисемитом. Его пресловутый еженедельник «Дер штюрмер» преуспевал, публикуя сенсационные, сомнительного толка истории о преступлениях, совершенных сексуально озабоченными евреями, и о еврейских «ритуальных убийствах». Непристойные статьи ежене-

дельника вызывали отвращение у многих нацистов. Штрейхер был также печально известен своим увлечением порнографией.

Штрейхер прославился в качестве некоронованного короля Франконии со штаб-квартирой в Нюрнберге, где его слово было законом и где всякий, кто вставал на его пути или вызывал его недовольство, мог оказаться за решеткой и подвергнуться пыткам. Только на скамье подсудимых в Нюрнберге, где проходил суд над военными преступниками, я увидел Штрейхера без хлыста, обычно же он держал его в руке или за поясом и, посмеиваясь, хвастался, как порол неугодных.

Таким было окружение Гитлера в первые годы кампании, направленной на установление диктаторской власти в Германии – стране, подарившей человечеству Лютера, Канта, Гете и Шиллера, Баха, Бетховена и Брамса.

1 апреля 1920 года, в день, когда рабочая партия Германии была переименована в национал-социалистическую рабочую партию, Гитлер навсегда оставил службу в армии. Впоследствии он все свое свободное время посвятит работе в нацистской партии, хотя ни тогда, ни позже не будет получать за это зарплату.

На что же в таком случае жил Гитлер? Члены партии иногда сами задавали этот вопрос. В обвинении, составленном в июле 1921 года членами партийного комитета, не согласными с Гитлером, этот вопрос был сформулирован со всей прямотой: «Если кто-то из членов партии спрашивал Гитлера о том, на какие средства он живет или чем он занимался в прошлом, он раздражался и возмущался. До сих пор на эти вопросы не получено определенного ответа. Таким образом, его совесть не может быть чиста, особенно если учитывать, что многочисленные знакомства с дамами, в присутствии которых он нередко называл себя «королем Мюнхена», стоят немалых денег».

Гитлер ответил на эти вопросы в ходе судебного разбирательства по делу о клевете, которое он возбудил против авторов обвинения. На вопрос, заданный в суде относительно средств его существования, он ответил следующим образом: «Я выступаю на митингах национал-социалистической партии бесплатно. Но мне также приходится выступать и в других организациях... и тогда, разумеется, я получаю гонорар. Обедаю я поочередно с различными товарищами по партии. Кроме того, мне оказывают скромную помощь несколько друзей по партии».

Подобное утверждение, вероятно, было недалеко от истины. Такие весьма состоятельные друзья Гитлера, как Дитрих Экарт, Геринг и Ханфштенгль, несомненно, «давали деньги в долг» для оплаты квартиры, покупки одежды и продуктов питания. Потребности же Гитлера были весьма скромными. До 1929 года он занимал двухкомнатную квартиру на Тирштрассе в районе рядом с рекой Изар, где проживала мелкая буржуазия. Зимой Гитлер носил старый плащ, хорошо известный впоследствии по многочисленным фотографиям. Летом его часто можно было встретить в кожаных шортах, которые так любят баварцы.

В 1923 году Экарт и Эссер случайно натолкнулись на постоянный двор «Платтерхоф» под Берхтесгаденом и превратили его в летнюю резиденцию Гитлера и его друзей. Гитлеру очень понравилось живописное местечко в горах; впоследствии он построил здесь себе большую виллу – «Бергхоф», ставшую ему родным домом, где в предвоенные годы он проводил большую часть времени.

Однако в те бурные годы (1921–1923) у Гитлера оставалось мало времени для отдыха и развлечений. Нужно было создавать партию и контролировать ситуацию в ней вопреки завистливым соперникам, столь же беспринципным, как и сам Гитлер. НСДАП являлась в то время не единственной партией среди многих движений правых в Баварии, которая боролась за общественное признание и поддержку.

В обязанность любого политического деятеля входит анализ и использование в своих целях стремительного хода событий и постоянно меняющихся ситуаций. В апреле 1923 года союзники представили Германии счет по репарациям на огромную сумму в размере 132 мил-

лиардов золотых марок, то есть 33 миллиардов американских долларов, что буквально всколыхнуло страну, поскольку она, естественно, не могла выплатить такие деньги.

Курс марки (обычно за четыре немецкие марки давали один доллар) начал падать. К лету 1921 года он упал до соотношения 75:1, а через год – 400:1.

В августе 1921 года был убит Эрцбергер, в июне 1922 года совершено покушение на Филипа Шейдемана – социалиста, провозгласившего Веймарскую республику. 24 июня был застрелен на улице министр иностранных дел Ратенау. Во всех трех убийствах оказались замешаны представители крайне правых. Непрочное правительство страны, находящееся в Берлине, наконец ответило на этот вызов, приняв специальный закон по охране республики, предусматривавший суровые наказания за политические акты насилия. Берлин потребовал роспуска многочисленных военных формирований, а также прекращения политического гангстеризма.

Баварскому правительству, которое возглавлял граф Лерхенфельд, известный умеренными взглядами и заменивший на этом посту в 1921 году экстремиста Кара, трудно было придерживаться линии общенационального правительства. Когда оно попыталось провести в жизнь закон против терроризма, правые, к числу которых принадлежал теперь и Гитлер, организовали заговор по низвержению Лерхенфельда и марш протеста в Берлин, чтобы свергнуть республику.

Демократическая Веймарская республика оказалась в тяжелом положении, самому ее существованию постоянно угрожали не только правые, но и левые экстремисты.

Глава 3

Версаль, Веймар и «пивной путч»

Большинство населения стран-союзниц, победивших в войне, расценивало провозглашение 9 ноября 1918 года республики в Берлине как начало новой эры для немецкой нации. Американский президент Вудро Вильсон в посланиях, предшествовавших подписанию перемирия, настаивал на свержении милитаристской автократии Гогенцоллернов, и немцы, пусть неохотно, похоже, подчинились этому требованию. Кайзер вынужден был отречься от престола и спастись бегством; монархия оказалась низложена, все существующие в Германии династии лишены власти, провозглашено республиканское правительство.

9 ноября, после обеда, так называемые социал-демократы большинства, возглавляемые Фридрихом Эбертом и Филипом Шейдеманом, собрались в Берлине, в рейхстаге, сразу после отречения кайзера и ухода в отставку канцлера принца Макса Баденского. Социал-демократы обсуждали, как им поступить.

Эберт, шорник по профессии, ратуя за установление конституционной монархии британского типа, считал, что власть должна перейти к одному из сыновей Вильгельма. Эберт, хотя и являлся лидером социалистов, питал отвращение к революционным преобразованиям общества. «Я ненавижу революцию как грех», – однажды заявил он.

Однако революционные настроения витали в воздухе. Столица была охвачена всеобщей забастовкой. В нескольких кварталах от рейхстага, вниз по улице Унтер-ден-Линден, члены «Союза Спартака» под руководством левых социалистов Розы Люксембург и Карла Либкнехта заседали в императорском дворце, готовясь провозгласить советскую республику. Когда об этом узнали социал-демократы, нахоловшие в здании рейхстага, они пришли в ужас. Необходимо было незамедлительно принять меры, чтобы упредить спартаковцев.

У Шейдемана созрел план. Не посоветовавшись с товарищами, он бросился к окну, выходящему на Кёнигсплац, где в тот момент собралась большая толпа, и, высунувшись, как бы в порыве вдохновения от собственного имени провозгласил республику. Эберт был разгневан. Он все еще надеялся каким-то образом спасти монархию.

Именно так, вроде по счастливой случайности, и возникла германская республика. Если сами социалисты и не были убежденными сторонниками республиканского строя, то довольно трудно ожидать этого от консерваторов. Последние, однако, сняли с себя ответственность за случившееся. Вместе с военачальниками Людендорфом и Гинденбургом они навязали политическую власть колеблющимся социал-демократам.

Таким образом, им удалось переложить на плечи лидеров рабочего класса бремя ответственности за подписание договора о капитуляции, а впоследствии и мирного договора, тем самым поставив им в вину поражение Германии и все лишения и страдания, выпавшие на долю немецкого народа в результате проигранной войны и навязанного победителями мира. Дешевый трюк, распознать смысл которого не составило бы труда даже для ребенка, однако в Германии он удался. Республику с самых первых шагов обрекли на гибель. Но это, очевидно, не было неизбежно. В ноябре 1918 года социал-демократы, обладая всей полнотой власти, могли быстро заложить основы стабильной демократии, но для этого им требовалось подавить или по крайней мере нейтрализовать сопротивление сил, поддерживающих империю Гогенцоллернов и не проявляющих лояльность по отношению к демократической Германии. К ним относились феодальные землевладельцы-юнкеры и другие представители высшей знати, магнаты, управлявшие крупными промышленными картелями, воинствующие кондотьеры добровольческого корпуса, высокопоставленные чиновники имперской гражданской службы и прежде всего военные и члены генерального штаба.

Социал-демократам предстояло положить конец существованию многих крупных поместий, которые превратились в убыточные и неэкономичные, ликвидировать промышленные монополии и картели, очистить чиновничий аппарат, судебные и полицейские органы, университеты и армию от всех, кто не желал честно служить новому, демократическому строю.

Однако социал-демократам, в большинстве своем оставшимся наивными профсоюзными деятелями, которые привыкли повиноваться старым органам власти, что, кстати, вошло в плоть и кровь немцев – выходцев из различных классов, это оказалось не по плечу. Они начали передавать свои полномочия той силе, которая являлась доминирующей в современной Германии, а именно армии. Потерпев поражение на полях сражений, военные все еще надеялись сохранить свои позиции внутри страны и покончить с революцией. Во имя достижения этих целей руководство армии действовало быстро и решительно.

В ночь на 9 ноября 1918 года, через несколько часов после провозглашения республики, в кабинете Эберта в рейхсканцелярии в Берлине раздался телефонный звонок. Это был особый телефон – специальная секретная линия связи со ставкой верховного главнокомандующего в Спа. Эберт находился в кабинете один. Он поднял трубку.

– Говорит Грёнер, – раздался властный голос.

Услышанное поразило шорника, который все еще находился под впечатлением событий минувшего дня: неожиданно и без согласия с его стороны на Эберта возложили политические полномочия.

Генерал Вильгельм Грёнер сменил Людендорфа на посту первого генерал-квартирмейстера. Еще раньше, в тот самый день, когда фельдмаршал фон Гинденбург колебался, именно генерал информировал кайзера о том, что войска ему больше не подчиняются и ему следует подать в отставку, – смелый поступок, который военная элита ему так и не простила. Эберт и Грёнер относились друг к другу с взаимным уважением – генерал, отвечавший с 1916 года за военное производство, работал с лидером социалистов в тесном контакте. В начале ноября, за несколько дней до описываемых событий, они обсуждали в Берлине, как спасти монархию и отечество.

И вот в критический для отечества момент их связала секретная телефонная линия. И именно тогда руководитель социалистов и второй по положению в германской армии человек заключили соглашение, которому, несмотря на то, что оно в течение многих лет оставалось для общественности тайной, суждено было определить судьбы нации. Эберт согласился покончить с анархией и большевизмом и сохранить традиционную роль армии. Грёнер со своей стороны заверил его в поддержке военных, которые будут содействовать укреплению нового правительства и реализации его цели.

Эберт и его коллеги-социалисты наверняка опасались повторения того, что совсем недавно произошло в России. Они не хотели становиться германскими керенскими. Они не желали уступать власть большевикам. По всей Германии возникали Советы солдатских и рабочих депутатов, которые, как в России, начали брать власть в свои руки.

10 ноября эти группы избрали Совет народных уполномоченных с Эбертом во главе, который в течение некоторого времени находился у власти. В декабре в Берлине собрался съезд Советов Германии, который потребовал отставки Гинденбурга, роспуска регулярной армии и замены ее гражданской гвардией, в которой офицеры избирались бы рядовыми солдатами, осуществления контроля над гвардией силами Советов.

Гинденбург и Грёнер сочли эти требования неприемлемыми и отказались признать полномочия съезда Советов, а сам Эберт ничего не предпринял для выполнения этих требований. Однако армия, борясь за свое существование, настаивала на принятии правительством, которое она согласилась поддерживать, более решительных мер.

За два дня до Рождества народная дивизия морской пехоты, находившаяся в тот момент под контролем коммунистов из «Союза Спартака», заняла Вильгельмштрассе, захватила рейхс-

канцелярию и нарушила телефонную связь. Но секретная телефонная линия, связывающая рейхсканцелярию с генеральным штабом, продолжала действовать, и Эберт, воспользовавшись ею, обратился за помощью. Военные пообещали освободить их силами Потсдамского гарнизона, однако моряки, поднявшие мятеж, не стали этого дожидаться и вернулись в казармы, размещавшиеся на конном дворе императорского дворца, который по-прежнему удерживали спартаковцы.

«Союз Спартака» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург подталкивал к созданию советской республики. Нарастала и военная мощь спартаковцев в Берлине. В сочельник дивизия морской пехоты довольно легко отразила попытку регулярных войск выбить ее из императорских конюшен.

Гинденбург и Грёнер оказывали на Эберта давление, требуя, чтобы тот, соблюдая условия соглашения, подавил сопротивление большевиков. Лидер социал-демократов только этого и ждал. На третий день рождества он назначил Густава Носке министром обороны Германии, и с этого момента события развивались в такой логической последовательности, какой и ожидали от действий нового министра. Носке, мясник по профессии, проложивший себе путь в профсоюзное движение и социал-демократическую партию, в 1906 году стал депутатом рейхстага, где был признан экспертом партии по военным вопросам. Его по праву считали ярким националистом и человеком сильной воли. Принц Макс Баденский воспользовался его помощью, чтобы подавить мятеж на флоте в Киле в первые дни Ноябрьской революции, с чем Носке успешно справился. Коренастый, с тяжелой челюстью, обладавший завидной физической силой и энергией, он в начале января 1919 года нанес решительный удар. Во время «кровавой недели» (с 10 по 17 января), как ее называли в Берлине, войска регулярной армии и добровольческого корпуса под руководством Носке и под командованием генерала фон Лютвица разгромили спартаковцев. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были захвачены и убиты офицерами гвардейской кавалерийской дивизии.

Как только в Берлине стихли бои, по всей Германии прошли выборы в Учредительное национальное собрание, которое должно было подготовить новую конституцию. Выборы, состоявшиеся 19 января 1919 года, показали, что средние и высшие слои общества осмелели за два с небольшим месяца, прошедшие после революции. Социал-демократы (социал-демократы большинства и независимые социалисты), единолично правившие страной, поскольку ни одна из партий не желала разделить с ними бремя забот, набрали 13 миллионов 800 тысяч голосов из 30 миллионов и получили в Национальном собрании 185 мест из 421, что составляло значительно меньше необходимого большинства. Стало очевидно, что новую Германию нельзя построить лишь с помощью рабочего класса.

Две буржуазные партии – партия «Центр», представлявшая собой политическое движение римской католической церкви, и демократическая партия, возникшая в декабре в результате слияния старой прогрессивной партии и левых национал-либералов, набрали 11,5 миллиона голосов и получили 165 мест в Национальном собрании. Консерваторы, лидеры которых во время Ноябрьской революции затаились или, подобно графу фон Вестарпу, обратились за защитой к Эберту, несмотря на сокращение численного состава, доказали, что с ними вовсе не покончено. Переименовав себя в немецкую национальную народную партию, они набрали свыше 3 миллионов голосов и получили 44 депутатских места. Союзники правых консерваторов, национал-либералы, именовавшиеся теперь немецкой народной партией, получили почти 1,5 миллиона голосов и 19 мест в собрании. Обе консервативные партии, хотя и находились в меньшинстве, набрали в Национальном собрании достаточно голосов, чтобы их слышали.

Конституция, принятая заседавшим в Веймаре Национальным собранием 31 июля 1919 года после шестимесячного обсуждения и ратифицированная президентом 31 августа, на бумаге являлась самым либеральным и демократичным документом XX века, в техническом отношении почти совершенным, полным оригинальных и достойных восхищения приемов,

которые, казалось, гарантировали почти совершенную демократию. Идея создания правительственного кабинета была заимствована у Англии и Франции, образ наделенного большими полномочиями президента родился под влиянием опыта США, представление о референдуме – из опыта Швейцарии. Разработали замысловатую систему пропорционального представительства и голосования списком, с тем чтобы предотвратить напрасную потерю голосов избирателей и обеспечить право быть представленными в парламенте национальным меньшинствам.

Формулировки статей Веймарской конституции для любого демократически настроенного человека звучали свежо и многозначительно. Народ объявлялся суверенным: «Политическая власть исходит от народа». Избирательное право предоставлялось мужчинам и женщинам в возрасте более двадцати лет. «Все граждане Германии равны перед законом... Свобода личности неприкосновенна... Каждый вправе свободно выражать собственное мнение... Все в Германии имеют право создавать ассоциации или общества... Все жители рейха пользуются полной свободой совести и вероисповедания...»

Казалось, нет в мире людей более свободных, чем немцы, нет правительства более демократичного и либерального, чем нынешнее. Так выглядело, по крайней мере, на бумаге.

Теневая сторона Версальского договора

До завершения работы над Веймарской конституцией произошло событие, имевшее гибельные последствия для конституции и республики, которую собрались создать. Этим событием явилось заключение Версальского договора. В первые мирные дни, исполненные хаоса и беспокойства, народ, вероятно, мало волновали последствия поражения Германии в войне. А если и волновали, то немцы, видимо, самодовольно верили, да и союзники убеждали их в этом, что, свергнув династию Гогенцоллернов, избавившись от большевиков и приступив к формированию демократического республиканского правительства, они вправе рассчитывать на заключение справедливого мирного договора, в котором точкой отсчета являлось бы не поражение Германии в войне, а знаменитые «четырнадцать пунктов» президента Вильсона.

Похоже, немцы не хотели вспоминать о том, что произошло год назад, 3 марта 1918 года, когда празднующее в ту пору свою победу верховное командование Германии навязало потерпевшей поражение России в Брест-Литовске унижительный мирный договор.

По условиям договора Россия лишалась территории, примерно равной территории Австро-Венгрии и Турции, вместе взятых, на которой проживало 56 миллионов человек, или 32 процента всего населения; лишалась трети всех железных дорог, 73 процентов залежей железной руды, 89 процентов общего производства угля, более 5 тысяч заводов и промышленных предприятий. Кроме того, Россия обязана была выплатить Германии контрибуцию в размере 6 миллиардов марок.

Час расплаты наступил для немцев в конце весны 1919 года. Условия Версальского договора, составленные союзниками без какого-либо обсуждения с немецкой стороной, были опубликованы в Берлине 7 мая. Договор явился сокрушительным ударом для народа, который не желал отказываться от иллюзий до последнего момента. По всей стране были организованы массовые митинги, на которых выступающие протестовали против условий договора и требовали, чтобы Германия отказалась ставить под ним свою подпись. Шейдеман, ставший рейхсканцлером на Веймарском учредительном собрании, гневно воскликнул: «Да отсохнет рука у подписавшего этот договор!»

8 мая Эберт, президент временного правительства, и члены правительства публично назвали условия договора «неосуществимыми и невыносимыми». На следующий день германская делегация в Версале направила негнбавемому Клемансо послание, в котором объявляла, что данный договор является «неприемлемым для любой нации».

Что же неприемлемого было в этом договоре? Согласно условиям Версальского договора Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, Бельгии – часть территории, Дании – часть Шлезвига (после плебисцита), которую в прошлом веке, одержав победу в войне, отобрал у нее Бисмарк. Польше возвращались земли (часть из них только после плебисцита), которые были захвачены Германией при ее разделе. Этот пункт договора больше всего выводил из себя немцев не только потому, что они возражали против отделения части Восточной Пруссии от Германии коридором, который давал Польше выход к морю, но и потому, что они презирали поляков, считая их низшей расой. Не меньше злило немцев и то обстоятельство, что по условиям договора ответственность за развязывание войны ложилась на Германию и им надлежало выдать союзникам кайзера Вильгельма II и восемьсот других военных преступников.

Размер репараций предстояло определить позднее, однако первый взнос – 5 миллиардов долларов золотом необходимо было внести в период с 1919 по 1921 год. Кроме того, вместо выплаты репараций наличными предусматривалось, что некоторые суммы будут погашены натурой – углем, судами, лесом, скотом и так далее.

Однако самое обидное в Версальском договоре, по мнению немцев, состояло в том, что Германию практически разоружили⁸, а это лишало ее гегемонии в Европе. Тем не менее ненавистный Версальский договор в отличие от договора, навязанного Германией России, позволял рейху сохранить в целом свой географический и экономический статус, а также политическое единство и потенциальную мощь великой державы.

Временное правительство в Веймаре, не считая Эрцбергера, который настаивал на принятии договора на том основании, что условия его в скором времени можно будет легко обойти, решительным образом возражало против Версальского «диктата», как его теперь называли. Подобная позиция правительства опиралась на мнение подавляющего большинства населения, придерживающегося как правых, так и левых взглядов.

Однако депутаты понимали, что если условия договора будут отклонены, армия не сможет противостоять нападению союзников с запада.

Союзники же требовали от Германии однозначного ответа. 16 июня они поставили немцам ультиматум: либо условия договора принимаются к 24 июня, либо соглашение о перемирии теряет силу, и тогда союзники «предпримут шаги, которые сочтут целесообразными для соблюдения положений договора».

Национальное собрание большинством голосов одобрило подписание мирного договора. Решение собрания было передано Клемансо лишь за девятнадцать минут до истечения срока ультиматума союзников. Через четыре дня, 28 июня 1919 года, мирный договор был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца.

Разделенный дом

С этого дня Германия напоминала разделенный дом. Консерваторы не приняли ни мирный договор, ни республику, которая ратифицировала его. Военные, за исключением генерала Грёнера, в конечном счете тоже не одобрили этих шагов, хотя и дали присягу поддерживать новый демократический строй и окончательное решение о подписании Версальского мирного договора исходило от них. Вне зависимости от Ноябрьской революции консерваторы по-прежнему управляли экономикой страны. Они владели промышленными предприятиями, крупными земельными участками и большей частью германского капитала. Их богатство могло быть использовано – и практически использовалось – для финансовой поддержки политиче-

⁸ Вооруженные силы Германии ограничивались стотысячной армией добровольцев, зачисляемых на долгосрочную службу; запрещалось иметь на вооружении самолеты и танки. Генеральный штаб подлежал роспуску. Военно-морской флот ограничивался небольшими силами; не допускалось строительство подводных лодок и судов водоизмещением более 10 тысяч тонн.

ских партий и политической прессы, которая с этого дня направила свои усилия на подрыв республики.

Военные начали обходить положения мирного договора, связанные с ограничением вооружений, еще до того как на нем высохли чернила. Робость и близорукость лидеров социалистов позволили кадровым офицерам не только сохранить в армии старые прусские порядки, но и стать фактическим центром политической власти новой Германии.

Армия практически до последних дней недолго просуществовавшей республики не делала ставку на какое-либо политическое движение. Но под командованием генерала Ганса фон Секта, талантливого военачальника, создателя стотысячного германского рейхсвера, армия, хотя и немногочисленная по составу, стала государством в государстве, сохраняя свою независимость от правительства страны. В соответствии с положением Веймарской конституции армию можно было подчинить кабинету министров и парламенту, как это имело место в отношении военных ведомств в других западных странах. Однако она не желала подчиняться. В то же самое время командный состав не был свободен от монархистских, антиреспубликанских настроений.

То обстоятельство, что законно избранное правительство не смогло создать новую армию, верную демократическому духу и подчиняющуюся кабинету министров и рейхстагу, стало для республики роковым, как показало время.

Неспособность провести чистку правовых органов явилась еще одним просчетом правительства. Слуги правосудия сделали одним из центров контрреволюции, используя судебную власть в реакционных политических целях. «Нельзя не прийти к выводу, – заявлял историк Франц Нойман, – что использование судебных органов в политических целях стало самой позорной страницей в жизни германской республики».

После Капповского путча 1920 года правительство предъявило 705 лицам обвинение в государственной измене, но лишь один из них – начальник берлинской полиции был приговорен к пяти годам почетного заключения. Когда власти Пруссии лишили его пенсии, верховный суд принял решение о ее восстановлении. В декабре 1926 года германский суд постановил выплатить генералу фон Лютвицу, военному главарю Капповского путча, пенсию, причитающуюся ему за тот период, когда он открыто выступал против правительства, и за те пять лет, в течение которых он скрывался от правосудия в Венгрии.

В то же самое время сотни немецких либералов были приговорены к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в измене, поскольку в своих выступлениях в печати или на митингах раскрывали и осуждали постоянные нарушения Версальского договора со стороны армии. Обвинения в предательстве безжалостно предъявлялись сторонникам республики.

Представителей же правых взглядов, которые пытались свергнуть республику, как в этом вскоре смог убедиться Адольф Гитлер, вообще не лишали свободы либо они отделялись легкими приговорами. Даже в отношении уголовников, если они принадлежали к правым, а их жертвами оказывались демократы, судебные инстанции были довольно снисходительны или, как часто случалось, им удавалось бежать из мест заключения при помощи армейских офицеров и правых экстремистов.

Таким образом, умеренным социалистам, поддерживаемым демократами и католиками-центристами, пришлось возглавить республику, устои которой расшатывались с самых первых ее шагов. Им приходилось сносить ненависть, нападки, а иногда и служить мишенью для противников, число и решимость которых постоянно возрастали.

«В душе народа, – заявлял Освальд Шпенглер, прославившийся после выхода своей книги «Падение Запада» («Закат Европы»), – Веймарская конституция уже обречена».

Тем временем в Баварии молодой смутьян Адольф Гитлер осознавал силу нового националистического движения, которое впоследствии использовал и возглавил. Этому в значи-

тельной степени содействовал естественный ход событий, в частности падение курса немецкой марки и оккупация французами Рурской области. Курс марки, как уже отмечалось, падал начиная с 1921 года, когда соотношение марки к американскому доллару составляло 75:1, на следующий год – 400:1, а к началу 1923 года – 7000:1. Уже осенью 1922 года правительство Германии обратилось к союзникам с просьбой предоставления моратория на выплату репараций. Просьба была отвергнута французским правительством Пуанкаре. Когда Германия не произвела поставки леса, твердолобый французский премьер-министр, являвшийся в годы войны президентом, отдал войскам приказ оккупировать Рурскую область. Рур – промышленный центр Германии, после передачи Верхней Силезии Польше обеспечивавший четыре пятых добычи угля и производства стали для рейха, оказался отрезан от остальной страны.

Удар, парализовавший экономику Германии, способствовал такому сплочению населения, какого оно не знало с 1914 года. Рабочие Рура объявили всеобщую забастовку и получили финансовую помощь от берлинского правительства, которое призвало бастующих к пассивному сопротивлению. При поддержке армии развернулись партизанские действия и саботаж. Французы ответили на это арестами, депортациями и даже смертными приговорами. Но в Руре ничего не изменилось.

Бедственное положение германской экономики ускорило окончательную девальвацию марки. К моменту оккупации Рурской области в январе 1923 года курс марки упал до 18 тысяч за один доллар, к 1 июля – до 165 тысяч, к 1 августа – до миллиона. К ноябрю, когда, по мнению Гитлера, пробил его час, за один доллар давали уже 4 миллиарда марок, и это еще был не предел. Германская валюта практически полностью обесценилась.

Покупательная способность заработной платы была сведена к нулю. Сбережений буржуазии и рабочего класса больше не существовало. Но было потеряно нечто более важное – вера народа в экономическую структуру германского общества. Чего стоили устои и деятельность такого общества, которое поощряло сбережения и вклады и торжественно провозглашало их гарантированный возврат владельцам, а затем отказывалось от выплат? Не являлось ли это простым обманом населения?

И разве не демократическая республика, которая сдалась врагу и приняла на себя ответственность за бремя репараций, повинна во всех бедствиях? К несчастью, что ставило под вопрос ее существование, республика действительно несла определенную ответственность. Инфляцию можно было приостановить простым сбалансированием бюджета – трудной, но вполне выполнимой операцией. Это могло бы обеспечить адекватное налогообложение, однако новое правительство не решалось установить его. В конечном счете стоимость войны – 164 миллиарда немецких марок – не была погашена хотя бы частично прямым налогообложением, 93 миллиарда марок были получены за счет военных займов, 29 миллиардов – за счет ценных бумаг казначейства, а остальная сумма – за счет увеличения выпуска бумажных денежных знаков. Вместо резкого повышения налогов для тех, кто мог их платить, республиканское правительство в 1921 году фактически сократило налоги.

С этого момента правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того, что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на понижение курса марки, чтобы освободить государство от долгов, избежать выплаты репараций и саботировать действия французов в Рурской области.

Широкие народные массы не осознавали, что промышленные воротилы, армия и государство в результате валютного кризиса остались в выигрыше. Им было известно, что даже крупный банковский счет не позволял купить жалкого пучка моркови, полпакета картофеля, несколько унций сахара и полкилограмма лука. Они знали, что каждый из них стал банкротом. Они поняли, что такое голод, ежедневно сталкиваясь с ним. И они в отчаянии обвиняли во всем случившемся республику.

Переворот в Баварии

«Правительство преспокойно продолжает печатать жалкие денежные знаки, поскольку прекращение этого процесса означало бы конец правительства, – кричал Гитлер. – Приостанови оно печатание, а именно в этом залог стабилизации марки, и мошенничество сразу станет достоянием гласности... Поверьте мне, наши страдания и нищета только усугубляются. А негодяи выйдут сухими из воды. Причина простая: само государство стало крупнейшим мошенником и проходимцем. Государство грабителей!.. Когда потрясенный народ узнает, что ему придется голодать, имея миллиарды, он неминуемо сделает следующий вывод: мы не станем больше подчиняться государству, которое зиждется на обманной идее большинства. Нам нужна диктатура...»

Безусловно, невзгоды и сомнения, связанные с безумной инфляцией, подтолкнули миллионы немцев к такому выводу, а Гитлер был готов вести массы за собой: обстановка хаоса 1923 года предоставила неповторимую возможность свергнуть республику. Но определенные трудности встали бы на пути Гитлера, возглавь он контрреволюцию, в чем он был заинтересован постольку, поскольку жаждал власти.

Прежде всего нацистская партия, несмотря на то что численность ее членов росла с каждым днем, являлась далеко не самым влиятельным политическим движением Баварии, а за пределами данной земли вообще была не известна. Разве столь незначительная партия в состоянии совершить переворот и свергнуть республику? Гитлер, которого не очень смущали подобные трудности, считал, что нашел выход из создавшейся ситуации. Он мог бы объединить под своим руководством все антиреспубликанские националистические силы Баварии. Затем при поддержке баварского правительства, вооруженных формирований и частей рейхсвера, дислоцированных в Баварии, он мог возглавить марш на Берлин – подобно Муссолини, вошедшему год назад в Рим, – и свергнуть Веймарскую республику. Легкая победа Муссолини вызывала зависть.

Оккупация французами Рурской области, хотя и подогрела ненависть немцев к своему традиционному врагу и, таким образом, содействовала возрождению националистических настроений, усложняла задачу Гитлера. Эти события способствовали объединению германской нации вокруг республиканского правительства в Берлине, которое решило дать отпор Франции. Гитлер меньше всего хотел этого. Целью его было свержение республики. А Францией он, очевидно, намеревался заняться после того, как в Германии произойдет националистическая революция и будет установлен диктаторский режим.

Вопреки бытовавшему в ту пору общественному мнению Гитлер решил занять непопулярную позицию: «Нет! Покончить надо не с Францией, а с предателями отечества. Долой преступников Ноября! – таков должен быть наш лозунг».

Первые месяцы 1923 года Гитлер посвятил распространению данного лозунга. В феврале в значительной степени благодаря организаторскому таланту Рема четыре вооруженных «патриотически настроенных формирования» Баварии слились с нацистами и образовали так называемое «Рабочее объединение союзов борьбы за Отечество» под политическим руководством Гитлера. В сентябре была создана более мощная группа под названием «Немецкий союз борьбы», одним из трех главарей которой являлся Гитлер.

Эта организация возникла во время крупного массового митинга, состоявшегося в Нюрнберге 2 сентября, в годовщину победы, одержанной Германией в 1870 году под Седаном. На митинге присутствовали большинство профашистски настроенных групп из Южной Германии, и Гитлеру даже похлопали, когда он произнес гневную речь против национального правительства. Открыто были провозглашены цели «Немецкого союза борьбы»: свержение республики и отказ от Версальского договора.

На нюрнбергском сборище Гитлер стоял на трибуне рядом с генералом Людендорфом. И это было не случайно. Молодой нацистский вождь уже некоторое время обхаживал героя войны, который однажды позволил использовать его славное имя организаторам Капповского путча и, поскольку он по-прежнему поддерживал контрреволюцию, мог не устоять перед соблазном и одобрить план, зарождавшийся в голове Гитлера. Старый генерал не обладал тонким политическим чутьем, зато не скрывал своего презрения к баварцам, кронпринцу Рупрехту, баварскому самозванцу и католической церкви, влияние которой здесь по сравнению с другими землями Германии было наиболее сильным.

Все это знал Гитлер, но это не противоречило его задачам. Он не стремился к тому, чтобы Людендорф стал политическим лидером националистической контрреволюции, – роль, на которую, как известно, претендовал герой войны. Гитлер добивался, чтобы эту роль отвели ему самому. Однако имя Людендорфа, его авторитет в военных кругах и в среде консерваторов всей Германии могли оказаться весьма полезными для провинциального политика, пока еще не известного за пределами Баварии. Поэтому Гитлер и предусмотрел Людендорфа в своем плане действий.

Осенью 1923 года в Германской республике и в земле Бавария сложилась кризисная ситуация. 26 сентября канцлер Густав Штресеман объявил о прекращении пассивного сопротивления в Рурской области и возобновлении выплаты Германией репараций. Этот бывший глашатай Гинденбурга и Людендорфа, стойкий консерватор, а в душе монархист, пришел к выводу, что для спасения Германии, объединения и восстановления ее былой мощи необходимо хотя бы на какое-то время признать республику, договориться с союзниками и в период затишья возродить экономический потенциал страны. Дальнейшее движение по нынешнему пути приведет лишь к развязыванию гражданской войны, а возможно, и к полному истреблению германской нации.

Отказ от сопротивления французам в Рурской области и взятие на себя бремени выплаты репараций вызвали волну гнева и истерии среди германских националистов. Коммунисты, также набиравшие силу, присоединились к ним в яростных нападках на республику. Штресеман столкнулся с серьезной оппозицией в лице как крайне правых, так и крайне левых. Предвидя это, он добился введения президентом Эбертом чрезвычайного положения в стране в тот день, когда было объявлено об изменении политического курса в отношении Рурской области и вопроса о репарациях. С 26 сентября 1923 года по февраль 1924 года исключительными полномочиями в Германии в соответствии с чрезвычайным положением оказались наделены министр обороны Отто Гесслер и начальник управления сухопутными силами рейхсвера генерал фон Сект. Эти полномочия на практике сделали генерала и армию диктаторами.

Бавария же не изъявляла желания следовать такому решению. Баварский кабинет министров, возглавляемый Ойгеном фон Книллингом, 26 сентября объявил о введении на территории земли чрезвычайного положения и назначил правого монархиста и бывшего премьер-министра Густава фон Кара комиссаром земли Бавария, наделив его диктаторской властью.

В Берлине опасались отделения Баварии от рейха, восстановления монархии Виттельсбахов, а также образования совместно с Австрией Южно-Германского государства. Президент Эберт поспешно собрал заседание кабинета министров и пригласил на него генерала фон Секта. Эберт хотел выяснить, какую позицию занимают военные. Сект откровенно заявил ему: «Армия, господин президент, поддерживает меня».

Слова начальника управления сухопутных сил, произнесенные ледяным тоном и с каменным выражением лица, не смутили, как можно было предположить, президента Германии и рейхсканцлера. Они уже признали за армией статус государства в государстве, ведь тремя годами ранее, как уже отмечалось, когда войска Каппа заняли Берлин и к Секту обратились

с аналогичным предложением, армия поддержала не республику, а генерала. Теперь, в 1923 году, вопрос состоял лишь в том, какую позицию займет сам генерал фон Сект.

К счастью для республики, он предпочел поддержать ее, но не потому, что верил в республиканский строй и его демократические принципы, а потому, что считал: в данный момент поддержка существующего режима необходима для сохранения армии, которой угрожали перевороты в Баварии и на севере страны, и для спасения Германии от губительной гражданской войны. Секту было известно, что часть командного состава армейской дивизии в Мюнхене приняла сторону баварских сепаратистов. Знал он и о заговоре «черного рейхсвера» во главе с майором Бухрукером, бывшим офицером генерального штаба. Цель заговора состояла в захвате Берлина и свержении республиканского правительства. Таким образом, генерал руководствовался холодным расчетом, намереваясь довести армию до нужной кондиции и ликвидировать угрозу гражданской войны.

В ночь на 30 сентября 1923 года войска «черного рейхсвера» под командованием майора Бухрукера захватили три форта восточнее Берлина. Сект отдал приказ силам регулярной армии окружить заговорщиков, и после двухдневного сопротивления Бухрукер сдался. Его судили по обвинению в государственной измене и приговорили к десяти годам заключения в крепости. «Черный рейхсвер», созданный самим Сектом под кодовым названием «Трудовые отряды» в целях скрытого увеличения численности стотысячного рейхсвера, был распущен.

Затем Сект все свое внимание уделил угрозе коммунистических выступлений в Саксонии, Тюрингии, Гамбурге и Руре. Что касается подавления левых сил, то здесь в лояльности армии сомневаться не приходилось. В Саксонии местный командующий силами рейхсвера арестовал правительство, в которое наряду с коммунистами входили социалисты, и власть была передана рейхскомиссару. В Гамбурге и других районах выступления коммунистов подавлялись быстро и жестоко.

В Берлине в то время полагали: сравнительно легкая расправа над большевиками лишила баварских заговорщиков оснований заявлять, будто они действительно стремятся спасти республику от коммунизма, и теперь они готовы признать полномочия национального правительства. Однако на деле этого не произошло.

Бавария по-прежнему враждебно относилась к Берлину. В тот период она находилась под диктаторской властью триумvirата: комиссара Баварии Кара, командующего силами рейхсвера в Баварии генерала Отто фон Лоссова и начальника полиции полковника Ганса фон Сейсера. Кар отказался признать, что введенное в Германии президентом Эбертом чрезвычайное положение действительно и в отношении Баварии. Он отказался выполнять какие-либо приказы, исходящие из Берлина. Когда национальное правительство потребовало закрыть гитлеровскую газету «Фелькишер беобахтер» в связи с яростными нападениями на республику в целом и на Секта, Штреземана и Гесслера в частности, Кар с презрением отклонил это требование.

Второе распоряжение из Берлина относительно ареста трех главарей действующих на территории Баварии вооруженных банд – капитана Хайса, капитана Эрхардта («героя» Капповского путча) и лейтенанта Россбаха (гомосексуалиста, приятеля Рема) – также было оставлено Каром без внимания. Сект, терпению которого пришел конец, приказал генералу фон Лоссову закрыть нацистскую газету и арестовать трех военных добровольческого корпуса. Однако генерал, будучи баварцем по рождению и нерешительным политиком, под влиянием красноречия Гитлера и настойчивости Кара заколебался. 24 октября Сект отстранил Лоссова от командования и назначил на его место генерала Кресса фон Крессенштейна. Кар, однако, не захотел согласиться с подобным диктатом Берлина. Он объявил, что Лоссов останется командующим силами рейхсвера в Баварии и, не только бросив вызов Секту, но и пренебрегая положениями статей конституции, потребовал от офицеров и рядовых специальной присяги на верность баварскому правительству.

В Берлине это расценили не только как политический акт, но и как военный бунт. Генерал фон Сект был теперь полон решимости положить конец подобным выступлениям. Он направил недвусмысленное предупреждение баварскому триумвирату, Гитлеру и вооруженным отрядам, что любое их выступление будет подавлено силой. Но отступать нацистскому главарю было слишком поздно. Его оголтелые сторонники требовали решительных действий. Лейтенант Вильгельм Брюкнер, один из начальников штурмовых отрядов СА, призвал Гитлера немедленно выступить. «Настал день, – предупреждал он, – когда я уже не в состоянии сдерживать своих людей. Если сейчас ничего не произойдет, они просто уйдут от нас».

Гитлер тоже понимал, что, если Штреземану удастся выиграть время и приступить к осуществлению мероприятий по восстановлению спокойствия в стране, шансы будут упущены. Он обратился к Кару и Лоссову с предложением предпринять марш на Берлин до того, как Берлин пойдет на Мюнхен. Кроме того, Гитлер начал подозревать, что триумвират либо утратил решимость, либо планирует сепаратистский переворот без его участия в целях отделения Баварии от рейха. Против этого Гитлер, одержимый идеями создания сильного рейха, объединенного под эгидой национализма, категорически возражал.

Кар, Лоссов и Сейсер после предостережения Секта заколебались. Они не были заинтересованы в проведении бессмысленной акции, которая могла подорвать их собственные позиции. 6 ноября они проинформировали «Немецкий союз борьбы», в котором Гитлер был ведущей политической фигурой, что не намерены втягиваться в поспешные действия и сами примут решение о том, когда и как действовать. Это решение Гитлер расценил как сигнал, что пора брать инициативу в свои руки. Однако он не располагал поддержкой, чтобы осуществить путч собственными силами. Ему требовалось заручиться помощью со стороны баварского правительства, армии и полиции – урок, который фюрер вынес за годы лишений, проведенные в Вене.

Гитлеру было необходимо каким-то образом заставить Кара, Лоссова и Сейсера действовать заодно с ним, когда уже нельзя будет повернуть назад. Требовалась смелость, даже некоторая опрометчивость, и Гитлер к тому времени мог доказать, что обладает этими качествами. Фюрер решил захватить тройку в качестве заложников и вынудить их использовать свою власть для удовлетворения его требований.

Эту мысль подсказали Гитлеру два беженца из России – Розенберг и Шейбнер-Рихтер. Последний, взяв титул и фамилию жены, величал теперь себя не иначе как Макс Эр-вин фон Шейбнер-Рихтер. Этот весьма сомнительный тип, как и Розенберг, провел большую часть жизни в прибалтийских провинциях России. После войны вместе с другими беженцами он переехал в Мюнхен, где вступил в нацистскую партию и сделался одним из приближенных Гитлера. 4 ноября, в день поминовения павших, в центре Мюнхена должен был состояться военный парад. В прессе объявили, что не только кронпринц Рупрехт, но и Кар, Лоссов и Сейсер примут парад на трибуне, которая будет установлена на узкой улице, идущей от Фельдхернхалле. Шейбнер-Рихтер и Розенберг предложили Гитлеру следующий план действий: несколько сот штурмовиков с пулеметами, доставленные на грузовиках, перекрывают узкую улочку до появления участвующих в параде войск. Гитлер поднимается на трибуну, провозглашает революцию и под дулом пистолета вынуждает почетных гостей принять революцию и содействовать тому, чтобы он стал ее вождем. План Гитлер с восторгом одобрил.

Однако в назначенный день, когда Розенберг прибыл на место планируемой акции с целью провести рекогносцировку, то, к своему величайшему сожалению, обнаружил, что узкая улочка охраняется хорошо вооруженным отрядом полиции.

В прессе появилось краткое сообщение, что по просьбе ряда деловых организаций Мюнхена Кар выступит на митинге в «Бюргербройкеллер», огромном пивном зале на юго-востоке города. Эта встреча должна была состояться вечером 8 ноября.

В заметке указывалось, что выступление комиссара будет посвящено программе баварского правительства. На митинге предполагалось также присутствие генерала Лоссова, полковника Сейсера и других известных деятелей.

Гитлер поспешно принял решение, исходя из следующих двух соображений: во-первых, он подозревал, что Кар может использовать встречу для провозглашения независимости Баварии и возведения на баварский престол династии Виттельсбахов; во-вторых, встреча в «Бюргербройкеллер» предоставляла возможность, которая не была использована 4 ноября, – захватить всех членов триумvirата и под дулом пистолета вынудить их перейти на сторону нацистов и совершить революционный переворот.

«Пивной путч»

8 ноября 1923 года, примерно без четверти девять вечера, после того как Кар уже полчаса говорил перед трехтысячной оравой бюргеров, сидящих за деревянными столами и попивающих пиво из больших глиняных кружек, штурмовики СА окружили «Бюргербройкеллер» и Гитлер стремительно вошел в зал. Пока его люди устанавливали пулемет у входа, он вскочил на стол и, чтобы привлечь внимание, выстрелил в воздух. Кар прервал свое выступление. Собравшиеся обернулись узнать, в чем дело.

Гитлер при помощи Гесса и Ульриха Графа, в прошлом мясника, борца и скандалиста, а ныне телохранителя фюрера, стал пробираться к трибуне. Майор полиции попытался остановить его, но Гитлер пригрозил ему пистолетом и прошел вперед. Кар, по словам очевидцев, выглядел «бледным и растерянным». Он сошел с трибуны, и Гитлер занял его место.

– Началась национальная революция! – провозгласил фюрер. – Здание занято шестьюстами хорошо вооруженными бойцами. Никому не разрешается покидать зал. Если вы немедленно не успокоитесь, я прикажу установить на балконе пулемет. Правительство Баварии и правительство рейха низложены и сформировано временное правительство страны. Казармы рейхсвера и полиции заняты. Отряды армии и полиции вступают в город под знаменем со свастикой.

Последнее утверждение не соответствовало истинному положению дел – Гитлер просто блефовал. Однако в замешательстве никто ничего толком не понимал. Пистолет у Гитлера был настоящий, и он из него стрелял. Штурмовики с винтовками и пулеметами были вполне реальны. Гитлер отдал распоряжение Кару, Лоссову и Сейсеру следовать за ним в помещение, расположенное рядом со сценой. Подталкиваемые штурмовиками три высших должностных лица Баварии под удивленными взорами толпы подчинились требованию Гитлера.

Но одновременно в зале нарастало недовольство. Многие бизнесмены по-прежнему считали Гитлера выскочкой. Кто-то из присутствующих крикнул полиции:

– Не будьте трусами, как в 1918 году! Стреляйте!

Однако полицейские, видя, как покорно подчинилось их начальство и как штурмовики СА заняли зал, не оказывали какого-либо сопротивления. Гитлер устроил так, что Вильгельм Фрик, нацистский доносчик, служивший в полицейском управлении, позвонил по телефону в пивную дежурному полицейскому и распорядился, чтобы полицейские не вмешивались, а только информировали о происходящих событиях. Обстановка в зале накалялась, и Геринг счел необходимым подняться на трибуну, чтобы успокоить собравшихся.

– Вам нечего бояться! – прокричал он. – У нас самые дружелюбные намерения, поэтому вам нечего беспокоиться! Пейте на здоровье свое пиво!

Геринг сообщил также присутствующим, что в соседней комнате в данное время формируется новое правительство. Формирование проходило под дулом пистолета Адольфа Гитлера.

Как только фюрер собрал заложников в соседней комнате, он заявил:

– Никто не выйдет отсюда живым без моего разрешения.

Затем он сообщил, что все займут ключевые посты либо в правительстве Баварии, либо в правительстве рейха, которое он сформирует вместе с Людендорфом. С Людендорфом? В тот же вечер Гитлер отправил Шейбнера-Рихтера в Людвигсхее, чтобы незамедлительно доставить в пивной зал прославленного генерала, который понятия не имел о нацистском заговоре.

Трое заложников вначале вообще отказывались говорить с Гитлером. Он же продолжал их уговаривать: надо примкнуть к нацистскому движению, провозгласить революцию и новое правительство; все трое получают назначения, санкционированные Гитлером, либо в случае отказа «лишатся права на жизнь». Кару было предложено стать регентом Баварии, Лоссову – министром национальной армии, Сейсеру – министром внутренних дел рейха. Однако перспектива получить столь высокие назначения не прельстила тройку – никто ничего не ответил.

Затянувшееся молчание вывело Гитлера из себя – он стал размахивать перед ними пистолетом:

– У меня тут четыре патрона: три пули – для моих соратников в случае их предательства, последняя – для меня самого! – Приставив пистолет к виску, Гитлер кричал: – Если я не одержу победу до завтрашнего вечера, я покончу с собой!

Кар не был яркой личностью, но был сильным человеком.

– Господин Гитлер, – ответил он, – вы можете застрелить меня или дать распоряжение о моем убийстве. Умру я или нет, не столь важно...

Сейсер упрекал Гитлера в том, что фюрер нарушил данное им честное слово не поднимать путч против полиции.

– Да, это так, – заметил Гитлер. – Прошу меня простить, но я вынужден был поступить таким образом в интересах отечества.

Генерал фон Лоссов хранил презрительное молчание. Когда Кар стал что-то тихонько нашептывать ему на ухо, Гитлер возмутился:

– Прекратите! Запрещаю переговариваться без моего разрешения!

Однако он немногого достиг своими уговорами. Никто из трех власть имущих Баварии не согласился встать на его сторону даже под дулом пистолета. Развитие путча шло явно не по плану. Тогда Гитлер решил действовать экспромтом. Не произнося ни слова, он устремился в зал, вскарабкался на трибуну и, представ перед угрюмой толпой, объявил, что члены триумвирата, находящиеся в соседней комнате, согласились образовать вместе с ним новое правительство.

– Правительственный кабинет Баварии, – прокричал Гитлер, – распущен... Правительство преступников Ноября и президент объявляются низложенными. Сегодня здесь, в Мюнхене, будет провозглашено новое национальное правительство. Сразу будет создана германская национальная армия... Предлагаю, пока не будут сведены счеты с преступниками Ноября, доверить мне руководство политикой национального правительства. Людендорф возглавит командование германской национальной армии... В задачу временного национального правительства Германии входит организация марша на Берлин, этот грешный Вавилон, во имя спасения немецкого народа... Завтрашний день станет свидетелем торжества национального правительства Германии либо нашего поражения и гибели!

Не в первый и, безусловно, не в последний раз Гитлер мастерски прибег ко лжи, и это сработало. Когда присутствующие услышали о том, что Кар, генерал фон Лоссов и начальник полиции фон Сейсер встали на его сторону, настроение зала быстро изменилось. Послышались громкие одобрительные возгласы, которые подействовали на трех заложников, по-прежнему запертых в маленькой комнате рядом со сценой.

Шейбнёр-Рихтер в этот момент, словно по мановению волшебной палочки, представил на всеобщее обозрение генерала Людендорфа. Герой войны был разгневан, поскольку Гитлер ни о чем не предупредил его заранее, а когда, находясь в комнате рядом со сценой, узнал, что не он, а бывший ефрейтор должен стать диктатором Германии, его возмущению не было предела.

Но это не очень смутило Гитлера. Людендорф поддержал своим авторитетом безрассудное начинание и помог перетянуть на сторону нацистов трех несговорчивых баварских руководителей, которые до настоящего времени отказывались подчиниться его домогательствам и угрозам. Это и попытался сделать Людендорф.

Генерал заявил, что на карту поставлены интересы нации, и призвал трех господ к сотрудничеству. Под влиянием генерала тройка поддалась уговорам, хотя Лоссов впоследствии отрицал, будто дал согласие подчиниться Людендорфу.

Кар какое-то время настаивал на восстановлении столь дорогой его сердцу монархии Виттельсбахов. В конце концов он заявил, что согласен сотрудничать в качестве «представителя короля».

Своевременное появление Людендорфа спасло Гитлера. Окрыленный счастливой развязкой, он вывел на трибуну остальных руководителей, и каждый обратился к собравшимся с краткой речью и дал присягу на верность новому режиму. Присутствующие в приступе восторга взобрлись на стулья и столы. Гитлер сиял от удовольствия. «Лицо его выражало детскую, неподдельную радость, которую трудно забыть», – писал впоследствии известный историк, присутствовавший при этом.

Вновь взойдя на трибуну, Гитлер обратился к залу с заключительной речью:

– Я хочу выполнить сейчас клятву, данную пять лет назад, когда я находился на лечении в госпитале, ослепший после контузии: изо всех сил бороться за низвержение преступников Ноября, пока на руинах ныне несчастной Германии не будет восстановлена сильная, великая, свободная и совершенная Германия.

Собравшиеся стали расходиться. У выхода Гесс при помощи штурмовиков задержал ряд членов бывшего баварского правительства и других видных деятелей, пытавшихся скрыться в толпе. Гитлер присматривал за Каром, Лоссовом и Сейсером. Тогда же пришло сообщение о стычке штурмовиков одного из боевых подразделений «Бунд Оберланд» с регулярными формированиями в казармах инженерно-саперных войск. Гитлер принял решение отправиться на место событий и лично урегулировать проблему, оставив Людендорфа главным в пивном зале.

Это решение оказалось для Гитлера роковым. Первым удалось улизнуть Лоссову. Он сообщил Людендорфу, что ему срочно надо попасть в свой кабинет в штабе армии и дать необходимые распоряжения. Когда Шейбнер-Рихтер начал возражать, Людендорф резко прервал его:

– Я запрещаю вам ставить под сомнение слово, данное германским офицером.

Кару и Сейсеру также удалось скрыться.

Когда Гитлер в хорошем настроении вернулся в «Бюргербройкеллер», то обнаружил, что высокопоставленные пташки упорхнули. Это был первый удар за вечер, ошеломивший фюрера. Гитлер искренне надеялся, что «министры» его правительства активно принялись за работу, а Людендорф вместе с Лоссовом готовят план похода на Берлин.

Оказалось, ничего не было сделано. Вооруженным силам не удалось занять даже Мюнхен. Рем, возглавлявший отряд штурмовиков боевого подразделения «Военное знамя рейха», занял здание штаб-квартиры сухопутных сил в военном министерстве на Шёнфельдштрассе, однако другие объекты стратегического назначения захвачены не были, в том числе и здание телеграфа, откуда сообщение о перевороте ушло в Берлин. Генерал фон Сект передал в ответ по телефону приказ баварской армии подавить путч.

Не считая нескольких случаев дезертирства среди младших офицеров и рядовых, симпатизировавших Гитлеру и Рему, высший офицерский состав во главе с генералом фон Даннером, командующим Мюнхенским гарнизоном, был не только готов выполнить распоряжение Секта, но и сильно возмущен подобным обращением с генералом фон Лоссовом. По неписаным армейским законам гражданское лицо, угрожавшее генералу оружием, заслуживало

расправы на месте. Из штаба, расположенного в казармах 19-го пехотного полка, где Лоссов присоединился к Даннеру, полетели приказы другим гарнизонам о направлении в город подкреплений. К рассвету войска регулярной армии окружили плотным кольцом силы Рема в здании министерства обороны.

Перед этим Гитлер и Людендорф встретились с Ремом в здании министерства, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Рем очень удивился, узнав, что, кроме него, никто не предпринял действий с целью занять ключевые объекты в городе. Гитлер безуспешно пытался восстановить связь с Лоссовом, Каром и Сейсером. В казармы 19-го пехотного полка по поручению Людендорфа были посланы связные, но они не вернулись. Пёнера, бывшего начальника мюнхенской полиции, а теперь сторонника Гитлера, вместе с майором Хюнлейном и группой штурмовиков СА направили занять штаб полиции. Там их сразу арестовали.

А что в это время думал Густав фон Кар – глава баварского правительства? Покинув зал «Бюргербройкеллер», он быстро пришел в себя и осмелел. Не желая вновь подвергаться опасности и становиться заложником Гитлера, Кар перевел правительство в Регенсбург. Однако перед этим он приказал развесить по всему Мюнхену плакаты следующего содержания:

«Предательство и вероломство честолюбцев превратили демонстрацию, призванную содействовать пробуждению национального самосознания, в разгул отвратительного насилия. Признания, вырванные у меня, генерала фон Лоссова и полковника Сейсера под дулом пистолета, не имеют законной силы. Национал-социалистическую рабочую партию Германии, а также боевые отряды «Оберланд» и «Военное знамя рейха» считать распущенными».

С наступлением ночи стало ясно, что триумф, который накануне вечером казался Гитлеру столь близким и столь легкодостижимым, не состоялся. Исчезли предпосылки успешного осуществления политической революции, на чем всегда настаивал Гитлер, – поддержка действующих институтов власти, таких как армия, полиция, политическая группа, находящаяся у власти. Даже магическое имя Людендорфа, как выяснилось, не могло привлечь на их сторону вооруженные силы Баварии. Гитлер высказал предположение, что ситуацию, вероятно, можно исправить в том случае, если они с генералом Людендорфом переберутся в сельскую местность под Розенхайм и сумеют сплотить крестьян в вооруженные отряды, чтобы предпринять наступление на Мюнхен. Однако Людендорф категорически возражал против такого решения.

Существовал и иной способ, посредством которого можно было предотвратить катастрофу. Впервые услышав о путче, кронпринц Рупрехт, ярый враг Людендорфа, сделал краткое заявление, призвав к его немедленному подавлению. Гитлер решил обратиться к кронпринцу, чтобы тот переговорил с Лоссовом и Каром и помог мирному урегулированию вопроса на почетных условиях. С этой деликатной миссией в замок Виттельсбахов, расположенный под Берхтесгаденом, отправили на рассвете лейтенанта Нейнцера, друга Гитлера и Рупрехта. Не найдя машины, лейтенант вынужден был дожидаться поезда и добрался к месту назначения только после полудня. К этому моменту события приняли такой оборот, которого не ожидали ни Гитлер, ни Людендорф.

Гитлер планировал путч, а не гражданскую войну. Несмотря на сильное возбуждение, он в достаточной степени контролировал себя, чтобы понять, что у него нет сил справиться с полицией и армией. Он хотел делать революцию вместе с армией, а не против нее. Хотя Гитлер и предстал кровожадным в своих последних выступлениях и в эпизоде, когда угрожал баварской тройке револьвером, его отпугивала мысль, что люди, объединенные ненавистью к республике, начнут пускать кровь друг другу.

Такой же позиции придерживался и Людендорф. Своей жене генерал рассказывал, что с удовольствием вздернул бы президента Эберта и компанию и наблюдал, как они будут болтаться на виселице. Однако он был против того, чтобы убивать полицейских и солдат, которые, по крайней мере в Мюнхене, верили, как и он, в национальную контрреволюцию.

Людендорф предложил отчаявшемуся молодому главарю нацистской партии свой собственный план, который позволил бы им добиться победы и в то же время избежать кровопролития. Он был уверен, что германские солдаты и даже германские полицейские, в прошлом в основном солдаты, никогда не посмеют открыть огонь по легендарному командиру, которому они обязаны крупными победами как на восточном, так и на западном фронте. При поддержке сторонников они с Гитлером направятся в центр города и займут его. Людендорф считал, что полиция и армия не станут оказывать сопротивления, перейдут на его сторону и будут выполнять его приказы.

Хотя Гитлер несколько скептически оценивал план генерала, он дал согласие на его осуществление. Очевидно, другого выхода не было. Кронпринц, как отметил Гитлер, так и не откликнулся на его просьбу выступить в качестве посредника.

Около одиннадцати часов утра 9 ноября, в день провозглашения Германской республики, Гитлер и Людендорф вывели трехтысячную колонну штурмовиков из парка в районе «Бюргербройкеллер» и направили ее в центр Мюнхена. Рядом с ними в первом ряду маршировали руководитель СА Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, телохранитель Гитлера Ульрих Граф и с десятков других нацистских вожаков и главарей «Немецкого союза борьбы». Впереди колонны развевались знамя со свастикой и знамя «Бунд Оберланд».

Чуть поодаль от первых рядов демонстрантов двигался грузовик с пулеметчиками. Штурмовики несли на плече карабины с примкнутыми штыками. Гитлер размахивал револьвером. Войско, безусловно, было не самым грозным, но Людендорф, имевший большой опыт командования миллионами отборных германских частей, видимо, считал, что для выполнения его плана этого вполне достаточно.

Пройдя несколько сот метров, бунтовщики встретили на своем пути первое препятствие. На мосту Людвиг, проложенном через реку Изар, который вел в центр города, дорогу им преградил отряд вооруженной полиции. Геринг устремился вперед и, обращаясь к начальнику полицейского отряда, стал угрожать расстрелом заложников, которые, по его словам, находились в хвосте колонны, если полицейские откроют огонь по его людям. В течение ночи Гессу и его подручным удалось захватить на всякий случай нескольких заложников, в том числе двух членов правительства. Начальник полицейского отряда, вероятно, поверил Герингу и пропустил колонну через мост.

На Мариенплац колонна нацистов наткнулась на большую толпу, слушавшую разглагольствования Юлиуса Штрейхера – яркого антисемита из Нюрнберга, который направился в Мюнхен, как только услышал о путче. Не желая оставаться в стороне от революции, он быстро закончил свою речь и присоединился к бунтовщикам, встав в колонну за Гитлером.

После полудня демонстранты достигли своей цели – здания министерства обороны, где Рема и его штурмовиков окружали солдаты рейхсвера. До сих пор ни осаждавшие, ни осажденные не произвели ни единого выстрела. Рем и его люди служили в прошлом в армии, и многие из их боевых товарищей находились по другую сторону колючей проволоки. Ни у кого не было желания прибегать к кровопролитию.

Чтобы добраться до здания министерства обороны и освободить Рема, Гитлер и Людендорф повели колонну по узкой улице Резиденцштрассе, которая сразу за Фельдхернхалле, выходила на просторную площадь Одеонплац. В конце улицы путь им преградил отряд полицейских численностью около ста человек, вооруженных карабинами. Полицейские заняли выгодную позицию и на этот раз не были намерены уступить.

Нацисты вновь попытались добиться своего уговорами. Телохранитель Гитлера Ульрих Граф сделал шаг вперед и прокричал начальнику полицейского отряда:

– Не стреляйте! Идет его превосходительство Людендорф!

Гитлер тоже не молчал.

– Сдавайтесь! Сдавайтесь! – призывал он.

Однако неизвестный полицейский офицер и не думал сдаваться. Имя Людендорфа, по всей вероятности, не произвело на него магического действия: он служил в полиции, а не в армии.

Какая из сторон выстрелила первой – впоследствии так и не было установлено. Каждая обвиняла противников. Один из свидетелей утверждал, что первым выстрелил из своего револьвера Гитлер, другой считал, что это был Штрейхер. Многие нацисты позднее уверяли автора данной книги, что именно этот поступок побудил их стать сторонниками Гитлера⁹.

Так или иначе, выстрел был сделан, и сразу вспыхнула перестрелка – надежды Гитлера вмиг развеялись. Упал на мостовую смертельно раненный Шейбнер-Рихтер. Геринг получил серьезную рану в бедро. Через минуту пальба прекратилась, но мостовую устлала тела – шестнадцать нацистов и трое полицейских были убиты или смертельно ранены, насчитывалось много раненых, остальные, включая самого Гитлера, спасая собственную жизнь, припали к мостовой.

Но один человек являлся исключением, и если бы его примеру последовали другие, все могло бы сложиться по-иному. Генерал Людендорф не бросился на землю. Он гордо выпрямился, как предписывали лучшие военные традиции, а затем вместе со своим адъютантом майором Штреком спокойно прошел под дулами винтовок полицейских на Одеонплац. Людендорф, видимо, производил впечатление одинокого странника, потому что никто из нацистов не последовал за ним, даже их вожак Адольф Гитлер.

Будущий канцлер Третьего Рейха первым попытался скрыться. Когда колонна приближалась к полицейскому кордону, Гитлер левой рукой сжимал правую руку Шейбнера-Рихтера (несколько странный, однако показательный жест), и когда тот упал, то потянул за собой и фюрера. Гитлер, очевидно, считал, что ранен: он почувствовал резкую боль, как потом выяснилось, из-за того, что вывихнул плечо. Но факт остается фактом: по свидетельству одного из нацистов, находившегося в колонне, доктора Вальтера Шульца, и по свидетельству некоторых других очевидцев, Гитлер «первым вскочил и бросился наутек», оставив на улице убитых и раненых товарищей. Он прыгнул в ожидавшую его машину и помчался в загородный дом семьи Ханфштенгль в Уффинге, где жена хозяина и его сестра ухаживали за Гитлером до его ареста, который был произведен спустя два дня.

Людендорфа арестовали на месте событий. Он презирал бунтовщиков, у которых не хватило мужества пойти за ним, а разочарование в военных, не вставших на его сторону, было столь велико, что генерал поклялся впредь никогда не отвечать на приветствие германских офицеров и никогда не носить военную форму.

Раненому Герингу первую помощь оказал еврей – владелец расположенного поблизости банка, куда его отнесли. Затем жена переправила его через австрийскую границу и поместила в госпиталь в Инсбруке. Гесс также бежал в Австрию. Рем сдался в здании министерства обороны спустя два часа после поражения у Фельдхернхалле.

В течение нескольких дней все главари бунтовщиков, за исключением Геринга и Гесса, были задержаны и посажены в тюрьму. Нацистский путч потерпел фиаско. Партию распустили. Национал-социализму, судя по всему, пришел конец. Властолюбивый главарь движения, бросившийся бежать при первых же выстрелах, казалось, полностью дискредитировал себя, а его сногшибательная карьера завершилась.

⁹ Спустя несколько лет, мотивируя назначение Штрейхера нацистским главарем Франконии, несмотря на возражения многих соратников по партии, Гитлер заявил: «Возможно, найдутся один или два человека, которым не нравится форма носа Штрейхера. Но в тот день, когда он лежал рядом со мной на мостовой Фельдхернхалле, я поклялся, что не брошу его, пока он не бросит меня».

Суд за измену

Однако, как показали последующие события, карьера Гитлера просто прервалась, причем ненадолго. Гитлер обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что данный процесс отнюдь не положит конец его карьере, а предоставит ему платформу, с которой он сможет не только развенчать скомпрометированные органы власти, арестовавшие его, но и – что еще важнее – прославить свое имя далеко за пределами Баварии, а практически и самой Германии.

Гитлеру было хорошо известно, что зарубежные корреспонденты, а также журналисты ведущих германских газет съехались в Мюнхен, чтобы освещать судебный процесс, который начался 26 февраля 1924 года. Специальное судебное разбирательство проходило в здании старого пехотного училища на Блютенбургштрассе.

Когда процесс через двадцать четыре дня закончился, Гитлеру удалось обратить поражение в победу и перед лицом общественности переложить вину на Кара, Лоссова и Сейсера. Гитлер поражал немцев своим красноречием и страстной верой в национализм, его фамилия не сходила со страниц газет.

Хотя Людендорф был, очевидно, самым известным из десяти подсудимых, Гитлеру сразу удалось привлечь к себе всеобщее внимание. До самого конца процесса он занимал в зале суда доминирующее положение. Франц Гюртнер, баварский министр юстиции, старый друг и покровитель нацистского главаря, позаботился о том, чтобы судебные чиновники относились к его выходкам снисходительно. Гитлеру разрешалось прерывать выступающих так часто, как он того хотел, вести перекрестный допрос свидетелей и выступать в любое время и как угодно долго. Его вступительная речь продолжалась четыре часа, но это было лишь начало его длительных разглагольствований.

Гитлер не был намерен, как он утверждал впоследствии, повторять ошибки тех, кто в ходе судебного процесса по делу о Капповском путче заявляли, что «они ничего не знали и ничего не хотели предпринять. Это и погубило мир буржуазии – отсутствие мужества отстоять свои действия... сказать судьбе: «Да, мы хотели именно этого – хотели уничтожить государство».

Теперь же, выступая перед судьями и представителями мировой прессы, Гитлер провозглашал:

– Я один несу за все ответственность. Но это вовсе не означает, что я – преступник. Если меня судят здесь как революционера, то я и являюсь революционером, борющимся против революции 1918 года. А по отношению к тем, кто выступает против предателей, нельзя выдвигать обвинение в государственной измене.

В противном случае тройка, возглавляющая правительство, армию и полицию Баварии и готовившая вместе с ним, Гитлером, заговор против национального правительства, виновна в не меньшей степени, чем он, и должна находиться рядом с ним на скамье подсудимых, а не выступать в качестве главных свидетелей обвинения. Довольно ловко Гитлер направил обвинение против членов триумvirата, которые, чувствуя вину, держались неуверенно.

«Одно доподлинно известно: Лоссов, Кар и Сейсер преследовали те же цели, что и мы, – покончить с правительством рейха... Если наши действия классифицировать как государственную измену, сие означает, что все это время Лоссов, Кар и Сейсер вместе с нами совершали государственную измену, поскольку в течение прошедших недель мы ни о чем другом не говорили, кроме как о выполнении тех поставленных задач, в которых нас теперь обвиняют».

Тройка вряд ли могла опровергнуть это утверждение, потому что так оно и было на самом деле. Кар и Сейсер не смогли парировать язвительных нападок Гитлера. Лишь генерал фон Лоссов стойко защищался.

– Я не был их подручным, – заявил он в суде. – Я занимал высокий государственный пост.

Затем генерал с презрением, на какое только был способен кадровый военный, обрушился на бывшего ефрейтора, этого безработного выскочку, чьи далеко идущие амбициозные планы привели к тому, что он попытался диктовать свои условия армии и государству. «До чего докатился этот беспринципный демагог, – возмущался генерал, – хотя не так давно он заявлял, что хотел бы быть «барабанщиком» патриотического движения».

Барабанщиком? Гитлер знал, что ответить на это.

«Сколь низменны мысли маленьких людей! Поверьте, я не рассматриваю получение министерского портфеля как нечто желанное. Я не считаю достойным великого деятеля пытаться войти в историю, став каким-то министром... С самого начала моя цель в тысячу раз превосходила желание сделаться просто министром. Я хотел стать искоренителем марксизма. Я намерен достичь этой цели, и, если я добьюсь ее, должность министра применительно ко мне будет нелепой».

В качестве примера Гитлер сослался на Вагнера:

«Когда я впервые стоял у могилы Рихарда Вагнера, мое сердце переполняла гордость за человека, который запретил делать на своем надгробии какие-либо надписи в духе «Здесь покоится тайный советник, дирижер, его превосходительство барон Рихард фон Вагнер». Я был горд тем, что это имя, как и многие другие, вошло в историю без титулов. Я хотел стать барабанщиком в те дни не из скромности. В этом было мое высочайшее предназначение, остальное не имело смысла».

Гитлера обвиняли в том, что он из барабанщика хотел сразу сделаться диктатором. Он этого и не отрицал. Так распорядилась судьба.

«Человека, рожденного быть диктатором, не принуждают стать им. Он желает этого сам. Его не двигают вперед, он движется сам. Ничего нескромного в этом нет. Разве нескромно рабочему братья за тяжелую работу? Разве предосудительно человеку с высоким лбом мыслителя думать и мучиться по ночам, пока он не подарит миру свое открытие? Тот, кто ощущает, что призван вершить судьбами народа, не вправе говорить: «Если вы позовете меня, я буду с вами». Нет! Долг его в том, чтобы самостоятельно сделать первый шаг».

Гитлеру грозило длительное тюремное заключение за государственную измену, но его уверенность в себе, в призвании «вершить судьбами народа» оставалась непреклонной. В ожидании судебного процесса Гитлер проанализировал причины поражения путча и поклялся, что в будущем не допустит подобных ошибок. Вспоминая об этом тринадцать лет спустя, когда он добился цели, Гитлер говорил своим старым соратникам, собравшимся в «Бюргербройкеллер», чтобы отметить годовщину путча:

«Я твердо могу сказать, что это было самое поспешное решение, принятое мною в жизни. Когда я сегодня думаю о случившемся, у меня голова идет кругом... Если взглянуть на отряды, маршировавшие в 1923 году, с нынешних позиций, вы бы спросили: «Из какой исправительной тюрьмы они сбежали?..»

Однако судьба отнеслась к нам благосклонно. Она не позволила увенчаться успехом нашему начинанию, которое в случае победы в конце концов неизбежно провалилось бы из-за внутренней незрелости нашего движения тех дней и его слабой организации и идеологической платформы... Мы признали, что недостаточно свергнуть старое государство, необходимо предварительно подготовить создание государства нового, которое могло бы взять власть...

В 1933 году вопрос заключался уже не в насильственном свержении государства; к тому времени было создано новое государство, и надо было лишь разрушить то, что оставалось от старого строя. На это потребовалось всего несколько часов».

В ходе судебного процесса, полемизируя с судьями и обвинителями, Гитлер воображал, как надо строить новое нацистское государство. Прежде всего необходимо, чтобы на этот раз германская армия была заодно с ними, а не против. В своей заключительной речи Гитлер постарался обыграть идею примирения с вооруженными силами, ни словом не упрекнув военных.

«Я верю, что придет час, когда люди, стоящие сегодня на улице под нашим знаменем со свастикой, объединятся с теми, кто стрелял в них... Когда я узнал о том, что в нас стреляли «зеленые» полицейские, я с удовлетворением отметил, что кровью запятнали себя не вооруженные силы рейхсвера. Честь рейхсвера безупречна, как и прежде. Однако пробьет час, когда и офицеры, и рядовые рейхсвера перейдут на нашу сторону».

Предсказание было довольно верным, но в этот момент Гитлера прервал председатель суда:

– Господин Гитлер, вы утверждаете, что «зеленая» полиция запятнала себя. Я возражаю.

Подсудимый не обратил ни малейшего внимания на это замечание. Заключительную речь, которую собравшиеся слушали затаив дыхание, Гитлер закончил такими словами:

«Созданная нами армия растет изо дня в день... Я с гордостью и надеждой вынашиваю планы, что наступит час, когда эти еще не сформированные роты станут батальонами, батальоны – полками, полки – дивизиями, когда старые кокарды извлекут из грязи и старые знамена будут развеваться на ветру, тогда и произойдет примирение наших рядов на фоне посланного нам Всевышним последнего испытания, которое мы с готовностью встретим».

Обратив свой горячий взгляд на судей, Гитлер заявил:

«Господа, не вам предстоит вынести нам приговор. Этот вердикт вынесет вечный суд истории. Приговор, который вынесете вы, мне известен. Однако тот, другой суд не будет задавать нам вопросов: совершили вы государственную измену или нет? Тот суд будет судить нас, генерал-квартирмейстера старой армии [Людендорфа], его офицеров и солдат как немцев, которые желали только блага своему народу и отечеству, хотели сражаться и умереть. Вы вправе признать нас тысячу раз виновными, однако богиня вечного суда истории лишь улыбнется и в ключья разорвет постановление государственного прокурора и решение вашего суда. Она оправдает нас».

Однако решения – их трудно назвать приговором – судей, вершивших в то время правосудие, мало чем отличались от вердикта истории. Людендорфа оправдали. Гитлера и других подсудимых признали виновными. Но, несмотря на положение закона (статья 81 Уголовного кодекса Германии, в которой говорилось, что «любое лицо, пытающееся силой изменить конституцию Германского Рейха или одной из земель Германии, наказуемо и приговаривается к пожизненному заключению»), Гитлера приговорили к пяти годам лишения свободы в старой крепости Ландсберг.

Даже неопытные судьи возражали против суровости данного приговора, но председательствующий заверил их в том, что узника освободят на поруки после того, как он отбудет в крепости шесть месяцев. Попытки полиции добиться депортации Гитлера как иностранца – он по-прежнему имел австрийское гражданство, – ни к чему не привели. Решение суда было вынесено 1 апреля 1924 года. А через девять месяцев, 20 декабря, Гитлера выпустили из тюрьмы и он смог возобновить борьбу за свержение демократического строя. Наказание за государственную измену, если речь шла о крайне правых, не являлось чрезмерно строгим, несмотря на положения закона, и это понимали многие враги республики.

Благодаря путчу, хотя он и потерпел фиаско, Гитлер приобрел общенациональную известность и в глазах многих выглядел патриотом и героем. Нацистская пропаганда вскоре заговорила о путче как о великом этапе развития нацистского движения. Ежегодно после прихода к власти, даже после начала Второй мировой войны, фюрер приезжал в Мюнхен, чтобы вечером 8 ноября выступить в пивном зале перед старыми борцами, то есть теми, кто бросился вслед за ним в авантюру, обернувшуюся позднее ужасной катастрофой. В 1935 году Гитлер, будучи уже рейхсканцлером, распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в непродолжительной перестрелке с полицией, и поместить их в саркофаги в Фельдхернхалле, ставшем национальной святыней. Открывая этот мемориал, Гитлер сказал: «Отныне

они обрели бессмертие... Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения».

Фюрер не вспомнил, и никто из присутствующих, видимо, не захотел вспоминать о том, что именно этих боевых товарищей Гитлер оставил умирать на улице, в то время как сам поднялся с тротуара и предпочел спастись бегством.

Летом 1924 года в старой крепости Ландсберг, расположенной в верховьях реки Лех, Адольф Гитлер, с которым обходились как с почетным гостем, предоставив ему отдельную комнату с прекрасным видом, освободившись от многочисленных посетителей, приходивших выразить ему свое почтение и преподнести подарки, вызвал к себе преданного Рудольфа Гесса, вернувшегося наконец в Мюнхен и получившего срок, и начал диктовать ему главы своей книги¹⁰.

¹⁰ До приезда Гесса предварительные записи под диктовку Гитлера вел Эмиль Морис, бывший заключенный, часовщик по специальности, первый командир нацистских боевых отрядов.

Глава 4

Воззрения Гитлера и истоки Третьего Рейха

Гитлер хотел назвать свою книгу «Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и трусостью», но Макс Аманн, практичный директор нацистского издательства, который должен был издавать ее, возражал против столь тяжеловесного и малопривлекательного заголовка и урезал его. Книга получила название «Моя борьба» («Майн кампф»). Содержание ее разочаровало Аманна: он надеялся заполучить страстную исповедь Гитлера, где описывалось бы, как он из безвестного венского «рабочего» превратился в известную всему миру фигуру. Как уже отмечалось, в книге немного автобиографического материала.

Издатель рассчитывал также на то, что Гитлер даст свою трактовку «пивного путча», драматизм и двойственность которого, по его убеждению, заинтересовали бы читателя. Однако Гитлер в этом вопросе проявил чрезмерную осторожность и не стал ворошить прошлое в тот момент, когда влияние партии заметно упало¹¹.

Поэтому в «Майн кампф» практически не упоминается о неудачном путче.

Первый том «Майн кампф» был опубликован осенью 1925 года. Книга объемом четыреста страниц стоила двенадцать марок – почти вдвое дороже большинства книг, выпускаемых в то время в Германии. Она не сразу стала бестселлером. Аманн, правда, хвастался, что в первый год после выхода книги в свет было продано 23 тысячи экземпляров и что в последующие годы доходы возросли. Однако данное заявление было воспринято в антинацистских кругах скептически.

На основании захваченной союзниками в 1945 году документации о выплате гонораров нацистским издательством «Эйер ферлаг» можно привести фактические данные о продаже «Майн кампф». В 1925 году было продано 9 тысяч 473 экземпляра, затем в течение трех лет количество проданных книг ежегодно сокращалось. В 1926 году оно упало до 6 тысяч 913 экземпляров, в 1927 году – до 5 тысяч 607, а в 1928 году составило лишь 3 тысячи 15 экземпляров, учитывая оба тома. В 1929 году число проданных книг несколько возросло – до 7 тысяч 664 экземпляров. С увеличением фондов нацистской партии в 1930 году, когда на прилавках появилось недорогое однотомное издание «Майн кампф» за восемь марок, продажа книг возросла до 54 тысяч 86 экземпляров. На следующий год количество проданных книг несколько сократилось (50 тысяч 807) и в 1932 году достигло 90 тысяч 351 экземпляра.

Гонорары Гитлера – основной источник его доходов – начиная с 1925 года и во все последующие годы составляли значительную сумму, если учесть средние ставки за эти семь лет. Однако их трудно сравнивать с гонорарами, полученными в 1933 году, когда Гитлер стал рейхсканцлером. За первый год пребывания Гитлера у власти продали миллион экземпляров «Майн кампф», и доходы фюрера от роялти (гонорар в виде авторских отчислений), которые с 1 января 1933 года возросли с 10 до 15 процентов цены каждого проданного экземпляра, превысили миллион марок. Гитлер сделался самым состоятельным автором в Германии и впервые почувствовал себя миллионером¹².

¹¹ «Нет смысла, – писал он в конце второго тома, – беречь раны, которые, судя по всему, еще не до конца зажили... нет нужды винить тех, кто в глубине души, вероятно, был не меньше предан своей стране и кто просто не нашел или не смог понять общий курс». Столь злопамятным человеком, каким был Гитлер, в данном случае проявлена неожиданная терпимость по отношению к тем, кто подавил поднятый им путч и упрятал его за решетку, либо, принимая во внимание то, что произошло позднее с Каром и другими его противниками, данное утверждение свидетельствует о силе воли Гитлера – способности сдерживаться на какое-то время по тактическим соображениям. В любом случае Гитлер воздержался от каких-либо встречных обвинений.

¹² Как у большинства писателей, у Гитлера возникали определенные трудности с уплатой налогов – по крайней мере, как мы увидим, до тех пор, пока он не стал диктатором.

За исключением Библии, ни одна книга не продавалась в таких количествах в период нацистского правления, когда немногие семьи чувствовали себя в безопасности, не выставив книгу на почетное место у себя в доме. Считалось почти обязательным – и, безусловно, разумным – дарить «Майн кампф» жениху и невесте к свадьбе, а школьнику по окончании школы любого профиля. К 1940 году, спустя год после начала Второй мировой войны, в Германии было продано 6 миллионов экземпляров этой нацистской библии.

Вовсе не обязательно, что каждый немец, купивший «Майн кампф», прочел ее. Я слышал от многих убежденных нацистов, что им было трудно читать эту книгу, и не так уж мало немцев в частной беседе признавались, что не смогли осилить до конца высокопарный опус в 782 страницы. Можно, по всей вероятности, утверждать, что если бы большее число немцев, не являвшихся членами нацистской партии, прочли эту книгу до 1933 года, а государственные деятели разных стран внимательно изучили ее, пока еще не было поздно, то и Германию, и весь мир удалось бы спасти от катастрофы.

Какие бы обвинения ни предъявлялись Адольфу Гитлеру, никто не может обвинить его в том, что он не описал подробно ту Германию, которую намеревался создать в случае прихода к власти, и тот мировой порядок, который собирался установить благодаря завоеваниям германской армии. Наметки Третьего Рейха, более того, варварского «нового порядка», насаждаемого Гитлером в покоренной Европе в годы его триумфа со всей вопиющей жестокостью, пространно и подробно излагаются на страницах этой откровенной книги.

Как отмечалось ранее, основные воззрения сформировались у Гитлера в двадцатилетнем возрасте в Вене, и впоследствии, как он сам признавался, ему не пришлось многому учиться и коренным образом менять что-либо.

Когда в 1913 году Гитлер в возрасте 24 лет уехал из Австрии в Германию, он испытывал страстное влечение к германскому национализму и ненависть к демократии, марксизму и евреям; он был убежден, что само провидение избрало арийцев, прежде всего немцев, высшей расой.

В «Майн кампф» Гитлер изложил свои взгляды применительно к конкретной проблеме – возвращение побежденной и расчлененной Германии места под солнцем, какое ей не доводилось занимать во все предшествующие периоды своей истории, и создание государства нового типа. Такое государство, по мнению Гитлера, должно зиждиться на расовом принципе и объединять всех немцев, в том числе проживающих за пределами рейха, устанавливать диктаторскую власть фюрера, то есть власть самого Гитлера, подкрепляя ее системой руководителей меньшего ранга, получающих распоряжения сверху и передающих их низшему звену.

В книге, таким образом, во-первых, даются наметки будущего германского государства и методы, благодаря которым оно в один прекрасный день станет «хозяином всей земли», как пишет об этом автор на последней странице; во-вторых, излагаются взгляды, жизненная концепция, *Weltanschauung* (мировоззрение), если пользоваться любимым выражением Гитлера.

Разумеется, любой нормальный человек XX века воспримет такой взгляд на мир как нелепую мешанину, состряпанную неискушенным, необразованным неврастеником. Но важно отметить, что данное мировоззрение было фанатично подхвачено миллионами немцев и привело страну к полному краху. В нем кроется также причина гибели миллионов ни в чем не повинных, порядочных людей как в самой Германии, так и за ее пределами.

Каким же образом новому рейху предстояло восстановить свое положение мировой державы и затем покорить мир? Гитлер размышляет над этим вопросом в первом томе «Майн кампф», большая часть которого была написана им в крепости в 1924 году, а затем довольно подробно останавливается на данных проблемах во втором томе, законченном в 1926 году.

Прежде всего, полагал Гитлер, необходимо свести счеты с Францией, «этим безжалостным, смертельным врагом немецкого народа». Франция, по мнению Гитлера, всегда видит свою

задачу в том, чтобы расчленил и расшатать Германию, разбить ее на отдельные мелкие земли. Это настолько очевидно, добавлял он, что «если бы я был французом... я не мог бы и не хотел поступить иначе, чем Клемансо». Таким образом, надлежало «энергично и окончательно рассчитаться с Францией... провести последний решающий бой... только тогда мы сможем положить конец этой вечной и в сущности такой бесплодной борьбе между нами и Францией, разумеется, допуская, что Германия фактически рассматривает поражение Франции лишь в качестве одного из средств, с помощью которого немецкий народ впоследствии сможет значительно расширить владения в других районах».

Расширить владения в других районах? Где? Таким образом Гитлер вплотную подходит к главной концепции внешней политики Германии, которую столь добросовестно проводил в жизнь, став правителем рейха.

«Германия, – откровенно заявлял он, – должна увеличить свою территорию на Востоке – в основном за счет России».

В первом томе «Майн кампф» Гитлер много внимания уделил рассмотрению вопроса о жизненном пространстве. Данная тема занимала его до самых последних дней. Империя Гогенцоллернов, по его убеждению, допустила ошибку, стремясь завоевать колонии в Африке: «Территориальную политику нельзя проводить за счет разных камерунов, в настоящее время она должна решаться главным образом в Европе». Однако все земли в Европе к тому моменту были уже заняты. Верно, признавал Гитлер, однако природа не зарезервировала эти земли для будущего владения какой-либо определенной нацией или расой; напротив, эти земли предназначаются тому народу, который сможет захватить их силой.

А что делать, если возражают нынешние владельцы? Тогда вступает в силу закон самосохранения: чего нельзя достичь мирным путем, надо получить с помощью кулаков.

Объясняя недалекость внешней политики Германии перед Первой мировой войной, Гитлер заявлял, что приобретение новых земель «возможно лишь на Востоке... Желание получить земли в Европе может быть реализовано главным образом за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю для германского плуга и хлеб насыщенный для нации».

Словно усомнившись, что недостаточно четко изложил свои мысли в первом томе, Гитлер возвращается к этому вопросу в томе втором:

«Лишь достаточно большое пространство на земле предоставляет нации свободу существования... Невзирая на «традиции» и предрассудки, национал-социалистическое движение должно найти в себе мужество объединить наш народ и свои силы для продвижения по пути, который поможет вывести нацию из существующих ограниченных рамок жизненного пространства на новые просторы и земли... Национал-социалистическое движение должно стремиться покончить с диспропорцией между численностью нашего населения и нашей территорией, рассматривая последнюю в качестве источника пропитания и основы для политики с позиции силы... Нам надо неуклонно придерживаться нашей цели... чтобы обеспечить германский народ жизненным пространством и землей, на что он имеет полное право».

На какое, собственно, пространство мог претендовать германский народ? Гитлер презрительно отмечал, что буржуазия, «которая полностью лишена творческого политического видения будущего», разглагольствовала о восстановлении Германии в границах 1914 года.

«Требование о восстановлении границ 1914 года – это политический абсурд таких размеров, последствия которого делают его равным преступлению. Данное требование совершенно не учитывает того факта, что границы рейха 1914 года отнюдь не соответствовали исторической логике. В действительности они не могли считаться ни всеобъемлющими с точки зрения объединения немецкой нации, ни разумными с позиций военной целесообразности. Границы не являлись результатом взвешенных политических актов, а сложились на момент политиче-

ской борьбы, которая далеко не окончена... С не меньшим, а во многих случаях и с большим основанием в качестве примера можно взять любой другой год в истории Германии и провозгласить восстановление границ того времени целью внешней политики».

«Исходный год» Гитлера относится к XIII веку, когда германцы оттеснили славян на восток. Подобное продвижение на восток следовало возобновить.

«В настоящее время в Европе проживает восемьдесят миллионов немцев! Текущую внешнеполитическую деятельность можно признать правильной лишь в том случае, если через сто лет на земле будут проживать двести пятьдесят миллионов немцев».

Все они будут жить в новых границах большого рейха. Очевидно, каким-то народам придется потесниться, чтобы разместить так много немцев. Что это за народы?

«Таким образом, мы, национал-социалисты... начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановим бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратим наш взор на земли, расположенные на востоке.

Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы в основном можем иметь в виду лишь Россию и ее вассальные пограничные государства».

Судьба, как отмечал Гитлер, в данном случае благосклонна к Германии. Россия оказалась в руках большевиков, что, по его словам, фактически означало ее передачу евреям. «Огромная империя на Востоке, – ликовал Гитлер, – близка к краху. Свержение еврейского правления в России положит в свою очередь конец России как государству».

Обширные степи на Востоке, подчеркивал Гитлер, можно захватить сравнительно легко после поражения России, которое немцам будет стоить не так много крови.

Мог ли кто-либо утверждать, что эти наметки будущих планов Гитлера не отличались ясностью и точностью? Франция будет сокрушена, однако это имеет второстепенное значение по сравнению с устремлением Германии на Восток. В первую очередь будут захвачены земли на Востоке, непосредственно прилегающие к Германии, где преобладало немецкое население. Какие земли имелись в виду? Разумеется, Австрия, Судетская область в Чехословакии и западная часть Польши, включая Данциг. После этого настанет черед и самой России.

Почему же все в мире были так удивлены, когда рейхсканцлер Гитлер спустя несколько лет приступил к осуществлению этих задач?

Идеи Гитлера, изложенные в «Майн кампф», относительно структуры будущего нацистского государства носят менее конкретный характер. Он достаточно ясно дал понять: в будущем нет места для разной «демократической чепухи» и Третий Рейх будет руководствоваться «принципом фюрера», что означало установление диктатуры. В книге Гитлера почти ничего не сказано об экономике. Она нагоняла на Гитлера тоску, и он никогда не пытался углубить свои познания в этой области, ограничиваясь лишь обыгрыванием сумасбродных идей чудакотого Готфрида Федера, выступавшего против «принудительного налогообложения».

Гитлера интересовала лишь политическая власть. Экономика сама о себе как-нибудь позаботится.

«Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства... Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия начинали улучшаться, и всегда, когда экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре воз-

никали экономические трудности. До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства...» Поэтому, заявил Гитлер, выступая в 1923 году в Мюнхене, «никакая экономическая политика невозможна без меча, никакая индустриализация невозможна без применения силы».

Несмотря на то что нацистская партия провозглашалась «социалистической», Гитлер еще более туманно писал о «социализме», каким он представлял его себе в новой Германии. И это неудивительно, если учесть данное Гитлером определение «социалиста» в выступлении 28 июля 1922 года:

«Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн «Германия превыше всего» в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом».

Значительная помощь по редактированию и даже доработке текста со стороны не менее трех советников отнюдь не мешала Гитлеру перескакивать в «Майн кампф» с одного вопроса на другой. Рудольф Гесс, который записал большую часть книги под диктовку сначала в тюрьме крепости Ландсберг, а затем в «Хаус Вахенфельде» под Берхтесгаденом, делал все возможное, чтобы улучшить рукопись, но был не в состоянии противостоять фюреру. Больше повезло в этом отношении отцу Бернхарду Штемпфле, бывшему члену ордена Святого Иеронима, журналисту-антисемиту, пользовавшемуся дурной славой в Баварии. Этот странный священнослужитель, о котором я расскажу позднее, исправил грамматические ошибки, допущенные Гитлером, отредактировал рукопись и убрал отдельные места, убедив автора, что они нежелательны с политической точки зрения. Третьим советником был Йозеф Черны, чех по происхождению, сотрудник нацистской газеты «Фёлькишер беобахтер», чья поэзия, направленная против евреев, привлекала Гитлера. Черны оказался полезен в редактировании первого тома «Майн кампф» для второго издания, в котором были сняты или изменены некоторые щекотливые выражения и фразы; внимательно работал он и с корректурой второго тома «Майн кампф».

Тем не менее в книге осталось немало пространных отступлений. Гитлер настаивал на импровизационном изложении своих мыслей практически по любому вопросу, включая культуру, образование, театр, кино, сатиру, искусство, литературу, историю, секс, семью, проституцию и сифилис.

Так, проблеме сифилиса Гитлер посвятил десять напыщенных страниц, провозгласив, что главной задачей партии, а не просто одной из задач, является искоренение его. Для борьбы с этой страшной болезнью Гитлер потребовал мобилизации всех пропагандистских ресурсов страны. «Все, – говорил Гитлер, – зависит от решения этого вопроса». Он подчеркивал, что проблема сифилиса и проституции может быть решена путем упрощения процедуры вступления в брак в более раннем возрасте. При этом Гитлер предвосхищает евгенику Третьего Рейха, уповая на то, что «семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача».

Ссылки на сохранение рода человеческого и расы в «Майн кампф» подводят нас к рассмотрению второй основополагающей концепции – мировоззрения Гитлера, которое многие историки, особенно в Англии, считали примитивной формой дарвинизма. На самом же деле, как мы убедимся, истоки его коренятся в истории и философии Германии. Подобно Дарвину, но как и многие немецкие философы, историки, короли, генералы и государственные деятели, Гитлер рассматривал жизнь как вечную борьбу, а мир – как джунгли, где выживает самый выносливый и правит самый сильный, «где одно существо кормится за счет другого и где гибель более слабого предполагает выживание более сильного».

«Майн кампф» изобилует высказываниями подобного рода: «В конечном счете верх может одержать лишь жажда самосохранения... Человечество достигло своего величия в вечной борьбе, а погибнет от вечного мира... Природа... создает живые существа на земле и

наблюдает за произвольной силовой игрой. Затем вверяет бразды правления своему любимому дитяти, самому сильному, мужественному и трудолюбивому... Сильнейший занимает господствующее положение и не допускает смещения с более слабым, что может повредить его собственному величию. Только слабый от рождения считает такой подход жестоким...»

По мнению Гитлера, сохранение культуры «обусловлено строгим законом необходимости, право на победу имеют самые лучшие и самые сильные мира сего. Пусть те, кто хочет жить, вступают в борьбу, а те, кто не хочет бороться в этом мире вечной борьбы, не заслуживают права на жизнь. Хотя это жестоко, но это жизнь!»

А кто же это «любимое дитя природы, самое сильное, мужественное и трудолюбивое», которому Провидение вверило «бразды правления»? Арийцы. Тут мы подходим к самой сути нацистской идеи о расовом превосходстве, нашедшей отражение в «Майн кампф», к концепции о высшей расе, на которой основывался Третий Рейх и «новый порядок» Гитлера в Европе.

«Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы сегодня являемся, почти исключительно – плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец – родоначальник высшего гуманизма, а следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом «человек». Он – Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигавшие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами Земли... Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры».

Каким же образом ариец достиг столь многого и добился такого превосходства? Гитлер ответил на этот вопрос следующим образом: растоптав других. Подобно многим немецким мыслителям XIX века, Гитлер упивался садизмом (и его противоположностью – мазохизмом), который всегда был довольно труден для понимания иностранными исследователям, занимающимся изучением немецкого духа.

«Следовательно, для формирования более высоких культур одной из самых главных предпосылок является наличие людей низшего типа... Несомненно, первые человеческие цивилизации в меньшей степени основывались на укрощении животных, нежели на использовании человеческих существ низшего типа. Только после порабощения низших рас та же участь постигла животных. Поэтому вначале в плуг впрягли поверженного противника, а потом уже лошадь. Таким образом, неудивительно, что первые культуры возникали там, где арийцы, сталкиваясь с людьми низшего типа, покоряли и подчиняли их своей воле... До тех пор, пока ариец будет сохранять господствующее положение, он останется не только властелином, но и хранителем и создателем культуры».

Затем в историческом развитии общества произошли изменения, о которых Гитлер счел нужным предупредить германцев: «По мере того как покоренные народы поднимали голову и достигали уровня своих поработителей (на том этапе, видимо, переняв их язык), грань между хозяином и слугой стала стираться».

Но то, что они овладели языком господина, было еще не самое худшее: «Ариец перестал следить за чистотой своей крови и тем самым лишился рая, который для себя создал. Ариец погряз в кровосмешении с другими расами и постепенно потерял свои творческие задатки».

По мнению молодого нацистского главаря, именно в этом заключалась кардинальная ошибка.

«Кровосмешение и соответствующее понижение расового уровня является единственной причиной вымирания древних цивилизаций; люди гибнут не в результате проигранных войн, а из-за утраты сопротивляемости организма, которая присутствует лишь в чистокровной личности. Все, кто не принадлежит к высшей расе, составляют отбросы».

Таковыми отбросами были евреи и славяне. Со времени, когда Гитлер станет диктатором и победителем, он запретит браки немцев с представителями других рас, хотя даже четвероклассник мог без труда объяснить фюреру, что в самих германцах течет немало славянской крови, особенно в выходцах из восточных провинций Германии. Следует еще раз подчеркнуть, что в претворении расовых идей Гитлер оставался верен себе. Согласно «новому порядку», который в ходе Второй мировой войны стал насаждаться среди славянских народов, чехи, поляки и русские являлись – и таковыми им суждено было оставаться навсегда в случае, если пресловутый «новый порядок» продолжал бы функционировать и дальше, – подневольными чернорабочими у своих германских господ.

Человеку, столь слабо разбиравшемуся в истории и антропологии, как Гитлер, ничего не стоило сделать из немцев современных арийцев и таким образом превратить их в высшую расу. Для Гитлера германцы являлись «высшей человеческой расой на Земле» и таковыми останутся при условии, если не только «приложат усилия к тому, чтобы выводить новые породы собак, лошадей и кошек, но и позаботятся о чистоте своей крови».

Одержимость расовыми проблемами привела Гитлера к отстаиванию идеи «народного» государства. Какое, в сущности, государство имелось в виду или предполагалось создать – мне так и не удалось понять, несмотря на неоднократное чтение «Майн кампф» и присутствие на выступлениях самого фюрера, посвященных данному вопросу, где я не раз слышал, как диктатор заявлял, что именно эта мысль является главной в его философии.

Немецкое слово «фольк» не поддается точному переводу. Обычно его переводят как «нация» или «народ», однако в немецком языке данное слово имеет несколько иной, более глубокий смысл и означает скорее примитивное родовое сообщество людей, объединившихся по кровному и земельному признаку. В «Майн кампф» Гитлер, преодолевая трудности, пытается дать определение народного государства, заявляя, например, что он постарается объяснить «народную» концепцию, чтобы покончить со всеми прочими трактовками, а затем пускается в разглагольствования на другие темы. Наконец, он пытается дать такое определение:

«В отличие от буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения народная философия рассматривает значение человечества в его базовых расовых элементах. В государстве она видит лишь одно из средств для достижения конечной цели, считая, что эта цель состоит в сохранении расового существования человека. Следовательно, данная философия никоим образом не исходит из равноправия рас, а наряду с их различием признает высшие либо низшие расовые ценности и считает себя обязанной содействовать торжеству лучших и более сильных рас. Она предполагает подчинение низших и более слабых рас в соответствии с вечным порядком, господствующим во Вселенной. Таким образом, настоящая философия в принципе отвечает основной идее аристократической натуры и исходит из обязательности данного закона для всех, а также учитывает не только различную ценность рас, но и различную ценность отдельных лиц. Согласно этой философии из масс важно выдвигать индивидуальность и таким образом... создавать некое организующее начало. Она верит в необходимость идеализации человечества, в которой видит лишь предпосылку существования рода человеческого. Однако она не может дать право на существование какой-либо этической идеи, если эта идея представляет угрозу расовому существованию носителей более высокой этики. Ибо в мире, населенном неполноценными особями и черномазыми, любые гуманные воззрения, какими бы прекрасными и величественными они ни были, а также любые идеи относительно идеального будущего нашего человечества утрачены раз и навсегда...»

Следовательно, немецкая жизненная философия соответствует исконному желанию природы, поскольку воссоздает свободную игру сил, которые способны привести к постоянному взаимному улучшению рода, пока наконец лучшие представители человечества, добившись господства на нашей планете, не станут располагать полной свободой действий в тех владениях, которые частично выходят за ее пределы.

Мы все ощущаем, что в отдаленном будущем человечество столкнется с проблемами, решить которые будет под силу лишь высшей расе – властителям всей планеты».

«Таким образом, – заявляет далее Гитлер, – высшей целью народного государства является забота о сохранении тех первоначальных расовых элементов, которые наследуют культуру и закладывают основы красоты и достоинства высшей человеческой расы».

Гитлер снова подходит к проблеме евгеники: «Народное государство... ставит расовый вопрос в центр своего внимания. Оно прилагает усилия к тому, чтобы сохранять чистоту расы... следит за тем, чтобы детей рожали лишь здоровые люди, ибо страшный позор – производить на свет детей больными и немощными родителями и большая честь – отказаться от этого. И наоборот, предосудительным следует считать нежелание производить здоровых детей для нации. В этом случае народное государство должно выступить в роли гаранта грядущих поколений, перед лицом которых желания и эгоизм отдельного лица надо отбрасывать в сторону и подавлять... Народное государство, таким образом, начинается с повышения роли семьи с целью покончить с постоянным загрязнением расы и превратить ее в институт, призванный производить на свет божественные создания, а не уродов, нечто среднее между человеком и обезьяной».

Фантастичная концепция Гитлера относительно народного государства повлекла за собой довольно много прочих пространных высказываний, которые, по мнению фюрера, были призваны содействовать тому, чтобы немцы стали хозяевами земли, – он был одержим идеей доминирующей роли Германии. В одном из подобных высказываний Гитлер утверждает, что неспособность немцев сохранить свою расовую исключительность лишила их «мирового господства. Если бы германский народ обладал родовым единством, присущим другим народам, то в настоящее время Германский Рейх, несомненно, владел бы миром».

Поскольку народное государство основывается на расовом признаке, «Германский Рейх включает всех немцев» – основное положение концепции Гитлера, которое он не забыл, придя к власти, а напротив, сразу стал проводить в жизнь.

Так как народное государство строится на идее «аристократической природы», для демократии в данной концепции нет места и ее должен заменить «принцип фюрера». Третьему Рейху необходимо взять на вооружение авторитаризм прусской армии: «власть начальника над подчиненными и подчинение нижестоящих вышестоящим».

«Решения большинством не предусмотрены, решения принимаются только ответственными лицами... Разумеется, каждый руководитель в своем распоряжении будет иметь штат советников, но решение принимается им единолично... только он один располагает полномочиями и правом отдавать распоряжения... Невозможно обойтись без парламента, однако его роль – давать советы... Ни в одной из палат не будет голосований. Палаты являются рабочими органами, а не орудиями голосования. Данный принцип – абсолютное подчинение, безоговорочно слитое с полной властью, – постепенно сформирует элиту руководителей, создание которой в нынешних условиях, в эпоху безответственного парламентаризма, совершенно невысказано».

Таковы были идеи Адольфа Гитлера, откровенно и грубо изложенные им в дни пребывания в крепости Ландсберг, когда он смотрел на цветущие фруктовые сады в верховьях реки Лех¹³, или позднее, в 1925–1926 годах, когда, отдыхая на балконе комфортабельной гостиницы в Берхтесгадене, взирал на гористые Альпы, за которыми лежала его родная Австрия. Он диктовал свои тирады преданному Рудольфу Гессу и мечтал о Третьем Рейхе, который создаст,

¹³ «Если бы я не попал в тюрьму, – отмечал впоследствии Гитлер, – я никогда бы не написал «Майн кампф». В тот период у меня появилась возможность более глубоко осмыслить понятия, в отношении которых у меня имелись лишь чисто интуитивные догадки... В ту пору я пришел к убеждению, что нам уже не удастся взять власть силой, хотя многим моим сторонникам так и не было дано этого понять. Государство имело достаточно времени для консолидации сил, к тому же обладало боевыми средствами».

взяв за основу свои идеи, и которым будет править железной рукой. Что в один прекрасный день он построит свой рейх и будет управлять им – не вызывало у Гитлера сомнений. Им овладело неистовое чувство осознания своей миссии, хорошо знакомое столь многим талантливым людям, которые всегда существовали на протяжении веков и появлялись вроде бы неизвестно откуда. Гитлер объединит избранную нацию, которая до этого никогда не была политически единой. Он очистит расу, сделает сильной, и она станет господствовать на земле.

Что это? Незрелый дарвинизм? Садистская фантазия? Безответственный эгоизм? Мания величия? Да, тут всего понемногу. Но было и нечто большее. Мысли и страсти Гитлера, заблуждения, овладевшие его воспаленным сознанием, – все уходит своими корнями в глубь истории и философии Германии. Нацизм и Третий Рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории.

Исторические корни Третьего Рейха

В начале сентября, в разгар ежегодных сборищ членов нацистской партии в Нюрнберге, я часто видел лоточников, торгующих почтовыми открытками с изображением Фридриха Великого, Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера. Надпись на открытках гласила: «Что завоевал король, укрепил князь, защитил фельдмаршал, спас и объединил солдат». Таким образом, Гитлер-солдат изображался не только человеком, спасшим и объединившим Германию, но и преемником этих известных деятелей, возвеличивших нацию.

Подразумеваемая преемственность германской истории, достигшая кульминации во времена правления Гитлера, воспринималась широкими массами как нормальное явление. Само название «Третий Рейх» призвано было подчеркнуть эту мысль. Первым Рейхом считалась средневековая Священная Римская империя; Вторым – империя, созданная Бисмарком в 1871 году после победы Пруссии над Францией. Оба рейха прославили Германию. Как заявляла нацистская пропаганда, Веймарская республика смешала это доброе имя с грязью, а Гитлер обещал, что Третий Рейх восстановит былую славу нации. Таким образом, гитлеровская Германия изображалась как логическое продолжение всей предыдущей истории или по крайней мере всего того, чем можно было гордиться.

Но бывший венский бродяга, какими бы бессистемными ни были его знания, достаточно хорошо знал историю, чтобы понимать, что Германия терпела в прошлом и поражения, поражения, которые рассматривались как победы Франции и Англии. Гитлер никогда не забывал о том, что в конце средних веков, в период, когда Англия и Франция завершали объединение нации, Германия оставалась странным конгломератом примерно из трехсот отдельных государств. Национальная раздробленность в значительной степени сказалась на ходе развития Германии с конца средних веков до середины XIX столетия, что сильно отличало ее от других крупных стран Западной Европы. В XVI и XVII веках в результате введения Реформации к отсутствию политического и династического единства добавились ожесточенные религиозные распри. В этой книге не хватит места, чтобы должным образом поведать об огромном влиянии на немцев и всю последующую историю Германии Мартина Лютера – саксонского крестьянина, ставшего августинским монахом и положившего начало Реформации в стране.

Попутно все же надо заметить, что этот великий, но сумасбродный гений, ярый антисемит и противник римской католической церкви, в буйном характере которого нашли отражение лучшие и худшие черты германской нации – грубость, резкость, фанатизм, нетерпимость, жажда насилия и вместе с тем честность, простота, сдержанность, страсть к знаниям, любовь к музыке и поэзии, стремление к праведности, – оставил в сознании немцев, как во благо, так и во вред, след более неизгладимый и роковой, чем любой другой деятель до и после него.

Своими проповедями и прекрасным переводом Библии Лютер обогатил современный немецкий язык, пробудил в народе не только новое протестантское видение христианства, но и

пламенный немецкий национализм, внушил немцам, по крайней мере относительно религии, мысль о свободе совести каждого.

Однако трагедия состояла в том, что в крестьянских восстаниях, в значительной степени инспирированных самим Лютером, он занимал сторону князей. Все это (как и страсть Лютера к политической автократии) содействовало появлению бездумного провинциального политического абсолютизма, в результате чего большая часть немецкой нации была разорена и впала в состояние страшной спячки и унижающего человеческого достоинства раболепия. Но самое ужасное, видимо, состояло в том, что это помогло увековечить бессмысленное разделение не только между классами, но и между различными династическими и политическими группировками германской нации. Возможность объединения Германии была отодвинута на века.

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир 1648 года, завершивший ее, нанесли стране такой сокрушительный удар, от которого ей так никогда и не удалось оправиться. Тридцатилетняя война была последней крупной религиозной войной в Европе, которая еще до своего окончания из конфликта между протестантами и католиками переросла в запутанную борьбу династий – между австрийскими Габсбургами (католиками) с одной стороны и французскими Бурбонами (католиками) и шведской монархией (протестантами) с другой. В результате жестоких боев Германия оказалась опустошенной, города и деревни были разрушены и разграблены, население истреблено. По подсчетам, в ходе этой варварской войны погибла треть германской нации.

Вестфальский мир для будущего Германии явился таким же губительным, как и сама война. Германские князья, вставшие на сторону Франции и Швеции, были признаны абсолютными правителями своих небольших владений, число которых достигло примерно 350, а император оставался формальным главой государства. Стремление к проведению реформ и жажда просвещения, охватившие Германию в конце XV – начале XVI веков, были задушены.

В тот период подлинной независимостью пользовались вольные города; феодализм отошел в прошлое, процветали искусство и торговля. Да и немецкие крестьяне пользовались большей свободой, чем крестьяне в Англии и Франции. Действительно, в начале XVI века Германия по праву считалась одним из оплотов европейской цивилизации.

После Вестфальского мира Германия была обречена на варварство как в Московии. Вновь ввели крепостное право, которое распространилось даже на те районы, где о нем раньше не имели понятия. Города утратили самоуправление. Крестьян, рабочих и бюргеров нещадно эксплуатировали князья, которые держали их в унижительном рабстве. Полностью приостановился процесс образования и развития искусств. Алчные правители без понимания относились к германскому национализму и патриотизму, подавляли любые проявления этих чувств у своих подданных. Развитие цивилизации в Германии застопорилось. Рейх, как заметил один историк, «искусственно стабилизировался на средневековом уровне беспорядков и слабости».

Германии не было суждено оправиться от этого удара. Принятие автократии, слепое повиновение правителям – мелким тиранам – глубоко укоренились в сознании немцев. Идеи демократии и парламентаризма, получившие столь быстрое развитие в Англии в XVII–XVIII веках и всколыхнувшие Францию в 1789 году, не затронули Германию. Политическая незрелость страны, ее раздробленность на множество мелких государств и изолированность немцев от бурных течений европейской мысли привели к отставанию Германии от других стран Запада. Естественное развитие нации тормозилось.

Это надо иметь в виду, чтобы понять тот губительный путь, по которому впоследствии пошла страна, и то ущербное состояние духа, которым она пропиталась. В конечном счете германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия.

К востоку от Эльбы простиралась Пруссия. Во второй половине XIX века – века, ставшего свидетелем жалких попыток нерешительных либералов создать в 1848–1849 годах во

Франкфурте некое подобие демократической объединенной Германии, – Пруссия взяла судьбу Германии в свои руки. На протяжении столетий это германское государство находилось в стороне от основного направления развития истории и культуры Германии. Пруссия являлась как бы ошибкой истории. Возникла она как окраинное, пограничное государство Бранденбург на песчаных землях к востоку от Эльбы, с которых начиная с XI века силой оружия немцы постепенно оттесняли славян. В период правления бранденбургских князей Гогенцоллернов, которые мало чем отличались от военных авантюристов тех времен, славян, большей частью поляков, вытесняли в сторону Балтики. Население, оказывавшее сопротивление, либо уничтожали, либо превращали в безземельных крепостных.

Согласно императорскому указу в Германской империи князьям не разрешалось присваивать себе королевские титулы, но в 1701 году император согласился на избрание Фридриха III прусским королем в Кенигсберге.

К тому времени Пруссия благодаря своим военным усилиям превратилась в одно из ведущих государств Европы. Однако у нее не было ресурсов, которыми располагали другие страны, – земли Пруссии были неплодородны, лишены природных ископаемых, а население немногочисленно. Крупных городов и промышленности не было, культура развивалась медленно. Даже знатные люди не считались состоятельными, а безземельные крестьяне жили просто в скотских условиях.

Тем не менее Гогенцоллернам благодаря огромной силе воли и организаторскому таланту удалось создать спартанское военное государство, чья хорошо обученная армия одерживала одну победу за другой и чья макиавеллевская дипломатия временных союзов с любым более сильным в данный момент партнером способствовала неуклонному расширению территории Пруссии.

Так искусственно возникло государство, которое не было порождено ни движением народных масс, ни какой-либо идеологией, не считая жажды завоеваний. Абсолютная власть правителя, бюрократический аппарат с его ограниченными взглядами и армия с жестокой дисциплиной сплотили это государство. Две трети, а иногда и пять шестых государственного бюджета ежегодно шли на военные нужды, и армия при короле стала государством в государстве. «Пруссия, – заметил Мирабо, – это не государство с армией, а армия с государством».

И это государство, которое управляло с фабричной деловитостью и безжалостностью, стало всем. Люди значили в нем немного больше, чем винтики налаженного механизма. Не только короли и сержанты, обучавшие муштре, но и философы давали наставления и поучали, что смысл жизни состоит в послушании, работе, самопожертвовании и долге.

Даже Кант проповедовал, что долг предполагает подавление человеческих чувств; прусский поэт Виллибальд Алексис прославлял порабощение народа в эпоху правления Гогенцоллернов. Лессинг, который не разделял таких взглядов, писал: «Пруссия – самая рабская страна Европы».

Юнкерство, которому суждено было сыграть существенную роль в современной Германии, также являлось уникальным производным Пруссии. Юнкеры считали себя высшей расой. Именно они заняли захваченные у славян земли и создали на них крупные поместья, где работали ставшие безземельными крепостными славяне, положение которых не шло ни в какое сравнение с положением крестьянства Запада.

Аграрная система Пруссии коренным образом отличалась от аграрной системы западной части Германии и Западной Европы. На Западе дворяне, владевшие большей частью земли, получали от крестьян арендную плату или феодальные сборы. Причем крестьяне, хотя часто и являлись крепостными, имели определенные права и привилегии и могли (и в целом ряде случаев им это удавалось) со временем получить собственную землю и гражданскую свободу. На Западе крестьянство составляло значительную часть населения, и землевладельцы при всех их недостатках на досуге заводили знакомства и развивали культуру, что отражалось на их

образе жизни и способствовало утонченности манер, развитию мысли и искусств. Прусское юнкерство пренебрегало праздным образом жизни.

Юнкер сам усердно трудился и управлял своим большим поместьем под стать нынешнему директору фабрики. К безземельным крепостным он относился в сущности как к рабам и в своих огромных владениях считался полновластным хозяином. В Пруссии не было крупных городов и значительной буржуазной прослойки, как на Западе, поэтому юнкерство мало преуспело в культурном развитии.

В противоположность просвещенным господам Запада в юнкере получили развитие грубость, властность, высокомерие мужлана, необразованного и некультурного, которого отличали агрессивность, самодовольство, беспощадность, узость мышления, а также жажда мелочной наживы – другими словами, то, что некоторые немецкие историки отмечали в характере самого преуспевающего представителя юнкерства Отто фон Бисмарка.

Этому талантливому политику, апостолу «железа и крови», удалось в период с 1866 по 1871 год покончить с раздробленностью Германии, существовавшей почти тысячу лет, и насильно заменить ее Великой Пруссией, или, если можно так выразиться, прусской Германией. Уникальное создание Бисмарка – Германия, которую мы еще застали, почти целое столетие считалась трудным ребенком в европейской и мировой семье. Это нация одаренных, трудолюбивых людей, в которой сначала знаменитому Бисмарку, а затем кайзеру Вильгельму II и, наконец, Гитлеру при помощи военной элиты и безвестных интеллектуалов удалось привить жажду власти и владычества, страсть к безудержному милитаризму, презрение к демократии и свободе личности и стремление к автократии и деспотизму. В порыве вдохновения нация достигала больших высот, терпела поражения и возрождалась вновь, пока с разгромом Гитлера весной 1945 года, похоже, не потерпела крах, хотя, очевидно, слишком рано говорить об этом с полной уверенностью.

«Великие проблемы, стоящие перед нами сегодня, – заявил Бисмарк, став премьер-министром Пруссии в 1862 году, – нельзя решать принятием резолюций большинством, в чем состояла ошибка тех, кто находился у власти в 1848–1849 годах, а можно лишь «железом и кровью». Именно таким образом Бисмарк и пытался решать важные проблемы, хотя надо отметить, что он привнес в эту тактику определенный дипломатический лоск, зачастую, правда, весьма обманчивый. Целью Бисмарка было сокрушить либералов, поддержать власть консерваторов – иными словами, юнкерства, армии и государства – и превратить Пруссию в противовес Австрии в государство, играющее доминирующую роль не только в Германии, но и по возможности во всей Европе.

«Германию прельщает не прусский либерализм, – заметил Бисмарк депутатам прусского парламента, – а ее сила».

Прежде всего он создал прусскую армию и, когда парламент отказался проголосовать за выделение дополнительных ассигнований, сам нашел необходимые средства и в конечном счете распустил парламент. Усилив армию, Бисмарк провел одну за другой три войны. В результате первой – Датской войны 1864 года – герцогства Шлезвиг и Гольштейн отошли к Германии. Вторая – австро-прусская война 1866 года – имела далеко идущие последствия. Австрия, которая на протяжении веков занимала ведущее место среди германских государств, оказалась отстраненной от германских дел. Ей было отказано во вступлении в Северо-Германский Союз, к созданию которого приступил Бисмарк.

«В 1869 году, – писал известный немецкий ученый-политолог Вильгельм Репке, – Германия прекратила свое существование». Пруссия одним махом аннексировала все германские государства к северу от реки Майн (за исключением Саксонии), воевавшие против нее, в том числе герцогства Ганновер, Гессен, Нассау, Франкфурт и герцогства по Эльбе. Все другие германские государства к северу от Майна были насильно включены в Северо-Германский Союз. Пруссия простиралась теперь от Рейна до Кенигсберга и играла в союзе ведущую роль. В теч-

ние пяти лет после победы над французским императором Наполеоном III южные германские государства во главе с королевством Бавария вошли в прусскую Германию.

Венцом успехов Бисмарка явилось создание Второго Рейха 18 января 1871 года, когда прусского короля Вильгельма I объявили германским императором в Зеркальном зале Версальского дворца. Германия была объединена прусской военщиной и стала самой мощной державой континента, противостоять которой в Европе могла лишь Англия.

Но это оказалось роковым заблуждением. Германская империя, по словам Трейчке, была по существу не чем иным, как продолжением Пруссии. «Пруссия, – подчеркивал этот автор, – является решающим фактором... Воля империи есть не что иное, как воля прусского государства». Это соответствовало действительности и имело губительные последствия для самих немцев. Ход истории Германии с 1871 по 1933 год и, разумеется, вплоть до поражения Гитлера в 1945 году, за исключением периода Веймарской республики, – это результат бездумного бега по прямой.

Несмотря на демократический фасад, появившийся благодаря созданию рейхстага, члены которого избирались лицами мужского пола путем всеобщих выборов, Германская империя представляла собой милитаристскую автократию во главе с королем Пруссии, одновременно являвшимся германским императором. Рейхстаг обладал небольшими полномочиями, мало чем отличаясь от дискуссионного клуба, где депутаты излагали свои проблемы и вымаливали скудные поправки для тех слоев населения, интересы которых они представляли. Находившийся у престола кайзер обладал правами помазанника Божьего. Не далее как в 1910 году Вильгельм II провозгласил, что королевская корона «дарована милостью Божьей, а не разными парламентами, национальными собраниями и решениями народа». «Рассматривая себя проводником воли Всевышнего, – добавил он, – я буду поступать по своему усмотрению».

Парламент не являлся для него препятствием. Назначенный Вильгельмом II канцлер подчинялся королю, а не рейхстагу. Национальное собрание не могло ни свергнуть, ни отставить канцлера. Этой прерогативой обладал лишь монарх. Таким образом, в отличие от других западных стран, идеи демократии, независимого народа, верховной власти парламента не нашли своего развития в Германии даже с наступлением XX века.

И все же к 1912 году социал-демократы после многолетних преследований со стороны Бисмарка и императора стали крупнейшей партией в рейхстаге. Они во всеуслышание требовали установления парламентской демократии. Однако они оказались недееспособными. Несмотря на численное превосходство партии, социал-демократы по-прежнему были в меньшинстве.

Буржуазия, разбогатевшая на запоздалом и неравномерном развитии промышленной революции и ослепленная успехом милитаристской политики Бисмарка, предпочла материальный достаток любым устремлениям к политическим свободам, которые у нее, возможно, и имелись¹⁴.

Гитлер, как мы уже отмечали, в полной мере учел подобные настроения. В данном случае, как и в других вопросах, он многое почерпнул у Бисмарка. «Я изучил социалистическое законодательство Бисмарка, – писал он в «Майн кампф», – в частности, цели, сопротивление и успех данного законодательства».

¹⁴ В определенном смысле германский рабочий класс пошел на подобную сделку. В целях борьбы с социализмом Бисмарк в период с 1883 по 1889 год развернул программу социального обеспечения, не имеющую аналогов в других странах. Программа включала обязательное страхование рабочих по старости, по болезни, в связи с несчастными случаями и потерей трудоспособности. Хотя данная программа проводилась государством, финансировалась она за счет предпринимателей и рабочих. Нельзя утверждать, что программа приостановила влияние социал-демократов или профсоюзов, но она сильно отразилась на сознании рабочего, который постепенно стал придавать большее значение своей социальной обеспеченности, чем политическим свободам. В результате рабочие начали видеть в государстве, каким бы консервативным оно ни являлось, своего благодетеля и защитника.

Буржуазия приняла автократию Гогенцоллернов. Она с радостью склонилась перед бюрократией юнкерства и страстно приветствовала прусский милитаризм. Звезда Германии взошла, и немцы – почти все население – жаждали сделать все, что требовали от них хозяева, чтобы она не закатилась.

В конечном счете Гитлер, этот нищий австриец, оказался в их числе. Второй Рейх Бисмарка, несмотря на имеющиеся ошибки и «страшное разлагающее влияние», был для него величественным творением, в котором немцы наконец осознали самих себя.

«Разве не Германия, первая среди других стран, являет собой замечательный пример империи, которая создана исключительно на основе политики силы? Пруссия, положившая начало становлению империи, возникла в результате блистательного героизма, а не финансовых операций и коммерческих сделок. Рейх, в свою очередь, являлся лишь великолепной наградой активному политическому руководству и безграничному мужеству его солдат...»

Сам факт создания Рейха был словно освещен торжественностью события, которое всколыхнуло всю нацию. После целого ряда ни с чем не сравнимых побед во имя детей и внуков был создан Рейх как награда за бессмертный героизм... Рейх не был обязан своим появлением мошенничеству парламентских фракций, он поднялся над всеми другими государствами по велению свыше, ибо это торжественное событие произошло не в трескотне парламентских разглагольствований, а в яростных сражениях под Парижем. Было провозглашено, что немцы – князья и простые люди – полны решимости создать в будущем Рейх и вновь поднять корону империи на должную высоту... Государство Бисмарка создали не дезертиры и бездельники, а полки, сражавшиеся на фронтах.

Это замечательное явление и заряд внутренней энергии создали вокруг Рейха ореол исторической славы, которым могли гордиться – и то в редких случаях – только самые древние государства... Внешняя свобода гарантировала ежедневный достаток внутри страны. Нация обогатилась не только численно, но и материально. Честь государства и честь всего народа защищала и охраняла армия...»

Именно такую Германию Гитлер намеревался воссоздать. В «Майн кампф» он довольно подробно останавливается на причинах падения Второго Рейха: терпимость по отношению к евреям и марксистам, грубый материализм и эгоизм буржуазии, бесчестное влияние «низкопоклонников и льстецов», окружавших престол Гогенцоллернов, «безрассудная союзническая политика Германии», которая связала ее с деградирующими Габсбургами и ненадежными итальянцами вместо Англии, а также отсутствие основополагающей социальной и расовой политики.

И Гитлер обещал, что эти недостатки устранил национал-социализм.

Интеллектуальные корни Третьего Рейха

Откуда, помимо истории, черпал Гитлер свои идеи? Противники Гитлера как в самой Германии, так и за ее пределами были люди слишком занятые или слишком легкомысленные, чтобы всерьез обратить внимание, пока не поздно, на то, что он, подобно многим своим соотечественникам, каким-то образом впитал в себя странную мешанину безответственных, пропитанных манией величия идей германских мыслителей XIX века. А Гитлер, зачастую знакомясь с такими учениями из вторых рук – скажем, слышал о них от такого псевдофилософа, как Альфред Розенберг, или от своего друга, вечно пьяного поэта Дитриха Экарта, – подхватывал эти воззрения с лихорадочным восторгом неопита. Однако хуже всего было то, что он решил применить эти идеи на практике, если когда-либо представится такая возможность.

Мы уже знаем, какие мысли обуревали его: прославление войны и завоеваний и абсолютная власть авторитарного государства; вера в германцев как в высшую расу и ненависть к евреям и славянам; презрение к демократии и гуманизму. Эти взгляды не новы и не при-

надлежали Гитлеру, хотя впоследствии способы применения их были разработаны именно им. Подобные воззрения исходили от довольно странной плеяды образованных, но непоследовательных философов, историков и просветителей, которые владели умами немцев в прошлом веке. Это, как оказалось, имело губительные последствия не только для самих немцев, но и для большей части всего человечества.

К числу просвещенных немцев, разумеется, принадлежали наиболее выдающиеся представители взглядов и идеалов западного мира: Лейбниц, Кант, Гердер, Гумбольдт, Лессинг, Гёте, Шиллер, Бах и Бетховен, внесшие уникальный вклад в развитие западной цивилизации. Однако германская культура, господствовавшая в XIX веке, что совпало с расцветом прусской Германии, начиная с Бисмарка и кончая Гитлером, опирается в первую очередь на учения Фихте и Гегеля, затем на учения Трейчке, Ницше и Рихарда Вагнера. Немецкая культура испытала влияние и звезд меньшей величины, не последнее место среди которых по непонятным причинам заняли довольно странный француз и эксцентричный англичанин. Им удалось добиться духовного разрыва с Западом, который не был восстановлен и в XX веке.

В 1807 году, после унижающего поражения, которое понесла Пруссия от французской армии Наполеона I в сражении под Йеной, Иоганн Готлиб Фихте стал читать свои знаменитые «Речи к немецкой нации» в Берлинском университете, где он возглавлял кафедру философии. Его «Речи» пробудили от спячки и воодушевили разрозненную, побежденную нацию, и отголоски этих лекций можно было слышать даже во времена Третьего Рейха. Учение Фихте оказалось пьянящим вином для разуверившегося в своих силах народа. Согласно этому учению, романские народности, в особенности французы, и евреи являются упадочническими расами. Только германской нации дарована способность возродиться.

Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начинается расцвет новой исторической эпохи. Такова воля Божья. Всем будет руководить многочисленная элита, свободная от каких-либо моральных ограничений, свойственных индивидуумам. Некоторые из этих идей, как мы видели, изложены Гитлером в «Майн кампф».

После смерти Фихте в 1814 году его преемником в Берлинском университете стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Диалектика утонченной, доходящей до самой сути философии Гегеля вдохновляла Маркса и Ленина и способствовала таким образом развитию коммунистического мировоззрения. Вместе с тем возвеличивание Гегелем государства как верховной власти в жизни человека проложило дорогу Второму Рейху Бисмарка и Третьему Рейху Гитлера.

По Гегелю, государство есть все или почти все. Он утверждал также, что государство – высшее проявление «мирового духа», «мораль вселенной»; оно олицетворяет актуальность этической идеи, этической мысли как формы самосознания; государство безраздельно властвует над индивидуумом, высший долг которого состоит в том, чтобы быть членом государства, ибо право мирового духа выше всех особых привилегий...

Как же тогда следовало рассматривать счастье отдельного человека на земле? Гегель отвечает, что «мировая история – это не империя счастья». Периоды счастья, по заявлению философа, – это пустые страницы истории, поскольку они отражают периоды согласия, когда отсутствуют конфликты. Война является великим чистилищем. По мнению Гегеля, она содействует этическому здоровью народов, развращенных долгой жизнью в мире, подобно тому, как порывы ветра освобождают море от нечистот, накопившихся за время затянувшегося шторма.

Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни героям, которые возглавляют его. Согласно учению Гегеля, мировая история возвышается над всем остальным... Неуместные моральные устои не следует противопоставлять деяниям и свершениям, имеющим историческое значение. Раболепие перед личной добродетелью – скромностью, смирением, филантропией и терпением – не должно мешать им... Такая мощная сила как государство растопчет множество невинных цветков, сотрет в порошок многих, вставших на его пути.

Гегель предсказывал, что такое государство будет создано в Германии, когда она вновь обретет дарованную ей Всевышним силу. Он предвидел, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Читая Гегеля, понимаешь, какое вдохновение черпал Гитлер (впрочем, как и Маркс) в трудах философа, хотя был знаком с этими учениями лишь понаслышке. Следует особо подчеркнуть, что Гегель своей теорией «героев» – этих великих личностей, которым таинственное провидение вверило исполнение «воли мирового духа», вселил в Гитлера всепоглощающую уверенность в собственной миссии.

Генрих фон Трейчке появился в Берлинском университете позднее. С 1874 года вплоть до своей кончины в 1896 году Трейчке был профессором истории и пользовался огромной популярностью. Его лекции собирали множество восторженных поклонников, в число которых входили не только студенты, но и офицеры генерального штаба и представители юнкерской бюрократии.

Влияние Трейчке на мировоззрение немцев в последней четверти XIX века было велико и сохранялось во времена правления Вильгельма II, а фактически и Гитлера. Хотя Трейчке был выходцем из Саксонии, он стал ярким поклонником Пруссии, причем более истовым, нежели коренные жители Пруссии. Подобно Гегелю, он восхвалял государство и рассматривал его как высшую власть, однако формулировал свои взгляды более однозначно: народу, отдельным субъектам в стране отводилось места не больше, чем рабам. «Неважно, что вы думаете, – заявлял философ, – до тех пор, пока вы подчиняетесь».

Трейчке превзошел Гегеля, провозгласив войну высочайшим проявлением человеческой личности. В его представлении военная слава является основой всех политических достоинств; в богатой событиями памяти Германии военная слава Пруссии – это сокровище не менее драгоценное, чем лучшие творения поэтов и мыслителей. Трейчке утверждал, что проповедь мира в наши дни позорна и аморальна.

«Война есть не только политическая необходимость, но и теоретическая неизбежность, логический вывод. Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства – в его власти... Надежда на то, что война навсегда будет запрещена в мире, является не только абсурдной, но и глубоко безнравственной. Это привело бы к искоренению многих важных и возвышенных порывов человеческой души... Народ, оказавшийся во власти химеры – неосуществимой мечты о вечном мире, неизбежно будет деградировать и останется в полном одиночестве...»

Ницше, подобно Гёте, не очень лестно отзывался о немцах¹⁵. В других случаях воззрения этого гения, страдавшего манией величия, также отличаются от шовинистических взглядов немецких мыслителей XIX века. Действительно, Ницше считал большинство немецких философов, в том числе Фихте и Гегеля, «неумышленными мошенниками». Высмеивал он и «тартюфство старого Канта».

Немцы, писал Ницше в «Эссе о человеке», «не представляют, насколько они отвратительны», и он делал вывод, что, «куда бы ни вторгалась Германия, она разрушает культуру». Он считал, что христиане в той же мере, что и евреи, ответственны за «рабскую мораль», господствующую в мире. Ницше никогда не был антисемитом. Он высказывал иногда опасения по поводу будущего Пруссии, а в последние годы жизни, пока не лишился рассудка, тешил себя идеей создания всеевропейского союза и мирового правления.

Произведения Ницше полны, как отмечал Сантаяна, «гениального слабоумия» и «детского богохульства». Тем не менее нацистские писаки без устали превозносили Ницше. Гитлер

¹⁵ «Я часто испытывал, – сказал однажды Гете, – жгучую скорбь при мысли о немецком народе, отдельные представители которого в высшей степени достойны уважения, но в целом он производит жалкое впечатление. Сравнение немецкого народа с другими народами вызывает неприятное ощущение, которое я стараюсь преодолеть всеми возможными способами»

часто посещал его музей в Веймаре; свое благоговение перед философом он выражал в том, что позировал фотографам, с восторгом взирая на бюст великого мыслителя.

Имелись некоторые основания считать Ницше одним из родоначальников нацистского мировоззрения. Не этот ли философ обрушивался на демократию и парламенты, проповедовал культ власти, превозносил войну и провозглашал появление высшей расы и сверхчеловека? И не стало ли большинство высказанных им мыслей афоризмами? Всякий нацист с гордостью цитировал Ницше практически по любому мыслимому поводу.

По вопросам христианства: «Великое богохульство, чудовищное и глубочайшее извращение... Я рассматриваю его как вечное проклятие человечества... Христианство значит не больше типичного учения социалистов».

По вопросам государства, власти и внутреннего мира человека: «Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к власти, силе и порядку... Государство являет собой безнравственно слитое воедино... стремление к завоеваниям и мести... Общество не должно существовать ради самого себя, а лишь в качестве фундамента и опоры, с помощью которых избранная раса в состоянии возвыситься до более высоких задач... Не существует таких понятий, как право на жизнь, право на труд, право на счастье: в этом отношении человек ничем не отличается от самых ничтожных рабов»¹⁶.

Ницше пошел в своих рассуждениях дальше и в сочинении «Так говорил Заратустра» писал: «Ты идешь к женщине? Не забудь захватить с собой хлыст!» По поводу этого высказывания Бертран Рассел съязвил: «Девять женщин из десяти отобрали бы у него этот хлыст, и, понимая это, он избегал женщин...»

Ницше воспевал сверхчеловека, «великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед».

А что он думал по поводу войны? В этом вопросе Ницше разделял взгляды большинства других немецких философов XIX века. В своем наиболее известном труде «Так говорил Заратустра» Ницше громогласно провозглашал:

«Ты должен возлюбить мир как средство для новой войны, и краткий мир больше, нежели длительный. Я благословляю тебя не трудиться, а сражаться. Я благословляю тебя не на мир, а на войну... Ты говоришь: справедливо ли оправдывать войну? Я же говорю тебе: справедливая война освящает любую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, нежели милосердие».

Наконец, в произведениях Ницше содержалось пророчество о появлении элиты, которая станет править миром и дарует нам сверхчеловека. В «Воле к власти» Ницше утверждал: «Набирает силу отважная раса будущих правителей... Задачей будет подготовка... к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут «правителями земли».

Подобные рассуждения одного из наиболее самобытных мыслителей Германии не могли не оставить следа в мировоззрении Гитлера. Во всяком случае, он стал приписывать себе не только мысли Ницше, но и пристрастие философа к преувеличениям, а зачастую и просто его высказывания. Выражение «правители земли» часто встречается в «Майн кампф». Не вызывает сомнений и то, что в конечном счете Гитлер считал себя тем самым сверхчеловеком, появление которого предсказывал Ницше.

¹⁶ Женщин Ницше безоговорочно относил к низшей социальной группе, как, впрочем, и нацисты, заявлявшие, что место женщины на кухне, а основное ее предназначение в жизни – рожать детей немецким воинам. Ницше так излагал эту идею: «Мужчина должен готовиться к войне, а женщина – рожать воинов. Все остальное – глупости».

«Тот, кто хочет понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера», – любил повторять Гитлер.

Это утверждение частично основано на неправильном толковании жизни великого композитора. Хотя Рихард Вагнер, как и сам Гитлер, испытывал фанатичную ненависть к евреям, которые, как он считал, стремятся владеть миром с помощью своих капиталов, а также с презрением относился к парламентам, демократии, материализму и посредственности буржуазии, он в то же время страстно надеялся, что немцы, учитывая «их особый дар», будут «не править миром, а прославят его».

Однако не политические сочинения Вагнера, а его романтические оперы, столь ярко оживившие прошлое Германии, ее героические мифы, схватки языческих богов с героями, демонами и драконами, сцены кровной мести и первобытные обычаи, ощущение предопределенности судьбы, величие любви и жизни и благородство смерти, – все это питало легенды о совершенной Германии и легло в основу мировоззрения, которое Гитлер и нацисты, имея для этого веские основания, восприняли как свое собственное.

Гитлер с раннего детства почитал Вагнера и даже на закате жизни, находясь в сыром и мрачном бункере в штабе армии на Русском фронте и чувствуя, что созданный им миф изрядно скомпрометирован, а мечты на грани провала, любил вспоминать времена, когда слушал творения великого композитора, так много для него значившие. Гитлер черпал вдохновение в Байрёйтских театральных фестивалях и многочисленных посещениях дома композитора («Хаус Ванфрид»), где в ту пору жил сын композитора Зигфрид Вагнер с женой Винифред, англичанкой по рождению, которая одно время являлась близким другом Гитлера.

«Какую радость вселяло в меня каждое творение Вагнера!» – воскликнул, обращаясь к своим генералам и соратникам по партии, Гитлер в ночь на 25 января 1942 года вскоре после первого сокрушительного поражения в России, пребывая в подземном укрытии «Вольфшанце» в Растенбурге.

Кругом, как на Севере, лежал снег и было холодно. Гитлер ненавидел холод и снег, именно этого он опасался и этим объяснял первое поражение Германии в войне. Однако в тепле бункера в ту ночь мысли его были сосредоточены на одном из самых приятных воспоминаний жизни. «Я помню, – говорил он, – свое состояние, когда впервые вступил в «Ванфрид». Сказать: «Я был поражен», – значит, не раскрыть охватившие меня чувства. В самые тяжелые моменты жизни они не переставали поддерживать меня, в том числе и Зигфрид Вагнер. Я был с ними на ты. И я любил их всех и очень любил «Ванфрид»... Десять дней Байрёйтского фестиваля всегда являлись для меня блаженством. Я готов ликовать при мысли о том, что однажды снова смогу побывать там! ...На следующий день после завершения Байрёйтского фестиваля... мне очень грустно, словно с рождественской елки сняли игрушки».

Хотя Гитлер тем зимним вечером неоднократно повторял, что считает оперу «Тристан и Изольда» шедевром Вагнера, именно непревзойденное «Кольцо нибелунга» – оперный цикл, состоящий из четырех частей, созданный на основе великого германского эпоса «Песнь о Нибелунгах», над которым композитор работал почти четверть века, – возвратило Германии, в частности Третьему Рейху, так много популярных германских легенд.

Народные легенды нередко выражают духовную и культурную суть нации. Особенно справедливо данное утверждение в отношении Германии. Шеллинг даже заявлял, что «нация начинает существовать одновременно со своими легендами... Общность мышления, являющаяся выражением коллективной философии, присутствует в народных легендах; таким образом мифология олицетворяет судьбу Нации».

Макс Мелл, поэт, создавший современную версию «Песни о Нибелунгах», заявлял: «До нашего времени лишь немногое дошло от древних богов, от того гуманизма, который они так глубоко хотели внедрить в нашу культуру... Но Зигфрид и Кримхильда навсегда останутся в душе народа!»

Зигфрид и Кримхильда, Брунхильда и Хаген – герои и героини древнего эпоса, на которых так стремились походить современные немецкие юноши и девушки. Походить на них и постигать языческий мир нибелунгов – иррациональный, полный героизма, таинственности, коварства и насилия, залитый кровью, существование которого завершается «гибелью богов» и уничтожением вальхаллы, подожженной Вотаном, что захватывало воображение любого немца и компенсировало его тягу к жестокости.

Эти герои первобытного демонического мира всегда, по словам Мелла, жили в душе народа. Именно в душе немецкого народа можно ощутить борьбу между духом цивилизации и духом нибелунгов, и в тот исторический период, которому посвящена данная работа, верх, видимо, одержал последний. Поэтому совсем неудивительно, что Гитлер, следуя примеру Вотана, в 1945 году мечтал о гибели Германии в пламени пожара.

Вагнер, человек исключительно талантливый, звезда первой величины, придерживался гораздо более широких взглядов, чем изложенные выше. При постановках в Венской опере конфликты зачастую сводились к борьбе за золото, что, по мнению самого композитора, являлось «трагедией современного капитализма», поскольку, к его ужасу, золото вытеснило добродетель, унаследованную от прошлого. Однако вопреки своей любви к языческим героям Вагнер в отличие от Ницше не до конца разочаровался в христианстве. Он с большим сочувствием относился к заблуждающемуся, мечущемуся в поисках выхода человечеству. И все-таки Гитлер был не так уж не прав, когда заявлял, что для понимания нацизма надо прежде всего знать Вагнера.

Вагнер был хорошо знаком с Шопенгауэром и Ницше и находился под влиянием их идей, хотя последний и ссорился с ним, поскольку считал, что в операх Вагнера, в частности в «Парсифале», слишком акцентируется христианское самопожертвование.

На протяжении своей долгой и бурной жизни Вагнер сблизился еще с двумя людьми – французом и англичанином. О них важно упомянуть не столько из-за того, что они оказали влияние на Вагнера, хотя влияние одного из них было весьма существенным, сколько из-за того, что они повлияли на мировоззрение немцев и тем самым как бы подготовили возникновение Третьего Рейха.

Этими людьми являлись французский дипломат граф Жозеф Артюр де Гобино и писатель Хьюстон Стюарт Чемберлен, пожалуй, один из самых чудаковатых английских подданных, когда-либо живших на Земле.

Следует сразу отметить, что ни один из них не был шарлатаном. Оба отличались широкой эрудицией, большой культурой, много ездили по свету. В то же время они стали родоначальниками расовых доктрин, настолько противонаучных, что никто, даже их собственные сограждане, не воспринимал их всерьез, за исключением немцев.

Нацисты же восприняли их весьма спорные теории как откровение. Не будет преувеличением утверждение – сам я слышал это от многих сторонников Гитлера, – что Чемберлен стал духовным отцом Третьего Рейха. Этот чудаковатый англичанин, видевший в немцах представителей высшей расы и надежду будущего, боготворил Рихарда Вагнера и в итоге женился на одной из его дочерей. Он почитал сначала Вильгельма II, а затем Гитлера и был духовным наставником обоих.

На закате своей странной жизни Чемберлен приветствовал австрийского ефрейтора – задолго до того, как Гитлер пришел к власти или заручился для этого какими-нибудь шансами, – как посланца Божьего, чтобы вывести германский народ из пустыни. Гитлер, разумеется, почитал Чемберлена пророком, каковым он, по сути, и оказался.

Что же содержалось в их учении такого, что заставило немцев буквально сходить с ума по расовому вопросу и вопросу, связанному с судьбой Германии?

Главным трудом Гобино стало четырехтомное сочинение, опубликованное в Париже в период с 1853 по 1855 год и озаглавленное «Эссе о неравенстве человеческих рас». Этот фран-

цузский аристократ после службы в королевской гвардии в качестве офицера начал государственную карьеру, возглавив секретариат Алексиса Токвиля, когда прославленный автор книги «О демократии в Америке» на непродолжительное время (в 1849 году) стал министром иностранных дел Франции. Затем Гобино находился на дипломатической службе в Ганновере и Франкфурте. Его контакты с немцами, а не совместная работа с Токвилем, содействовали тому, что он создал свою теорию о расовом неравенстве, хотя однажды он признался, что писал свой труд частично для того, чтобы доказать превосходство собственного аристократического рода.

Гобино считал – и об этом он писал в посвящении королю Ганновера, – что раса является ключом к пониманию истории и цивилизации. «Расовый вопрос занимает ведущее место среди прочих исторических проблем... Неравенство рас в достаточной мере объясняет все процессы, определившие судьбу народов...» Существует три основных вида расы – белая, желтая и черная, причем белая раса считается высшей. «История, – писал Гобино, – указывает на то, что все цивилизации берут начало от белой расы и ни одна цивилизация не может развиваться без вклада белой расы».

Подлинное сокровище белой расы, по мнению Гобино, составляют арийцы – «эти трудолюбивые представители рода человеческого, благороднейшие среди белой расы», восходящие своими корнями к Центральной Азии. К сожалению, отмечает французский мыслитель, современные арийцы смешались с низшими расами, примером чего в наше время могут служить народности Южной Европы. Однако на северо-западе, выше течения Сены и к востоку от Швейцарии арийцы, пусть далеко не в первозданном виде, сохранились как представители высшей расы. К их числу Гобино относил часть населения Франции, население Англии, Ирландии и Нидерландов, немцев, проживающих по Рейну и в Ганновере, а также скандинавов.

Гобино, по-видимому, исключил из числа чистых арийцев основную массу немцев, проживавших к востоку и юго-востоку от проведенной им линии. Однако этот факт нацисты старались обходить молчанием, принимая его учение в целом.

И все же Гобино считал немцев, по крайней мере немцев, проживавших на западе Германии, лучшими представителями всех арийцев, и этот вывод нацисты, естественно, не замалчивали. Где бы ни появлялись немцы, по мнению Гобино, они везде содействовали прогрессу. Это утверждение относится и к Римской империи. Так называемые варварские германские племена, покорившие римлян и сокрушившие их империю, оказали явную услугу всей цивилизации, поскольку римляне к началу VI века немногим отличались от «выродившихся метисов», в то время как германцы являлись представителями чистой арийской расы.

«Германцы арийского типа, – заявлял Гобино, – олицетворяют собой величественное создание природы... Поэтому все их мысли, слова и действия чрезвычайно важны».

Идеи французского социолога были быстро подхвачены в Германии. Вагнер, который встретил Гобино в 1876 году, уже на склоне лет (он умер в 1883 году), также с восторгом воспринял их, и вскоре общества Гобино распространились по всей Германии.

Необычайная жизнь и творчество Х. С. Чемберлена

К числу горячих сторонников обществ Гобино в Германии принадлежал и Хьюстон Стюарт Чемберлен.

Чемберлен, сын английского адмирала и племянник фельдмаршала Великобритании сэра Невилла Чемберлена и двух английских генералов, зять Рихарда Вагнера, родился в 1855 году в Портсмуте. Ему была уготована военная карьера – служба в британской армии или на флоте, однако слабое здоровье помешало этому, и молодой человек получил образование во Франции и Женеве.

В 1870 году, когда Чемберлену было пятнадцать лет, его наставником стал Отто Кунц родом из Пруссии. На протяжении четырех лет он прививал восприимчивому, чувствитель-

ному мальчику почтительное отношение к воинствующей Пруссии и, умышленно играя на контрастах, воспитывал у него любовь к таким музыкантам и поэтам как Бетховен, Гёте, Шиллер и Вагнер. В девятнадцатилетнем возрасте Чемберлен влюбился в Анну Хорст, уроженку Пруссии, которая была старше его на десять лет и, подобно ему, отличалась повышенной экзальтированностью.

В 1882 году в возрасте двадцати семи лет Чемберлен переехал из Женевы, где в течение трех лет изучал философию, естествознание, физику, химию и медицину, в Байрёйт. Там он познакомился с Вагнером, который, по словам Чемберлена, стал солнцем в его жизни, и женой композитора Козимой. Страстную и раболепную привязанность к Козиме Чемберлен сохранил до самых последних дней своей жизни.

В 1885 году вместе с Анной Хорст, ставшей его женой, Чемберлен переселился в Дрезден, где прожил четыре года. С этого времени Чемберлен стал настоящим немцем, писал и говорил только по-немецки.

В 1889 году семья переехала в Вену и прожила там десять лет. Наконец в 1909 году Чемберлен вернулся в Байрёйт, где прожил до самой смерти, последовавшей в 1927 году.

В 1905 году он развелся со своей прусской женой, которую боготворил всю жизнь. Анне исполнилось тогда шестьдесят; умственное и физическое состояние ее было намного хуже, чем состояние мужа. Расставание с женой Чемберлен пережил так болезненно, что, по его словам, чуть не сошел с ума. Спустя три года он женился на Еве Вагнер и поселился недалеко от «Ванфрида», чтобы быть ближе к матери своей жены, достопочтенной Козиме.

Будучи натурой сверхчувствительной и неврастеничной, склонной к частым срывам, Чемберлен утверждал, что иногда ему являются «демоны», которые, как он считал, подталкивают его к постоянному поиску новых сфер деятельности и побуждают к написанию новых работ. Одно видение сменялось другим, что заставляло Чемберлена бросать занятия биологией и переключаться на ботанику, изящные искусства, музыку, философию, историю, браться за написание автобиографии.

Однажды в 1896 году, когда Чемберлен возвращался из Италии, демонические силы так подействовали на него, что он сошел с поезда в Гардоне, заперся в гостинице и восемь дней не выходил из номера. Он забросил работу над музыкальным сочинением, которым в тот момент занимался, и с присущей ему страстностью приступил к исследованиям в области биологии, пока не выяснил суть взволновавшей его проблемы, которая стала главной во всех его последующих работах: связь расы с историей.

Чемберлен обладал разносторонними познаниями в литературе, музыке, биологии, ботанике, религии, истории и политике. Как отмечалось, во всех опубликованных работах Чемберлена прослеживается некое глубинное единство, их характеризует исключительная целостность. Сам Чемберлен считал, что к написанию книг, посвященных исследованию творчества Вагнера, Гёте, Канта, вопросам христианства и расовым проблемам его побуждают демоны, по сути же, они создавались в состоянии настоящего транса и опьянения, вызванного переутомлением. Как отмечает Чемберлен в автобиографии «Жизненные пути», он зачастую не признавал эти работы своими, поскольку они превосходили его ожидания.

Впоследствии более уравновешенные по сравнению с Чемберленом исследователи опровергли его расовую теорию и большую часть исторических трудов, считая идеи Чемберлена обыкновенным шарлатанством. Однако, по мнению биографа Гитлера, немецкого антифашиста Конрада Хайдена, который сожалел о воздействии расовой теории Чемберлена на массы, последний являл собой пример «одного из наиболее удивительных дарований в истории немецкого мировоззрения, кладезь знаний и серьезных мыслей».

Произведением, которое оказало наиболее сильное влияние на мировоззрение немцев, привело Вильгельма II буквально в восторг и позволило нацистам сформулировать свои расовые взгляды, стали «Основы девятнадцатого века». Эту работу, насчитывающую примерно

1200 страниц, Чемберлен, вновь оказавшись во власти «демонов», написал в Вене за полтора года и опубликовал в 1899 году.

Как и Гобино, работы которого Чемберлен высоко ценил, он пришел к выводу, что ключом к пониманию истории, а по существу основой цивилизации, является расовый подход. Для объяснения сути XIX века, то есть современного мира, прежде всего требовалось установить, что было заимствовано из древности. Чемберлен утверждал, что заимствованы были три следующих явления: греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса Христа. Наследовали это достояние евреи, германцы («две чистые расы») и полукровки романского происхождения, жившие в районе Средиземноморья, которых Чемберлен называл «пародией на людей». Одни лишь германцы были достойны этого прекрасного наследия. Правда, в историю они вошли с некоторым опозданием, только в XIII веке. Но в предыдущую эпоху, разбив Римскую империю, они доказали свою значимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.